

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КЫРГЫЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Ж. БАЛАСАГЫНА
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АЛТАИСТИКИ И ТЮРКОЛОГИИ
«БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ
В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД**

Материалы III Международной научной конференции

9 – 12 июня 2025 г.

Бишкек – Барнаул

Барнаул, 2025

УДК 94(4/5)(063)

ББК 63.3(5)я431

Сборник материалов Международной конференции осуществлен при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркское наследие «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности»

Ответственный редактор:

Д.Т. Чонтоев, географических наук, профессор
С.Н. Бочаров, доктор экономических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Ю.А. Лысенко, доктор исторических наук, профессор
Ж.О. Омурова, доктор исторических наук, профессор
И.В. Анисимова, доктор исторических наук, доцент

Политические, социально-экономические и этнокультурные процессы в Евразии в средневековый период: Материалы III Международной научной конференции. Бишкек – Барнаул, 9 – 12 июня 2025 г. Под ред. Д.Т. Чонтоева, С.Н. Бочарова – Барнаул: Издательство Алтайского госуниверситета, 2025. – 1 DVD-R (0,5 Мб). – Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более ; 512 Мб (RAM) ; Microsoft Windows 7 и выше ; Adobe Reader. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Электронное издание

В сборнике представлены научные материалы III Международной научной конференции «Политические, социально-экономические и этнокультурные процессы в Евразии в средневековый период», которая состоялась 9–12 июня 2025 г. на базе Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына.

В сборнике рассматриваются основные тенденции этнокультурного развития Евразии, актуальные вопросы политической и социально-экономической истории региона в средние века. Издание представляет интерес для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, занимающихся проблемами тюркологии и средневековой истории Евразии.

© Алтайский государственный университет, 2025

производственно-технические сведения

Публикуется в авторской редакции

Верстка:

Дата подписания к использованию:

Объем издания: __ Мб

Комплектация издания: 1 DVD-R

Тираж 15 дисков

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

656049, Барнаул, пр. Ленина, 61

Оглавление

Акеров Т. А. АРГУ-ТАГ И КЫРГЫЗЫ	6
Алимардонов Т. Т. ТЕНГИРАНСТВО – ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ	17
Арзыбаев Т.К. СХОДСТВА МЕЖДУ ЭПОСАМИ КЫРГЫЗОВ И АЛТАЙЦЕВ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	24
Атыгаев Н.А. ИСЛАМИЗАЦИЯ МОГУЛОВ (ПО СВЕДЕНИЯМ «ТАРИХ-И РАШИДИ» МИРЗА МУХАММАД ХАЙДАРА)	34
Джаманкулова К.Т. ЕНИСЕЙСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ КЫРГЫЗОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА (V-X вв.).....	48
Джуманалиев Т. Д. КРИЗИС ХАНСКОЙ ВЛАСТИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XVII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ...	60
Ибраева Г. Б. РОЛЬ САКЕНА СЕЙФУЛЛИНА В УКРЕПЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ КЫРГЫЗСТАНА И КАЗАХСТАНА В 20-30- ГОДЫ XX ВЕКА	80
Ибраева Г.Б. ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИГУРА С. СЕЙФУЛЛИНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КАЗАХСТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ	87
Иманалиева А.С. РОЛЬ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ В ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ	95
Камышев А.М. ТЮРКО-СОГДИЙСКИЕ МОНЕТЫ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ	107
Каниметов А., Джумадылова К.Т. ТҮРК ДҮЙНӨСҮНДӨГҮ КЫРГЫЗДАРДЫН ОРДУ ЖАНА МАДАНИЯТЫ	119
Картова З. К. РОЛЬ УСТНЫХ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ НАРРАТИВОВ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА	128
Одинаев Н.А. ИНФОРМАЦИЯ О ПОЯВЛЕНИЕ И СУЩЕСТВОВАНИЕ ТЮРКО-КАРЛУКСКИЙ И ТАДЖИКО-ПЕРСИДСКИЙ ГОСУДАРСТВО САСАНИДОВ ДО ГУРИИДОВ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИБН АСИРА «АЛ-КАМИЛ ФИТ-ТАЪРИХ» И ДРУГИЕ СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.....	141

Омурова Ж. О., Шаршенбек кызы А., Каулбекова Р.А. ВОЗРОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ: КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КИТАЯ С КЫРГЫЗСТАНОМ.....	148
Оралова А. А. РОЛЬ БАТЫРА КОЖАБЕРГЕНА ЖАНИБЕКУЛЫ В КАЗАХСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	159
Прохоров И.Р. О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КАЗАХОВ В СИБИРСКИЕ РЕГИОНЫ РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX В.	164
Сафаров Р. ПОКОРЕНИЕ КАРЛУКАМИ СЕМИРЕЧЬЯ – ЦЕНТРА СТЕПНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	169
Талгатбек М.О. ИСТОРИЯ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КИМАКО-КЫПЧАКСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА).....	190
Токтогулова Г.Т. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА).....	201
Ужкенов Е. М. УПАДОК ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА НА ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТАХ: СПЕЦИФИКА И ХРОНОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ	211
Чодолдоева Г. Ж. XIX КЫЛЫМДАГЫ ТЕҢИР-ТОО КЫРГЫЗДАРЫНЫН СОЦИАЛДЫК ЖАНА САЯСИЙ АБАЛЫН ИЗИЛДӨӨ.....	223
Шейшеканов Т. Б. АКАДЕМИК Б. ДЖ. ДЖАМГЕРЧИНОВ – ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ КЫРГЫЗСКО-СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	237
Шейшеканов Т. Б. ГОРОДА И ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ КАРАХАНИДОВ.....	246

Акеров Т. А.

Международный Университет Кыргызстана г. Бишкек (Кыргызстан)

Akerov T. A.

International University of Kyrgyzstan, Bishkek (Kyrgyzstan)

АРГУ-ТАГ И КЫРГЫЗЫ

Аннотация: В древности горы Байшань, где упоминались кыргызы, китайцы также называли Аргу-таг. По мнению Ю. А. Зуева, термин «аргу» является тохарским заимствованием и омонимичен тюркскому «agyu / arqu», что означает «ущелье». В связи с этим «страна Аргу» исследователями воспринималась как «страна долин между горами» или «страна, изрезанная ущельями». Ранее мы уже соотносили «аргу» с этнонимами «кыркыр/кыргыз» и «тартар», рассматривая его как синонимичный аналог. Следовательно, под древними кыргызами правильнее всего понимать горцев, населявших горные районы Саяно-Алтая и Тянь-Шаня еще со скифских времен.

Ключевые слова: кыргызы, Байшань, Аргу-таг, Енисей, страна, аргу, ущелье, кыркыр, тартар.

ARGU-TAG AND KYRGYZ

Abstract. In ancient times, the Baishan Mountains, where the Kyrgyz were mentioned, were also called Argu-tag by the Chinese. According to Yu.A. Zuev, "argu" is a Tocharian loanword, homonymous to the Turkic "adui / arqu", meaning "gorge". Researchers interpret "Argu country" as "land of valleys between mountains" or "a country riddled with gorges." Previously, "argu" was linked to the ethnonyms "kyrkyr/kyrgyz" and "tartar" as a synonymous analogue. Thus, ancient Kyrgyz are best seen as mountaineers inhabiting the mountainous regions of Sayano-Altai and Tien Shan since Scythian times.

Keywords: Kyrgyz, Baishan, Argu-tag, Yenisei, country, argu, gorge, kyrkyr, tartar.

Согласно китайских хроник кыргызы указывались к западу от Хами, севернее Карашара, подле Байшань (Белых гор) [1, с. 358; 2, с. 205.]. Однако, по сведениям И. Бичурина горы Байшань китайцы также называли Аргу-тагом. Он писал: «Кряж Небесных гор начинается в Кашгарском округе от Аргу-тага (горы Аргу); китайцы называют их Белыми горами — Бай-Шань» [2, с. 205]. Следовательно, корректно говорить, что кыргызы проживали в районе Аргу-тага. Комментируя данный отрывок, Ю. А. Зуев отмечает, что «аргу» — это тохарское заимствование, омонимичное тюркскому «argu /arqu», которое означает «ущелье». Поэтому название «страна Аргу» воспринималось исследователями как «страна, изрезанная ущельями» или «страна долин между горами» [2, с.205]. Значит, когда китайские источники сообщали о кыргызах, проживавших у подножия Аргу-тага, речь, вероятно, шла о народе, населяющем страну небесных гор Аргу с изрезанными ущельями. Ранее мы уже указывали, что в прошлом кыргызы обозначали подобный горный ландшафт терминами «кыркыр» или «тартар» [3, с. 91-92]. В связи с чем мы уже отождествляли «аргу» с этнонимами «кыркыр/кыргыз» и «тартар», рассматривая его как синонимичный аналог. Отсюда можно полагать, что все эти термины отсылают к представлению о народе, живущем в стране небесных гор (кыр), богатой ущельями и узкими водными проходами, называемыми «кыр», «кыз» («теснина» или «стесненная местность»), а также «кыркыр/кыргыз» и «тартар». Таким образом, можно полагать, что древние термины аргу-таг и саки-тиграхауда (саки с остроконечными калпаками) могли быть отождествлены с аргуатагскими ак калпак кыргызами (с белыми калпаками) или алатаускими кыргызами. Примечательно, что еще в 1960-е годы Н. Л. Членова, опираясь на археологические материалы могильников Бес-Шатыр, указывала на факт переселения части саков-тиграхауда, потерпевших поражение от царя Дария, в Минусинскую котловину в 518–519 гг. до н. э. [4, с. 218-219.] Следовательно, под древними кыргызами правильнее всего понимать горные племена, населявшие районы Саяно-Алтая и Тянь-Шаня еще со скифских времен.

Следует отметить, что Ю. А. Зуев определил два географических объекта, связанных с названием Аргу-таг. Оба массива, по его мнению, имели прямое отношение к древним азам и кыргызам. Первый из них — гора Аргу-таг, или Белые горы, — располагалась в Восточном Туркестане [5, с. 41; 2, с. 205], где отмечались кыргызы (горы Байшань) [1, с. 358; 2, с. 205.]. Второй объект находился севернее — в районе священного Серебряного источника Аркуй-булак (кит. Алэхуй-булахэ), который, согласно источникам, располагался к востоку от земель енисейских кыргызов-цзянькунь, предположительно в пределах владения азов «Йирим Аз» [6, с. 62,67; 7, с. 12; 8, с. 71]. Ю. А. Зуев сопоставляет Аргу-таг (Белые горы) в Восточном Туркестане [5, с. 41; 2, с. 205] и Аркуй-булак с источником, упомянутым у подножия Серебряной горы Монгур (Манкур) — в землях семи кимацких племен, описанной ал-Бируни [2, с. 124.].

В связи с вышеизложенным отметим, что в докимацкую эпоху земли, расположенные к востоку от Енисея, входили в состав Великого Кыргызского каганата, где локализовались кыргызские владения Ус, Кяньжоу, а также самые восточные области — Илань-жоу, Ханьхэна и Анкэла (Ангара) [9, с.26.], находившиеся Западной Монголии и Прибайкалье. Отсюда реку Манхар аль-Идриси, игравшей важную роль в жизни кыргызов, можно сопоставить с названием горы Манкур аль-Бируни. Очевидно, что историографы одну и ту же реку или район, где находился серебряный источник и протекала большая река называли по-разному, в одних случаях Аркуй-Булак, в других Манхар, в третьих Серебряная гора Монгур (Манкур) и т.д. Аль-Идриси пишет: «Страна киркиров обширна, плодородна, часто посещается путешественниками, хорошо орошается многими реками, доходящими сюда от китайских границ; главная из этих рек носит имя Манхаз (в других переводах Манхар). Киркиры сжигают своих умерших и бросают их пепел в Манхаз, а кто живет далеко от реки, те собирают пепел и пускают по ветру...» [10, с. 106.].

Следует отметить, что сведения, подчеркивающие важную роль реки и речных духов в жизни народа, встречаются как у усинцев, так и у кимаков [11, с. 75, 3, с. 279.]. В источниках рассказывалось о владении серебряных усинцев

или усуту-мангунов [2, с. 135] располагавшемся в соседстве с княжеством Алакчын в Прибайкалье, которое тоже славилось, как и улус усинцев, своим богатством на золото и серебро. Рашид ад-Дин владение серебряных усинцев или усуту-мангунов помещал в области чрезвычайно большой реки Ангары и называл ее страной, где много серебра, т.е. Серебряной страной: «Повсюду там серебро» [2, с. 135]. Рашид ад-Дин сообщал, что страна Алакчын находилась ниже по течению у моря [12, с. 102], все ... инструменты и посуда – из серебра» [12, с. 102]. Здесь же автор отмечал, что в месте впадения Енисея в Ангару находился город Кикас, принадлежавший кыргызам [12, с. 102]. Г. В. Ксенофонов размещал владение кыргызских племен булагачинов и керемучинов на гористом и лесистом водоразделе Енисея и Ангары, «на краю страны кыргызов» [13, с. 140]. Ю.А. Зуев название области «Мангу» алакчынов, расположенной на Ангаре, связывал со словом «мэнгу» – «серебро» [2, с. 135] и отождествил его с кимацким племенем «кумуш» [2, с. 125]. В связи с вышеизложенным можно полагать, что термины «мэнгу», «мангу», «манкур», «манкур оглы» могли быть лишь калькой более древнего названия одного и того же племени – аркуй или аркай или кумуш, которое жило в районе вышеупомянутого священного Серебряного источника Аркуй-булак.

Отметим, что источники помещали в одном и том же районе племена усинцев (азов) кумуш и булак. Племя Кумуш называлось племенем горы Кумус [14, с. 125–126.]. Кумуш входил сначала в кимако-кыпчакский, а затем в каракитайский племенной союз под руководством Елюй Даши, который позже переселился с Алтая на Тянь-Шань [2, с. 125–126.]. Потомки племени кумуш обнаружены в Кузнецком округе Кумышской волости на Алтае, получившей свое имя от рода кумыш, также известной как Конгдошская (по роду конгдош). Согласно легенде, в связи с тем, что девушка-мать, родившая ребенка, не могла назвать его отца, дала ему имя рода матери – Конгдош [15, с. 251.].

Племя булак вместе с уч-карлукскими родами чигиль и ташили мигрировало в Семиречье в период реваншистской политики правителей Второго Восточнотюркского каганата. Согласно сведениям М. Кашгари, племя булак, бе-

жало от кыпчаков в долину реки Талас, где стали называться алка-булаками [16, с. 175]. Само название племени «алка-булак» указывает на его связь со страной священного Серебряного источника Аркуй-булак (кит. Алэхуй-булахе). Вышеприведенные сведения М. Кашгари подтверждают связь племен Аркуй-булака с тюргешскими азами и тухсы, проживавшими в районе горы Кумуш таг в Таласе. Т.е. анализ указывает на то, что вышеотмеченные средневековые топонимы Кумуш таг, Аркуй -булак и Манкур могли иметь связь с древними азами или йирим азами Западной Монголии [3, с. 276]. Отсюда в чигилях можно видеть азов, исповедующих манихейство.

Согласно Ю. А. Зуеву, в древности гора Аркуй-Булак принадлежала скифским племенам — асиям и тохарам. По его же данным, в средние века в районе Аркуй-Булака и его окрестностях, близ Ангары, проживали племена азов, йирим-азов, чигилей, булаков, канглов, кимаков, кыпчаков и другие. Это позволяет нам отождествить асиев и аримаспеев [17. IV. 27.], упоминаемых античными авторами, с азами и йирим-азами [6, с. 62,67; 7, с. 12; 8, с. 71], известными по руническим надписям. Тождество аримаспеев, описанных Геродотом (V в. до н. э.), с йирим-азами может свидетельствовать о существовании тесной этнической связи между скифскими объединениями асиев, тохаров и аримаспеев, упоминаемых в античных источниках, а также племенами цзянькунь, усуней (асиев), юэчжи (тохаров) и синьли (канглов), зафиксированными в китайских хрониках. Это, в свою очередь, позволяет рассматривать последних в качестве носителей тагарской культуры (VIII–III вв. до н. э.).

Мы уже писали о том, что асии и аримаспеи могли соответствовать двум владениям азов, которые, вероятно, имели общее название цзянькунь (кыргыз) [3, с. 148]. Согласно И. В. Кормушину, азы компактно проживали в двух владениях: одни — «по южную сторону Западного Саяна», другие — на территории современной Хакасии, рядом с кыргызами [7, с. 12; 8, с. 71]. Речь идет об азах, о которых В. Бартольд писал, что в рунических надписях, вместе с кыргызами, несколько раз упоминается народ аз [18, с. 485.]. В одном из рунических текстов представитель западномонгольской ветви азов, попавший в плен Кюльте-

гину, называл свою страну «Йирим Аз»/«страна Азов» [6, с. 62,67; 7, с. 12; 8, с. 71], что соответствует Кыргызскому владению Ус/Аз или серебряных усинцев (или усуту-мангунов) [11, с. 74-75.], которые кочевали на восток от Енисея до Ангары, а возможно и до Аргуни.

Академик В.В. Бартольд считал возможным сопоставление азов Западной Монголии с семиреченскими тюргешами – азийцами. Изучив рунические надписи Тонукука, он отметил упоминание племени аз вместе с кыргызами и отнес семиреченских азов к ветви тюргешей, располагающейся в восточных землях Тюргешского каганата. В своих трудах он писал: «... ко времени завоевания Семиречья карлуками тюргешаи разделились на два поколения – на тохсийцев (тухси) и азийцев» [19, с. 36.]. Д.Г. Савинов считал, что в VII–IX веках народ «ач» (аз) составлял основу кыргызского этноса [3, с.207.]. По мнению В.Бутанаева и Ю.Худякова, народ «аз» или «ач» надо отождествлять с царствующей фамилией Кыргызского государства, которая зафиксирована в китайских хрониках в форме «ажо» (ажэ). В.Бутанаев и Ю.Худяков писали, что «исходя из контекста памятника в честь Куль-Тегина, можно предположить, что «азы» соответствовали понятию элитарной части кыргызов...» [20, с. 72.]. Тюргешские азы и тухсы сражались во главе с Ченгбеком на стороне Барсбек кагана в битве на Черни Сунга в 711 году [3, с.338.].

Следует отметить, что мы уже отождествляли союз племен нушиби возглавляемый тухсы с кыргызами -йегу [3, с. 184.]. Мы полагаем, что племена тухсы, асиги, гешу и басайганы были тесно связаны с кыргызами-йегу китайских хроник и херхезами Менандра [21, с. 8]. В пользу этого говорит, прежде всего, тождество двух племен асиги, входивших в союз нушиби, с двумя владениями азов на Енисее. Название племени нушиби — басайган — также отождествляется с именем аристократического клана енисейских кыргызов барсом [22, с. 39.], к которому принадлежал Барсбек-каган.

Анализ показывает, что земли владения азов или усов могли простираться на восток от Енисея до Ангары и Аргуни. По мнению Ю. А. Зуева именно в районе Ангары, а может быть Аргуни мог находиться Серебряный источник

Аркуй/Алкуй-булак (ср. мох. Б arkwi «серебряный», «белый») аль-Беруни. Рашид ад-Дин сообщает, что здесь Чжамуха был избран гурханом и отмечает, что «они проживали по низовьям рек, и по слиянии этих рек образуется река Эргунэ. Река эта чрезвычайно большая, на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту мангус»... Эта река находится близ города, называемого Канкати, который относится к владениям кыргызов [12, с. 101- 102; 2, с. 107-108.]. Следовательно, енисейские кыргызы имели на востоке аримаспеев (йирим аз), центр области которых находилась в Серебряном источнике Аркуй/Алкуй-булак, где жили также булаки, пугэ и другие.

Следует отметить, что восточнотуркестанский Аргу-таг или Белые горы имели непосредственные связи ни только кыргызами-йегу [1, с. 358; 2, с. 205.], но и чигилями. В книге Махмуда Кашгари «Дивани луга тат-Тюрк» термин «аргу» в значении названия страны встречается в узком и широком смысле. В первом случае по М. Кашгари, «Аргу –«ущелье», то, что находится между двумя горами. Страну, расположенную между Таразом и Баласагуном называют «Аргу», так как она располагается между двумя горами» [23, с.155]. Во втором, Аргу с центром в городе Чигиль, построенный А. Македонским, в долине реки Талас, ассоциировалась с владением тюркских племен, проживавших от Сырдарьи (Джейхуна) до Верхнего Китая, которых огузы называли чигилями [24, с. 304.]. Однако, тут же М. Кашгари приводит уточнение отмечая, что «это ошибка» [24, с. 304.].

Отсюда, можно полагать, что страна Аргу не принадлежала исключительно чигилям, которые считались пришлым племенем на Тянь-Шане. Аргу могла быть представлена местными племенами кыргызами из Аргу-тага, а также тюркешскими тухсы и азами, которые представляли потомков юэчжи [2, с. 150–151] в Семиречье. Ю. А. Зуев по этому поводу отмечал: «Прямые потомки юэчжи, племена аз и тухс, эти юэчжи в Канге, стали этнополитической основой при создании Тюркешского каганата» [2, с. 157]. Т. е. страна Аргу, охватывая земли от Джейхуна до Аргу Тага, где жили кыргыз-йегу, вполне могла быть сопоставлена с древней Канхой, центр которой находилась на Сырдарье.

Согласно «Авесте», основным населением Турана были туры с быстрыми конями, кочевавшие на среднем течении Сырдарьи и в районе гор на восток. Фирдоуси в «Шах-наме» упоминает Канг как центр Турана, расположенный на Сырдарье. В «Махабхарате» упоминаются три племени: канха, шака и тукхар [25, с. 49.] с центром на Сырдарье. Однако, названия вышеуказанных племен легко отождествляются с древними кочевниками Минусинской котловины: «шака» с саками-тиграхаудами, «канха» с синьли (канглы) или владением енисейских кыргызов «кангорай», а «тукхар» с античными тохарами (юэчжи), которые рассматривались как восточная ветвь массагетов. Т. е., речь идет о связи Турана с восточными кочевниками, асиями (усунями), тохарами (юэчжи), которые жили на Енисее еще в скифское время.

Следовательно, древние кочевники канха, шака и тукхар могли иметь по крайней мере два политических центра один на юге Канха с центром на Сырдарье, а другой на севере Кангорай с центром в Минусинской котловине.

Отсюда можно полагать, что все вышеуказанные племена пришли в земли страны тухсы и азов в Канге, которая в эпоху рассвета манихейства стала называться также и Аргу. Т.е. Аргу тождественна к Канхе, которая являлась страной тухсы и азов, находившихся в тесных этнополитических связях с енисейскими кыргызами еще с эпохи первых тюргешских каганов. В с. «Худуд ал Алам» X в. отмечалось о соседстве тухсы с одной из групп кыргызов, что может говорить о слиянии пришлых енисейских кыргызов с тухсы и азами. Согласно сведениям средневековых авторов, кыргызы, наряду с ягма и чигилями, упоминаются как одно из трех могущественных племен региона, обитавших в районе стратегически важного города Кашгар.

Однако, отметим, что Ю. А. Зуев считал этноним «чигиль» манихейским термином и выделял его носителей среди других тюргешских племен, которые позднее стали частью карлуков [2, с. 191]. Ю. А. Зуев связывает появление тюрков-чигилей с распространением манихейства в стране племен приверженцев учения Мани Аргу в Кашгарском округе. Т.е. в Бай-Шане [5, с. 41; 2, с. 205]. Т.е. чигили появились там, где находились исконные земли кыргызов-

йегу. Ю. А. Зуев отмечает, что первое племя с названием чигиль обитало в долине реки Кунгес, в западной части Гансу (Синьцзяна) [2, с. 256]. Термин «чигиль», исходящий от персидского числительного «сiһil» (сорок), изначально обозначал манихейскую «консорцию» или «школу» в стране Аргу [2, с. 256]. Отсюда в чигилях можно видеть часть кыргызов-йегу, которые активно участвовали в формировании нового племенного союза уч-карлук и под манихейским именем «чигиль» активно боролись на стороне Барсбек кагана против Второго Восточнотюркского каганата. Т.е. предки кыргызов-йегу и чигилей являлись исконными обитателями Аргу тага (или Байшаня).

М. Кашгари в одном из рассказов своей книги особо подчеркивал о существовании этнокультурных связей между тремя родами тухсы, чигилями и ягма [3, с. 384], а в другом сообщении он указывал на существование военно-политического союза между тухсыйцами и чигилями, отмечая совместном владении ими крепостями Саплыг Каяс, Орун Каяс и Кара Каяс [23, с. 869.]. В то же время источники сообщали о превосходстве тухсы над чигилями [3, с. 384], что указывало о важной роли тухсы и им родственных групп азов, кыргызов в формировании манихейского консорциума отуз огланов и Караханидского каганата в X веке [3, с. 384].

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, кыргызы издревле обитали в районе Аргу Тага и соответственно могли получить свое имя благородя рельефу местности. Т.е. «кыргыз» мог быть калькой «аргу», что означало ущелье. Т.е. «кыргыз» мог происходить от формы (наполнения) «кыркыр», которая имела также вариант «кыркыз» и, вероятно, состояла из двух корней — «кыр» (гора) и «кызаа/кыз» (ущелье), что могло означать «племена страны горных ущелий». То есть народ, обитавший в Небесных горах Саяно-Алтая и Тянь-Шаня, изрезанных бесчисленными ущельями еще со скифских времен. Иными словами, этноним «кыргыз» мог быть связан с племенами скифского мира, к которым можно отнести аримаспеев (йирим азов), асиев (усуней), тохаров (юэчжи), синьли (канха), цзянькунь (кыргыз), цзюеше (кыпчак), а также саков-тиграхауда, йегу, аргу, обитавших на Енисея и

в районе Аргу-тага на Тянь-Шане. В этой связи историю вышеприведенных племен целесообразно рассматривать в контексте истории древних государств Канха и Кангорая. Однако, отметим, что анализ показывает, что одним из основных районов расселения южных кыргызских племен были долины рек Сырдарья и Талас, а также район Аргу-тага (Бай-Шань). Очевидно, здесь кыргызы-йегу, аргу и отуз-огланы тесно взаимодействовали имея общую историю с прямыми потомками племен юэчжи — «аз и тухс... в Канге», а также с пришлыми восточными племенами: чигилями, ягма, енисейскими кыргызами и другими этническими группами.

Список литературы:

1. Бичурин, И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена [Текст]/И. Я.Бичурин// -А.-А., 1998. Жалын. - Т. I. 484с.
2. Зуев, Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. [Текст]/Ю. А. Зуев//-Алматы, 2002. 338 с.
3. Акеров Т.А. Кыргызы из Скифии. Канха и Кангорай кыргызские владения Великой Турании [Текст]/Т. А. Акеров// -Бишкек, 2024. - Т. I. 462с.
4. Членова, Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры [Текст] / Н. Л. Членова// – М., 1967. – 300 с.
5. Бичурин, И.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, [Текст]/И.Я. Бичурин//-М.-Л., 1950. Т. I. 381 с.
6. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности [Текст]/С.Е. Малов// - М-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
7. Кормушин, И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология [Текст]/ И. В. Кормушин//- М. : Наука, 1997. 303с.
8. Бутанаев, В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий [Текст]/В. Я.Бутанаев//- Абакан, 1994. 92, (1) с.
9. Ушницкий, В. В. Этногенез кыргызских племен в аспекте изучения проблемы происхождения тюрко-монгольских этносов [Текст]/В. В. Ушницкий//Бишкек. 2017. 225с.

10. История Сибири в 5 томах. [Текст]/ под ред. А.Окладникова. Древняя Сибирь Т.І.-М.1964. 738 с.
11. Митько, О.А. Средневековое население долины р. Ус [Текст]/О. А. Митько //Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней Азии и Центральной Азии.- Бишкек, 1991. –С. 74-76. 131с.
12. Рашид ад-Дин, Сборник летописей [Текст]/Рашид ад-Дин// - Т. I. Кн. I/Пер. с персидского Л.А. Хетагурова. - М.; Л: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
13. Ксенофонов, Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов [Текст]/Г.В. Ксенофонов//– Национальное издательство Республики Саха (Якутия), - Т. I. Кн. 2. - Якутск, 1992. 416 с.
14. Зуев, Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий [Текст]/Ю.А. Зуев//Казахстан в эпоху феодализма. - А-А., 1981. – С. 63–78.
15. Потапов, Л.П. Очерки по истории алтайцев [Текст]/Л.П. Потапов// М.; Л. , 1953. 447 с.
16. Ахинжанов, С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана [Текст]/С. М. Ахинжанов// -А-А., 1989. 296с.
17. Геродот. История [Текст]/Геродот// - Л., 1972.с.
18. Бартольд, В.В. Киргизы. Исторический очерк [Текст]/В. В. Бартольд// Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. Сочинения. Т.ІІ, Ч. 1. - М., 1963. 1020 с.
19. Бартольд, В.В. [Текст]/В. В. Бартольд// Соч. М., 1968. Т.V. – 759 с.
20. Бутанаев, В.Я. История енисейских кыргызов [Текст]/В.Я. Бутанаев, Ю. С. Худяков//Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан 2000. - 272 с.
21. Жданович, О.П. Посольство Земарха в ставку тюркского кагана (перевод и комментарии фрагментов труда Менандра Протектора) [Текст]/ О. П. Жданович// Золотоордынское обозрение. – 2014. – № 2. -С. 1-15.
22. Малов, С. Е. Енисейская письменность тюрков / Текст]/С. Г. Малов// - М.-Л., 1952. 116с.

23. Кашгари Махмуд. Диван Лугат ат-Турк. [Текст]/М. Кашгари// - Алматы, 2005. 1288 с.

24. Кашгари Махмуд. Девону луготит турк [Текст]/Махмуд Кашгари// - Тошкент, 1960.- Т. I. 499б.

25. Пилипчук, Я. В. Саки в Индии [Текст]/Я. В. Пилипчук // История античного мира и средневековья в университетах Украины. К 40-летию кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина. Тезисы докладов Международной научной конференции (Харьков, 25–26 октября 2018 г.) – Харьков : ООО «НТМТ», 2018. -С. 48-52. 150 с.

Сведения об авторе: Акеров Табылды Абдраманович, кандидат исторических наук, доцент, директор института Этнологии Международного Университета Кыргызстана, 0550 80 21 06 akttar@mail.ru

УДК 94(574)

Алимардонов Т. Т.

Образовательный университет Ренессанс, г.Ташкент (Узбекистан)

Alimardonov T.T.

Educational University Renaissance, Tashkent (Uzbekistan)

ТЕНГИРАНСТВО – ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу религии тенгиранства — философии древних тюркских народов, которая формировала политическую и духовную основу жизни. В статье рассматривает основные догмы и ритуалы тенгиранства, включая почитание небесных богов (тенгери) и культ предков.

Ключевые слова: древние тюрки, учение, тенгриярство, религия, зороастризма, буддизм, христианства, ислам, Вселенная, Небо, традиция, дух, человек, мир, преемственность.

TENGIRANISM IS THE PHILOSOPHY OF THE ANCIENT TURKIC PEOPLES

Abstract. The article is devoted to the analysis of the religion of Tengirism, the philosophy of the ancient Turkic peoples, which formed the political and spiritual basis of life. The article examines the main dogmas and rituals of Tengirism, including the worship of the heavenly gods (tengri) and the cult of ancestors.

Keywords: antiquity turks, doctrine, political culture, heaven, Khakan, ruler, spirit, empire, man, state, universe, law, ethics, heredity.

Евразия как древнейший регион мира, считается одной из территорий, где зародились первые религиозные воззрения. В доисламский период здесь существовало более 10 различных религий (буддизм, зороастризм, индуизм, христианство, иудаизм, манихейство, шаманизм и другие массовые неорганизованные религиозные течения). Гармония культур, возникших на стыке различных религий, также способствовала созданию своеобразного социокультурного пространства в формировании общечеловеческих ценностей в этом регионе. Эта земля внесла большой вклад в обогащение исламского просвещения в результате слияния ислама и местных обычаев.

Например, среди согдийцев были манихеи, христиане, буддисты и почитатели традиционных местных божеств. В большинстве случаев эти различные религиозные системы и культы сосуществовали без каких-либо противоречий. Несомненно, эта плюралистическая среда способствовала постоянному обмену идеями и практиками. Историкам известно множество положительных примеров религиозного сосуществования.

Различные источники указывают на то, что древние тюрки имели более древнюю тенгирянскую религию до зороастризма, до принятия буддизма, христианства и ислама. Его можно изучать из маньчжурских религиозных книг и китайских летописей, арабских и персидских источников, а также сохранившихся древнетюркских рунических фрагментов. Согдийские памятники VI-X веков сохранились на каменных плитах в районе верхнего Енисея с изображениями жрецов в длинных одеждах с палками в руках, вырезанными древними

художниками. Изображения жертвенника с чашей, очень похожими на чашу, сверху изображают элементы религиозного обряда.

Среди учёных до сих пор нет полного консенсуса в понимании сущности тенгирианство. Некоторые исследователи пришли к выводу, что это учение приобрело полную концептуальную форму с онтологией (учением о едином боге), космологией (концепцией трёх миров, где существует возможность взаимодействия), мифологией и демонологией (разделяющей души предков). В то же время, согласно одному из древних рукописных источников, существует мнение, что к 165 году до нашей эры у тюрков уже была развитая религия, во многом близкая к буддизму, завещанная индийским королем Канишкой, от которой произошла ветвь буддизма, которая развивалась самостоятельно и сформировалась как тенгирианство [1, 214]. Некоторые исследователи утверждают, что тенгирианство не имело систематического письменного представления теологического учения и обладало небольшим количеством священных реквизитов из-за простоты и ясности, которые существовали в устойчивых формах религиозных обрядов и практик на протяжении нескольких тысячелетий [2, 9]. В то же время другая группа исследователей утверждает о существовании основной священной книги тенгирианств - "Забур" (от тюркского - "венеч алтаря"). В ней, как сообщается, содержались правила Тенгри - обычаи, обряды и предписания [3, 214].

По мнению Л.Л.Гумилева, это тенгирианство, основанное на культе космического бога, вере в Творца. Поклонение небу - Тенгри упоминается и в надписях Орхона: "в начале было вверху синее небо, а внизу густая земля; среди них появились сыны человеческие"; Кёк-Тенгри (голубое небо) - это не материальное небо, противостоящее простому, видимому небу." Первые представления о Тенгри, характерные для всех народов, населявших Великую степь, возникли в IV веке до н.э. Существуют предположения, относящиеся к V-IV тысячелетиям до нашей эры [4, 314], но окончательный вывод еще не сделан.

Великий казахский поэт Олжас Сулейменов в своем произведении "Аз и Я," основываясь на шумерской культуре (которая считается древнейшей), от-

мечает, что там верховный бог назывался дингир (демер) (по-тюркски: тенгир, тенгри и т.д.), и что тенгриарство уже тогда обладало своим философским и религиозным учением, которое послужило образцом для всех последующих мировых религий. Он пишет: "Древнейшая религия на нашей планете сформировалась как философское учение в 4-м тысячелетии до рождения христианского бога, став матерью семитских и индоиранских религий и оказав значительное влияние на Древний Египет. Учение тенгрианства уже давно ждет своих исследователей» [5, 567].

Как возникло понятие "Танир" среди древних шумеров, называвших себя "Сак Гиг," а также среди предков древних тюрков, пока неизвестно. Оно могло сформироваться путем интуитивного сопоставления двух понятий. "Тан" - рассвет, свет, утренняя заря. "Тан" - это также тело, материя. "Тен" - это взаимный переход "ТАН" в "Тен" и наоборот, то есть взаимное превращение энергии в материю и вещества в энергию. "Тенир" - это причинная сущность созидательных и разрушительных процессов взаимодействия между энергией и материей. "Тенир" не является ни физическим, ни материальным явлением, это невидимая, всеобъемлющая, вездесущая, всезнающая и определяющая энергетическая сила, универсальный программист. Если это так, полагал Чингисхан, то человечество должно стремиться к всеобщему единству: "На небе один Бог, на земле один Хаган"[6,].

Известный писатель и историк Мурад Аджи утверждает, что у тюрков, в отличие от других народов, был единый Бог, и этот бог почитался тюрко-монгольскими народами как Тенгри, и гунны привели крест в "идолопоклонническую" Европу (и присутствует в элементах христианской религии Т.А.). Он говорит: "Тенгри - один из древнейших мифологических образов Востока. Он - небесный дух и правитель. Более того, небо - это Он Сам и Его постоянное жилище. Тюрки представляли себе Тенгрихана в очень больших объемах, в космических пропорциях. Он управлял судьбой человека, народа и государства. Он - творец мира и Он - мир!" [7, 209].

Однако некоторые ученые в своих взглядах связывают учение тенгрианство с китайской культурой. В частности, Л. Гумилев отмечает, что "Тенгрианство" как вероучение основывается на поклонении кочевников верховному богу с тюркскими корнями - "Вечному синему небу" - Тенгри. По мнению китайских ученых, название "Тенгри" происходит от китайского слова "тянь ди," что означает "хозяин неба," указывая на китайское происхождение этого культа. В то же время в тюркском языке "небо" звучит как "кок" ("кёк"), а появление слова "танир" ("тенгри") объясняется тесными связями тюркоязычных кочевников с китайской цивилизацией. Учитывая, что тюрки сформировались как этнолингвистическая общность в I тысячелетии нашей эры, а их первые политические объединения возникли в VI веке до нашей эры, становится ясно, что ранее существовавшие племенные примитивные, в основном тотемические (с элементами анимизма) верования не отвечали потребностям государственного устройства. Поэтому историки считают, что среди кочевников существовала системная вера или религия [8, 324].

Тенгрианство - это система мировоззрений, которая определяет поведение и действия людей. Это единство человека и Бога, гармония человека и природы, человека и общества, уважение к духам предков. В нем большое значение придается традиции обращения за помощью к духу и мужеству предков. Помимо физического питания тела, тюрки уделяли особое внимание питанию души. Одним из источников, наполняющих душу, считался дух предков. Считалось, что там, где он жил, где ему давали силу, находился его дух, и если он был добродетельным, то держал бы поколения под своей защитой. Памятники были воздвигнуты в честь почтенных предков, и были написаны слова, восхваляющие их. Вокруг статуи было место, где люди и духи встречались, совершались жертвоприношения и проводились различные ритуалы. В настоящее время такие памятники существуют от Алтая до Дуная и относятся к периодам, предшествовавшим возникновению ряда религий [9, 99].

Начиная с 5-4 тысячелетий до н.э., идея главного бога - Тенгри была широко распространена среди всех прототюркских и тюркских народов, но иссле-

дователи говорят о многотысячелетней эволюции этой религии. В образе Тенгри были объединены различные гипостазы тюркского мира: мир как абсолютная и видимая, осязаемая реальность, включая Небо, Солнце, Луну и Землю; Мир как божественно-космическое образование со своими иерархическими уровнями; наконец, мир - идеал совершенной гармонии.

Известный востоковед С.М. Абрамзон, давая определение понятию Тенгри (Тенгри), широко распространенному во всем тюркском мире, объясняет его следующим образом: "Это высшее божество действует как бы в форме синтеза всех внутренних идей, адекватно понятию «мир» [10, 292]. В божественном смысле тенгри применялся не только к небу, но и к солнцу (kun tangri), луне (ai tanri) и земле (zher tanrisi - tanri zher), что означает нераздельность богов неба и земли. Такое широкое определение Тенгри нашло своё отражение во всей тюркской мифологии, где он представлен как сама Вселенная, как живая творческая «Космос», являющаяся генеративным принципом жизни на Земле.

Большинство исследователей рассматривают тенгрианство как религию без письменного изложения теологической доктрины. Все его чрезвычайно простые и немногочисленные сакральные правила основывались исключительно на устной форме и наблюдении. Благодаря простоте обрядов и точности учения, тенгрианство сохраняло стабильность религиозных обрядов и практики, существовав несколько тысяч лет без письменных правил. В то же время ряд других ученых подчеркивают существование священной книги "Пластырь" (на турецком языке - венец пирамиды), содержащей основные принципы тенгрианства - обычаи, обряды и правила [11, 214].

Согласно принятым научным понятиям, тенгрианство до сих пор не считается религией в общем богословии, несмотря на то, что исследователи говорят о развитой религии. Ограничивающим фактором, на наш взгляд, является теория религии, которая, наряду с другими характеристиками, определяющими статус доктрины, учитывает наличие в ней канонических письменных текстов. Кроме того, шаманизм, пантеизм и тотемизм тесно переплетены в тенгрианстве. Тенгрианство проникло во всю структуру тюркской цивилизации. От ми-

фологического и эпического до военно-административного деления каганов, улусов и государств, регулирования повседневной жизни каждого человека [12, 780].

Богослужение - это поклонение голубому небу - небесному Духу, вечному небу, его постоянным жилищем было небо. Половцы называли его Тенгри, татары Тенгри, алтайцы Тенгри, Тенгери, турки Тенри, якуты Тангара, кумыки Тенгри, балкарцы Карачаи Тейри, монголы Тенгер, чувашаи Тура.

Действительно, каждое действие наших предков, которые хорошо понимали космологические явления, согласованность и равновесные процессы между планетами, является проявлением этой закономерности. Каждое действие, связанное с учением древних тюрков о государственности, связано с волей Вселенной, и эти направления остаются одной из загадок, ожидающих своего исследования.

Список литературы

1. Стивен Фредерик Старр. Утраченное просвещение. Москва «АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР» 2017. С 133

1. Религии мира. Энциклопедия. — М., 1996. — Т. 6. — Ч. 1. С.214.

2. Безертинов Р.Н. Тенгрианство — религия тюрков и монголов. — Набережные Челны: Аяз. — 2000. С.9.

3. Религии мира. Энциклопедия. — М., 1996. — Т. 6. — Ч. 1. С.214.

4. Гумилев Л. «Древние тюрки. История образования и расцвета Великого тюркского каганата (VI-VIII вв. н.э.)»: Кристалл; 2003. С. 314.

5. Сулейменов О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. О.О. Сулейменов. Алма-Ата: Жалын, 1990. С. 567.

6. Тенгрианство. <https://abai.kz/post/7391>

7. Аджи М. Польша половецкого по ля. [Текст] / М. Аджи. М: ТОО «ПИК-КОНТЕКСТ», 1994. С. 209.

8. Гумилев Л. «Древние тюрки. История образования и расцвета Великого тюркского каганата (VI-VIII вв. н.э.)»: Кристалл; 2003. С. 324

9. Васильев Л. С. История религий Востока. Учебное пособие для вузов. - 4-е изд. - М.: «Книжный дом «Университет», 1999. С.67.

10. Там же.

11. Аджи Мурад. Азиатская Европа. М.: АСТ: АСТ Москва. 2008. С. 780.

Сведения об авторе: Алимардонов Тулкин Турдиевич, доктор политических наук, профессор . г.Ташкент, Образовательный университет Ренессанс. ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2285-2727> E-mail: alimardonov.tulkin@mail.ru
Тел:+99890 1675058

УДК: 94 (575, 2) (05)

Арзыбаев Т.К.

Институт истории, археологии и этнологии имени Б. Джамгерчинова
Национальной академии наук КР

Arzybaev T.K.

Institute of History, Archeology and Ethnology named after B. Dzhamgerchinov
National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic

**СХОДСТВА МЕЖДУ ЭПОСАМИ КЫРГЫЗОВ И АЛТАЙЦЕВ:
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Аннотация: Данное исследование посвящено выявлению сходств между эпическими произведениями кыргызов (в частности, эпос "Манас") и алтайцев (такими как "Маадай-Кара" и "Алтай-Бууучу") в этнографическом и мифологическом контексте. В центре внимания — общие черты в мировоззрении, структуре героических образов, культуре предков, представлениях о космосе, природе и сверхъестественных силах. Анализ подчеркивает схожие мотивы происхождения героев, борьбу с мифическими чудовищами, присутствие шаманистических и тенгрианских элементов, что отражает общее тюркское культурное и духовное наследие. Исследование также рассматривает этнографические детали

— обычаи, быт, одежду, обряды — как элементы, подтверждающие историко-культурную близость двух народов.

Ключевые слова: Эпос, «Манас», «Маадай-Хара», история, фольклор, обычаи, герой.

SIMILARITIES BETWEEN THE EPICS OF THE KYRGYZ AND ALTAIANS: ETHNOGRAPHIC AND MYTHOLOGICAL ASPECTS

Abstract: This study is devoted to identifying similarities between the epic works of the Kyrgyz (in particular, the Manas epic) and the Altaians (such as Maadai-Kara and Altai-Buuuchu) in the ethnographic and mythological context. The focus is on common features in worldview, the structure of heroic images, the cult of ancestors, ideas about space, nature and supernatural forces. The analysis emphasizes similar motives for the origin of heroes, the fight against mythical monsters, the presence of shamanistic and Tengrian elements, which reflects the common Turkic cultural and spiritual heritage. The study also considers ethnographic details - customs, life, clothing, rituals - as elements confirming the historical and cultural affinity of the two peoples.

Key words: Epic, Manas, Maadai-Hara, history, folklore, customs, hero.

Эпостор — бул ар бир элдин тарыхый эс тутуму, дүйнө таанымы, руханий баалуулуктары жана маданий өзгөчөлүктөрү чагылдырылган уникалдуу мурас. Кыргыз жана Алтай элдери — түрк тилдүү бир тууган элдер катары бай эпикалык салтка ээ. Бул эки элдин эпосторуна салыштырма көз караш менен караганда, алардын көптөгөн окшоштуктары бар экени аныкталат. Бул окшоштуктар — алардын этникалык теги, дүйнө таанымы жана тилдик-руханий жалпылыгынан кабар берет. Бул докладда кыргыз жана алтай элдеринин эпосторундагы этностук, окшоштуктар талданат.

Этностук аспект? Кыргыз жана Алтай эпосторунда элдин тарыхы, көчмөн турмушу жана биримдикке умтулуусу өзгөчө орунда турат. Баатырлар — элди коргогон, жоого каршы турушкан, баш коштурган инсандар катары берилет.

Элдин жаралышы жана биригүүсү, *"Манас"* эпосунда, Манас — кыргыз урууларын бириктирип, эл кураган улуу башчы.

"Бирикпеген кыргыздын башын кошуп, журт кылам деп..." [1:53, 64]

"Маадай-Кара" (Алтай) эпосунда Маадай-Кара — Алтай элинин коргоочусу, элди душмандан сактап, туруктуулукту камсыздаган баатыр.

Бул сюжеттер элдин этностук калыптанышы эпикалык формада чагылдырылганын көрсөтөт. Кыргыз жана Алтай эпосторунда элдин жаралышы — бул жөн гана биологиялык тукум улоо эмес, ал тарыхый, руханий жана коомдук процесстердин көркөм чагылдырылышы болуп эсептелет. Эпостун жүрөгүндө элдин бөлүнүп-жарылган абалдан биригүүгө, көз карандысыз эл болууга болгон умтулуусу турат.

Кыргыздардын *"Манас"* эпосунда Манастын башкы максаты — элди бириктирүү: *"Бирикпеген кыргызды бириктирип,*

Жерге тийгизбей намысты,

Жоого каршы турду Манас." [1: 53, 64]

Бул саптар аркылуу кыргыз элинин этногенетикалык жаралышы Манастын эрдиги аркылуу сүрөттөлөт.

Алтай эпосунда *"Маадай-Карада"* да элдин биригүүсү башкы идея катары берилет:

"Тоо-тоого үнүн кошуп, Бөлүнгөн элди бириктирген баатыр Маадай-Кара болду." [8: 73] Бул көрүнүштөр элдин уруулардан улутка айланышы, башкача айтканда этностук калыптанышы тууралуу элдик түшүнүктү билдирет.

Элдин жаралышы мифологиялык элементтер аркылуу ыйык мааниге ээ кылынат. Бул – рухий башат, элдин “асмандык урук” катары түшүндүрүлүшү: Кыргызда, *"Кыдыр келип, Манастын төрөлүшүн баталаган..."*, *"Түштө уул көрүп, ак нур жарык чачып түшкөн..."* [1: 78] Бул аркылуу элдин башчысы жөнөкөй адам эмес, тагдыр тарабынан тандалган инсан катары сүрөттөлөт. Бул – элдин ыйык башаты деген түшүнүктү туюнтат.

Алтайда: *"Ак нур түшүп, баланын төрөлүшү — асмандан жиберилген белек"*. Мындай мифтерде элдин башкы баатыры — табияттын же жогорку

күчтөрдүн белеги катары берилет. Бул – эл өзү да жаратылыш менен бир бүтүн деген ишенимдин далили. Поэтикалык каражаттар аркылуу элдин жаралышы жана биригүүсү эпикалык масштабда көрсөтүлөт:

Мисалы:

"Төөдөй журтту чогулткан, Тоолордой бекем эл кылган..." (Манас эпосунан)

"Беш тараптан эл келген, Беш белеске туур орногон..." (Алтай эпосунан)
[7: 62]

Элдин жаралышы жана биригүүсү — кыргыз жана алтай эпикалык мурастарынын өзөгүн түзгөн темалардын бири. Бул көрүнүштөрдө элдин тарыхый биримдикке жетүүсү, элдин рухий теги жана ыйык жаралышы көркөм ыкмалар аркылуу элдин улуулугун сүрөттөө өз ара байланыша берет. Бул эпостор аркылуу кыргыз жана алтай элдери өздөрүнүн тарыхый тагдырын, рухий күчүн жана маданий жалпылыгын кылымдар бою сакталып келген сөз өнөрү аркылуу туюнтуп келишкен. Мифология — эпостун эң бай катмарларынын бири. Ал элдин дүйнө таанымын, руханий ишенимдерин жана табият менен болгон байланышын ачып берет.

Баардык эле эпостордо, эпостун көркөмдүүлүгү жомоктук жана сыйкырдуу көрүнүштөр менен берилет: *"Манас"* эпосунда Манастын төрөлүшү Кыдырдын батасына, түшкө байланыштуу:

"Кыдыр келип, колун жайып бата берген..." [1. 59]

Алтай эпосу "Маадай-Карада" да баатыр нурдан жаралган, же табияттын белеги катары сүрөттөлөт:

"Ак нур түшүп, бала болуп төрөлгөн..." [5: 104]

Эпостордо мифтик көрүнүштөр менен гана чектелбестен айлана-чөйрөгө этиет мамиле, жаратылыш менен эриш –аркак, географиялык мейкиндик — элдин руханий негизги өзөгү. Кыргыз жана Алтай элдеринин эпосторунда географиялык мейкиндик жөн гана жаратылыш сүрөттөлүшү эмес, ал — ыйык мекен, ата-журт, элдин түпкү башаты катары кабыл алынат. Бул мейкиндиктер — элдин этностук аң-сезимин, улуттук өзүнчөлүгүн жана тарыхый тамырын ча-

гылдырган рухий символ болуп саналат. Эки элдин чыгармаларында сүрөттөлгөн географиялык мейкиндик — бул жөн гана окуянын өтүүчү жери эмес, ал элдин руханий жана этностук аң-сезимин калыптандырган ыйык мейкиндик. Кыргыз жана Алтай эпосторунда ата-журт, тоо, суу, талаа сыяктуу жаратылыш объекттери ыйыктыкка ээ, алар элдин тарыхы менен, руханий дүйнөсү менен тыгыз байланышта берилет. Эпостордо тоолор, өрөөндөр, жайлоолор — элдин бүтүндүгүн, тарыхый түбүн жана улуттук өзүнчөлүгүн билдирген белгилер катары сүрөттөлөт. Бул жерлерде эл жаралат, өсөт, жоого туруштук берет.

"Теңир-Тоону таянып,

Тагдырды өзү жеңген эл..." — ("Манас" эпосунан) [6: 179]

"Алтай тоосу баш калка,

Ар урпакка бай мурас..." — (Алтай эпосунан) [8: 65]

Эпостордо табият жансыз эмес жандуу, ал элге жол көрсөтүп, жамандыктан эскертет, же болбосо эскертип турат. Тоо, суу, таш — баары символикалык мааниге ээ. Кыргызда – Ысык-Көл менен Ала-Тоо ыйык болсо. Алтайда – Алтай тоосу менен Байкал «дүйнөнүн борбору» катары берилет. Жер, ата-журт — эпостун өзөгүндө турат. Баатырлар элди сактап гана койбостон, жерди коргойт, душмандан жерди бошотот, жана акырында ошол ыйык жерге жайгаштырылат.

"Манас Ала-Тоого коюлду, Элдин жүрөгү ошол жерге байланды. "Бул аркылуу ата-журт элдин жүрөгү, мүнөзү, эс тутуму, тагдыры болуп калат.

Географиялык мейкиндик эпостордо элдин руханий, этностук, тарыхый өзөгү катары маанилүү роль ойнойт. Тоолор — тирек, суулар — жашоо, жайлоолор — туруктуулук. Бул табигый элементтер элдин улуттук аң-сезимин бекемдеген символдор болуп саналат.

“Мекен — бул тоо менен суудан түзүлгөн жер эмес, ал элдин руху жашаган ыйык мейкиндик” — эпикалык дүйнө таанымдын өзөгүн мына ушундайча түшүнсө болот. Эпостордогу тоолор, суулар, өрөөндөр — ыйык мейкиндиктер *"Манас" эпосунда:* Теңир-Тоо, Ала-Тоо, Ысык-Көл, Ат-Башы —

Манастын эли жашаган, жоого каршы турушкан, эл топтолгон ыйык жайлар катары сүрөттөлөт.

"Теңир-Тоодон турдум мен,

Тоо бооруна журт койдум..." Бул тоолор элдин “өз жери”, “ата-бабанын жери” катары берилет. Жерге ээ болуу менен эл улут катары калыптанат.

Манас эпосунда:

"Теңир-Тоодон турдум мен,

Теңирдин белин түрттүм мен..." [1: 234]

Теңир-Тоо — кыргыздардын тарыхый мекени катары сүрөттөлөт.

Алтай эпосунда:

"Алтай тоосу — ата журт,

Беш белес — ыйык мекен." [9: 145]

Алтай эпосторунда ("Маадай-Кара", "Алып-Манаиш" ж.б.): Алтай тоосу, Саян, Байкал — Алтай элинин тарыхы менен тыгыз байланышта сүрөттөлөт. Алтай тоосу “дүйнөнүн борбору” катары мифологиялык мааниге ээ. *"Алтай — ата тоом,*

Көңүлдүн түбүнөн орун алган жериң..." [3: 288] Алтай эли үчүн тоолор — урук, эл, жана табияттын биримдигинин белгиси. Табият менен байланышы: руханий жана мифологиялык көз караш, эки элдин эпосторунда тең табият менен адам бир бүтүн системанын бөлүгү катары көрсөтүлөт. Бул дүйнө тааным боюнча: Тоо, суу, талаа, токой — жансыз эмес, алар сүйлөйт, эскертет, колдойт. Элдин башына мүшкүл түшкөндө, табият рухий күч катары жардам берет. Жаратылыш – улуттук тагдырдын күзгүсү: жерибиз бузулса, эл да бузулат.

Мисал:

"Жер ыйласа, журт титирейт,

Суу буланса, жүрөк ооруйт..." (Кыргыз айтуучу сөздөрүнөн) [6: 259]

"Тоо кыйналса, эл өлөт,

Токой куласа, журт көчөт..." (Алтай эпосунан) [4:472]

География аркылуу этностук аң-сезимдин бекемделиши, Мекен менен байланышты эпостор терең көрсөтөт: элдин бар болуусу — ата-журт менен

тыгыз байланышта. “Туулган жер”, “жайлоо”, “аталардын сөөгү жаткан жер” сыяктуу түшүнүктөр эпостордо ыйыктык категориясына көтөрүлөт.

“Манастын сөөгү Ала-Тоонун койнунда...” – бул фраза эле жер менен элдин үзүлгүс байланышын туюнтат. Кыргыз жана Алтай эпосторунда география жана табият жөн гана фон эмес, бул — элдин этностук аң-сезиминин, улуттук биримдигинин жана руханий дүйнө таанымдын негизги бөлүгү. Жаратылыш элдин ата-бабалардан калган мурасы, сактоого тийиш ыйык мейкиндик катары сүрөттөлөт.

Тоо — элдин тиреги,

Суу — элдин жүрөгү,

Жайлоо — элдин деми. Мына ушул үч түпкү түшүнүк эки элдин эпосунда тең мекенчилдик духтун символу катары көрүнөт. Эки элдин эпосторунда тең тоолор, өрөөндөр, жайлоолор — ыйык жер катары сүрөттөлөт.

○ Кыргызда: Теңир-Тоо, Ат-Башы, Ала-Тоо [1:379]

○ Алтайда: Алтай тоосу, Саян, Байкал. Мындай ыйык мейкиндик элдин этностук аң-сезимин жана мекенчилдик духун билдирет. Табият менен байланыш

• Эпостордо жаратылыш — тирүү, сүйлөй алган күчкө ээ.

• Жаныбарлар — жол көрсөтүүчү, колдоочу же душман.

○ Кыргызда: Аккула (Манастын аты) [6:489]

○ Алтайда: Кара-Ку (Маадай-Каранын аты) [2: 68]

Мындай мифологиялык образдар элдин тотемдик түшүнүгүн, жаратылыш менен тыгыз байланышта жашаганын далилдейт. Кыргыз жана Алтай эпостору тең ыр түрүндө айтылат.

Мисалы:

“Көк жал болгон Манастын,

Колунда кылыч калкыган...” (Кыргыз) [6: 377]

“Кара тоону көчүргөн,

Кара кылыч көтөргөн...” (Алтай) [3: 345]

Элдик тил, сөз байлыгы: Эпостор элдин турмуш-тиричилигин, каада-салтын, тилин, макал-лакаптарын сактап калган “жандуу энциклопедия” десек болот.

Сөздөрдүн көчмө мааниде колдонулушу, эпитеттер жана поэтикалык салыштыруулар көп.

“Манас” жана Алтай эпосторунун окшош мотивдерин салыштыруу

№	Окшош мотив	“Манас” эпосу	Алтай эпостору (“Маадай-Кара”, “Алып-Манаш”)
1	Баатырдын ыйык жаралышы	Манас түш, Кыдыр ата жана ак нур аркылуу төрөлөт.	Маадай-Кара/Алып-Манаш ак нур, асмандан түшкөн белек катары келет.
2	Элдин биригиши	Манас бөлүнгөн кыргыз урууларын бириктирип, мамлекет түзөт.	Баатыр тараптардагы элди бириктирип, тынчтык орнотот.
3	Душманга каршы күрөш	Манас жоого каршы чыгып, калмактар менен кытайларга каршы элди коргойт.	Маадай-Кара/Алып-Манаш сырттан келген душмандарга каршы баатырдык менен күрөшөт.
4	Рухий/жомоктук жардамчылар	Манасты Кыдыр, Аккула ат, түштөр жана бакдөөлөт колдойт.	Баатырга ак боз ат, табияттын күчтөрү, кыраакы кемпир жардам берет.
5	Ата-журттун ыйыктыгы	Ала-Тоо, Ысык-Көл —	Алтай тоосу — дүйнөнүн башаты, элдин жашоосунун негизи.

		ыйык жерлер, элдин өзөгү.	
6	Мифологиялык ишенимдер	Түш, жаратылыштын үнү, Кыдыр ата — жогорку дүйнө менен байланыш символдору.	Асман, нур, табият рухтары — мифологиялык башаттар жана рухий байланыштар.
7	Поэтикалык структура	Ыр түрүндө баяндалат, эпигеттер, теңеөлөр жана кайталануулар көп колдонулат.	Ошондой эле ырдык формада, элестүү, кайталанма ыкмалар менен баяндалат.
8	Баатырдын миссиясы	Манас – элдин коргоочусу, мекендин куту, элдин келечегин түзүүчү инсан.	Алтай баатырлары – элдин тарыхын жараткан, тынчтык орноткон рухий лидерлер.
9	Элдик ынтымак жана адилеттик	Манас элди бириктирип, теңдик орнотуп, адилет башкаруучу катары сүрөттөлөт.	Маадай-Кара да элдин арасында адилет башкаруучу катары бааланат

Бул салыштырмалуу анализ көрсөткөндөй, “Манас” менен Алтай эпостору жалпы түрк дүйнөсүнүн эпикалык салтынан өнүккөн жана көптөгөн жалпылыктарга ээ:

- Тарыхый миссия — элди бириктирүү жана душманга каршы күрөшүү;
- Руханий башат — асмандан келген нур, түш, табият менен байланыш;
- Мекенчилдик дух — жерди ыйык деп кароо, табият менен гармония;
- Эпикалык стиль — ыр формасы, эпитеттер, улут жараткан мифология.

Бул эпосторду салыштыруу аркылуу кыргыз жана алтай элдеринин орток теги, дүйнө таанымы жана эстетикалык дүйнөсү айкын көрүнөт.

Жыйынтык: Кыргыз жана Алтай элдеринин эпосторундагы окшоштуктар — бул элдердин тарыхый, тилдик жана маданий байланышын айгинелеген көрүнүш. Этностук түзүлүш, мифологиялык элестетүүлөр, жана поэтикалык өнөр бул эпосторду жалпы түрк дүйнөсүнүн руханий байлыгы кылып турат. Эпостор — бул өткөндү эстеп, бүгүнкү муунга тарыхты, руханий дүйнөнү үйрөткөн жандуу китеп. Кыргыз менен Алтай элдеринин эпикалык салтын изилдөө — түрк элдеринин өз ара маданий алакасын терең түшүнүүнүн ачкычы.

Колдонулган адабияттар:

1. Айкөл Манас баяны. 1-китеп. -Бишкек, 2002.
2. Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Том I-XV. Алтайдью кайчылары = Кайчы Алтая: Русско-алтайский информационный справочник с биографическими данными кайчы, начиная со второй половины XIX века по сегодняшний день / Сост. и переводчик текстов А.А. Конунов. - Горно-Алтайск, 2010.
3. Алтайские героические сказания. Маадай-Кара. Очы-Бала / Сказитель А. Калкин; пер. с алт. А. Плитченко; худож. А. Дианов. - М.: Современник», 1983.
4. Маадай-Кара: Алтайский героический эпос / Запись текста, пер. и прим. С.С. Суразакова. - М.: Наука, 1973. ил. (АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. ГАНИИИЯЛ).

5. Маадай-Кара: Алтайский героический эпос / Поэтический перевод А. Плитченко. - Горно-Алтайск. - 1979.

6. Манас. Энциклопедия. 1-2 китеп. -Бишкек, 1995.

7. О вариантах "Алтай-Буучай" см.: Суразаков С.С. Героическое сказание о богатыре Алтай Буучае. — Горно-Алтайск, 1961.

8. Сказители-кайчы и исполнители героических сказаний: каталог /Составители Ойношев В.П., Урбанова С.Е. - Горно-Алтайск: БУ РА «Республиканский центр народного творчества», 2018.

9. Шинжин И. Б. Сказитель А. Г. Калкин : научно-популярный очерк / И. Б. Шинжин. – Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1987. – Текст : непосредственный

Сведения об авторе: Арзыбаев Тыныстан Кадырович, к.и.н, Вед. научн. сотр., с древнейших времен до XIX века в Кыргызстане, Институт истории, археологии и этнологии имени Б. Джамгерчинова Национальной академии наук КР, arsybaevt@mail.ru, +996552614206

УДК 94 (574).02/.08

Атыгаев Н.А.

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы,
(Казахстан)

Atygayev N.A.

Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty (Kazakhstan)

**ИСЛАМИЗАЦИЯ МОГУЛОВ (ПО СВЕДЕНИЯМ «ТАРИХ-И РАШИДИ»
МИРЗА МУХАММАД ХАЙДАРА)**

Аннотация. Данная статья посвящена истории исламизации могулов. На основе сведений «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдара автор рассматривает процесс принятия ислама могулами в XIV–XV вв. Он выделяет в нем два этапа. Первый этап – 754 г. х. /1352–1353 гг. – 764 г. х. / 1362–1363 гг.

В эти годы, при первом правителе Могулистана Тоглук-Тимур-хане, ислам начал активно насаждаться среди могульских племен. Второй этап – 791 г. х. /1389 г. – первая четверть XV века. В этот период, при энергичных и сильных могульских ханах (Хизр-Ходже, Мухаммаде), позиции ислама, которые в периоды политической нестабильности несколько ослабели, вновь усилились. В первой половине XV века ислам окончательно утвердился в качестве единственной религии могулов.

Ключевые слова: ислам, могул, Могулистан, «Тарих-и Рашиди», культура.

THE ISLAMIZATION OF MOGHULS (ACCORDING TO MIRZA MUHAMMAD HAIDAR'S «TARIKH-I RASHIDI»)

Abstract. The article is dedicated to the history of the Islamization of Moghuls. Based on the information of «Tarikh-i Rashidi» by Mirza Muhammad Haidar the author examines the process of Islam adoption by Moghuls in the XIV–XV century. He identifies 2 stages in this process. The first stage – 754 AH / 1352–1353 – 764 AH / 1362-1363. In these years, during the reign of the first Moghulistan ruler Tughlugh Timur Khan, Islam was actively propagated among Moghul tribes. The second stage was 791 AH / 1389 – the first quarter of the XV century. In this period, during the reign of the active and powerful Moghul khans (Khizr-Khoja, Muhammad) the position of Islam somewhat weakened in periods of political instability, had improved again. In the first half of the XV century, Islam was finally established as the only Moghul religion.

Keywords: Islam, Moghul, Moghulistan, «Tarikh-i Rashidi», Mirza Muhammad Haidar, Tughlugh Timur Khan, culture.

«Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдара Дуглата (Дулата) – широко известное в востоковедческих кругах сочинение. Оно вошло в научный оборот еще в середине XIX века и с тех пор по праву считается одним из главных первоисточников по истории и культуре народов Центральной Азии и Северной Индии XIV–XVI веков.

Несмотря на то, что «Тарих-и Рашиди» имеет богатую историографическую традицию, из сочинения можно извлечь еще много нового и интересного исторического материала. Так, например, Мирза Мухаммад Хайдар сообщает оригинальные сведения об исламизации могулов, на которых мы и хотим остановиться в этой работе.

Прежде всего, необходимо сказать несколько слов о могулах. Этим словом (مغول), производным от слова «монгол», в исторической литературе называют тюркоязычные племена, проживавшие в XIII–XVII вв. на восточной части Чагатайского улуса. Часть их оказалась здесь в период монгольских завоеваний, часть была автохтонным населением [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Этнополитическая общность могулов не сложилась в народность и могульские племена позднее участвовали в формировании таких тюркских народностей как казахи, кыргызы, уйгуры и в небольшой степени узбеки. Так, например, казахстанский востоковед В.П. Юдин указывал на ряд могульских племен (дуглат /дулат/, канглы /канлы/, абдан /албан/, суван /суан/, керейт /керей/), которые вошли в состав казахского этноса [6, с. 84-86]. Иначе говоря, рассматривая историю исламизации могулов, мы рассматриваем историю исламизации части будущих тюркских народов, в том числе и казахов.

Как известно, образование государства Могулистан связано с распадом Чагатайского улуса, который начинается после смерти Чагатаида Буга-хана в 718 году хиджры / 1318 г. В западной части Улуса обособляется Мавара'-н-нахр, где реальная власть принадлежала уже не потомкам Чингисхана, а представителям местной родоплеменной знати. Чингизиды потеряли власть и в восточной части Чагатайского улуса, и здесь некоторое время царил полный беспорядок. «В улусе могулов не осталось хана; могулы жили каждый сам по себе, и улус начал разоряться» – говорится об этом времени в «Тарих-и Рашиди» [8, с. 37].

Такая обстановка сохранялась до середины 40-х г. XIV века, пока правящая верхушка дуглатов, одного из многочисленных и сильных могульских племен, не возвела на ханский престол 16-летнего Тоглук-Тимура, потомка Чагатая [8, с. 37]*.

Со временем, пользуясь поддержкой дуглатов, Тоглук-Тимур-хан собрал под своей властью значительную часть родоплеменных групп восточной части Чагатайского Улуса и создал государство, которое получило в средневековой историко-географической литературе название Могулистан. В его состав входила территория современного Юго-Восточного Казахстана (Жетысу), Кыргызстана и временами Восточный Туркестан (СУАР КНР), Ташкент и Сайрам [1, с. 23-106; 3, с. 12-15].

По сведениям «Тарих-и Рашиди», первым правителем Могулистана, принявшим ислам, был сам Тоглук-Тимур-хан (730 г. х. / 1329-1330 гг. – 764 г. х. / 1363-1364 гг.). «Тоглук-Тимур-хан стал мусульманином благодаря Маулане Аршааддину» – пишет Мирза Мухаммад Хайдар [8, с. 42]. Маулана Арша ад-Дин (Аршааддин)* * происходил из рода Шуджа ад-Дина Махмуда, из имамов Бухары, которого насильно переселили из Бухары в Каракорум во времена Чингисхана. Позднее потомки Шуджа ад-Дина Махмуда переехали в города Катак и Луб, которые находились где-то между Турфаном и Хотаном [8, с. 38].

В «Тарих-и Рашиди» содержится подробный рассказ об обстоятельствах встречи Тоглук-Тимур-султана с шейхом Джамал ад-Дином, отцом Арша ад-Дина, во время которой Чагатаид ознакомился с новой для него верой. Глубокая религиозность шейха произвела большое впечатление на молодого султана, и он пообещал: «Если я стану ханом и получу независимость, то Вы обязательно придите ко мне, я непременно стану мусульманином» [8, с. 40].

Через некоторое время шейх Джамал ад-Дин скончался, но перед своей смертью он рассказал эту историю своему сыну Арша ад-Дину и завещал ему пойти к Тоглук-Тимуру, когда он станет ханом, и обратить его в ислам.

Тоглук-Тимур стал ханом в 748 г.х. /1347-1348 гг. [1, с. 79; 3, с. 43; 7, с. 263] Прошло немало времени, прежде чем Арша ад-Дин, приложив определенные усилия, добился приема у хана и напомнил ему историю его встречи с шейхом Джамал ад-Дином и обещание, которое он тогда дал его отцу***. «Отец скончался и завещал это дело мне» – сказал он Тоглук-Тимуру. Могульский правитель не отрекся от своего обещания. «Господин маулана предложил хану

ритуальное омовение и объяснил веру. Хан стал мусульманином» - пишет Мирза Мухаммад Хайдар [8, с. 41].

Тоглук-Тимур-хан решил использовать ислам как идеологическую основу для укрепления верховной власти, централизации государства. Примером для него послужил Мавара'-н-нахр, где Тармаширин-хан, продолжая линию Кебек-хана по укреплению политики сближения с местными традициями, объявил ислам официальной религией государства [3, с. 46-47; 9, с. 32].

Исламизация, как внедрение в сознание могулов религиозной идеологии развитого общества, должна была стимулировать процесс укрепления верховной власти и государственных институтов, более четкое оформление общественных отношений и содействовать дальнейшей консолидации населения Могулистана в единую народность [6, с. 171].

Следует отметить, что ислам в среде тюркских племен Жетысу и Восточного Туркестана получил распространение еще в X веке, во времена правления Караханидов, в результате интенсивных торговых связей жителей этих районов с городами и земледельческими центрами Мавара'-н-нахра. Но в XIII в. могулы еще оставались язычниками [3, с. 47]. Также известно, что керейты (керей), отмеченные среди могульских племен, в X-XIII вв. исповедовали христианство несторианского толка. В начале XIII в. в Жетысу перекочевали с Кучлук-ханом и некоторые группы найман, также бывшие христианами [10, с. 411, 415]. Это разделение населения Могулистана по религиозным признакам не способствовало процессу его консолидации.

Тоглук-Тимур-ханом и Арша ад-Дином был составлен план исламизации могулов. Прежде всего, нужно было перетянуть на свою сторону представителей родоплеменной верхушки и они «порешили на том, что будут вызывать эмиров по одному и приказывать, чтобы каждый принял ислам, в противном случае применяют стих священного Корана: «Сражайтесь все с многобожниками» [8, с. 41].

Первым был вызван дуглатский эмир Тулак, предок Мирза Хайдара по матери. Мирза Хайдар пишет: «Хан начал говорить, и предложил ему принять ис-

лам. Эмир Тулак заплакал и сказал: «Три года назад я принял религию ислама благодаря праведным людям Кашгара и стал мусульманином. Боясь вас, я не мог открыться. Какое счастье может быть лучше этого?». Хан встал и обнял его. Мусульман стало трое» [8, с. 41].

Другие эмиры, которых приглашали после Тулака, выразили согласие принять ислам. Когда же очередь дошла до эмира Чураса, он отказался принять мусульманство и поставил свое условие: «У меня есть человек по имени Сангани Буга. Если этот таджик сможет свалить его, то я приму религию». Хану и другим эмирам, которые указывали на бессмысленность условия и говорили, что Сангани Буга поднимает двухлетнего верблюда, Арша ад-Дин ответил: «Если всеславный и всевышний Господь пожелает, то обязательно даст мне силу». «Хан и те, которые приняли ислам, не согласились с этим, – пишет далее автор «Тарих-и Рашиди», – Как бы там ни было, собрались люди, привели того неверного, и он выступил вперед. Маулана (Арша ад-Дин – *авт.*) тоже поднялся и вышел вперед. Тот неверный, гордый своей силой, надменно и важно приблизился; маулана показался ему ничтожным. Когда они сцепились руками, то маулана, схватил его за грудь и тот неверный упал и лишился чувств. Через некоторое время он пришел в себя и встал, читая калима и шаходат, и плача бросился в ноги мауланы. Народ закричал и зашумел». Далее Мирза Мухаммад Хайдар сообщает: «В тот день сразу обрили головы и стали мусульманами сто шестьдесят тысяч человек» [8, с. 42]. Несомненно, что автор «Тарих-и Рашиди» преувеличивает численность могулов, принявших ислам одновременно, но все же очевидно, что количество обращенных в новую религию людей было значительным.

«В восемнадцать лет он (Тоглук-Тимур – *Н. А.*) стал ханом. В двадцать четыре года он принял ислам» – пишет Мирза Мухаммад Хайдар [8, с. 48]. На основе этого сообщения, мы можем датировать данное событие 754 г.х./ 1352–1353 гг. Это стало началом процесса активного насаждения ислама среди могулов их правителями. Хотя, как видели выше, под влиянием местного мусульманского населения некоторые могулы, например тот же дуглатский эмир Ту-

лак, уже до этого тайно приняли ислам. Однако их численность была еще незначительной.

Тоглук-Тимур-хан умер естественной смертью в 764 г.х. / 1362-1363 гг. [3, с. 50; 10, с. 119] ****. Вспыхнувшая после его смерти междоусобная война и завоевательные походы Эмира Тимура оказали сильное препятствие распространению ислама среди могулов. Еще в конце XIV века могулы оставались для их западных соседей неверными. Так, автор «Зафар-наме» Шараф ад-Дин Али Йезди, описывая поход Тимура в Могулистан в 785 г.х. /1383-1384 гг., пишет о могулах, что они «в большинстве своем были лишены украшения исламской веры» [11, с. 134].

Попытки сына и преемника Тоглук-Тимура Илйас-ходжа-хана восстановить внутривластную стабильность в государстве, не привели к успеху. Его правление оказалось недолгим [7, с. 263; 8, с. 67]*****.

Ислам получил дальнейшее распространение среди могулов при следующем правителе Могулистана Хизр-Ходжа-хане (791 г. х. / 1389 – 802 г.х. / 1399-1400 гг.) [7, с. 263]*****, другом сыне Тоглук-Тимура. «Он был ханом, придерживающимся норм ислама, некогда принятого Тоглук-Тимур-ханом» – говорится в «Тарих-и Рашиди» [8, с. 86]. Заключенный Хизр-Ходжа-ханом мир с Тимуром и смерть сепаратно настроенного могущественного дуглатского эмира Камар ад-Дина, способствовали восстановлению спокойствия внутри государства. Автор «Тарих-и Рашиди» пишет, что с приходом к правлению Хизр-Ходжа-хана «дела Могулистана стали процветать» [8, с. 85].

Новый хан Могулистана приложил много усилий для распространения ислама в своих владениях. «Во время своего правления хан вел священную войну с Хитаем. Турфан и Караходжа входили в Хитай и являлись важнейшими городами этого края. [Хан] сам лично ходил туда со священной войной, одержал там победы, распространил там ислам, так что и ныне [те места] являются обителью ислама, и трон могульских ханов, после Кашгара находится там» – пишет Мирза Мухаммад Хайдар [8, с. 86]. Однако не все жители Турфана приняли ислам. «Еще и в 823 г. х. /1420 г. упоминаются буддийские статуи в Тур-

фане, среди которых были и «недавно изготовленные» – отмечал В.В. Бартольд [2, с. 594].

При втором сыне Хизр-Ходжа-хана Мухаммад-хане (правил с 1407/8 по 1415/6 гг.) [7, с. 263] ислам окончательно утвердился в среде могулов. «Мухаммад-хан был могущественным правителем, хорошим, справедливым мусульманином. Он приложил много усилий для того, чтобы большая часть улуса могулов в его благословенное время приняла ислам» – говорится в «Тарих-и Рашиди» [8, с. 90].

Нельзя считать, что процесс исламизации носил только добровольный характер. Нередко она происходила принудительно, силой оружия, так как в кочевнической среде слишком сильны были позиции традиционных верований.

Так Мухаммад-хан жестоко расправлялся с теми могулами, которые отказывались принимать ислам. «Он проявлял чрезмерную строгость в деле распространения ислама среди могулов. Так, например, известно, что если какой-нибудь могул не надевал чалму, то в голову ему вбивали подковный гвоздь. Такого рода усилий он приложил много» – сообщает Мирза Мухаммад Хайдар [8, с. 90].

По словам автора «Тарих-и Рашиди», не приняли ислам и «остались в неверии» кыргызы, которое «также могольское племя» [8, с. 90]. Однако В.В. Бартольд справедливо отмечал, что «совершенно чуждыми исламу киргизы, вопреки словам Мухаммад Хайдара, уже в начале XVI в. не были; киргиз, поставленный Султан Саид-ханом во главе киргизского народа, носил имя Мухаммад» [2, с. 215].

То, что исламизация могулов в рассматриваемый период была значительной и правящая верхушка могулов уже в первой половине XV в. придерживалась мусульманской веры, видно из слов дуглатского эмира Худайдада, сказанные Тимуриду Улугбеку. «Мы посчитали уложение Чингиз-хана плохим, целиком отказались от него и стали следовать закону шариата» – отвечал Худайдад на просьбу Улугбека научить его законам тора [8, с. 99; 3, с. 98]. Из «Тарих-и Рашиди» следует, что уже в этот период состоятельные могулы, в частности тот

же Худайдад, совершали хадж в Мекку и Медину. По словам Мирза Мухаммад Хайдара, эмир Худайдад и его жена похоронены в Медине, у подножья могилы халифа Усмана [8, с. 100], хотя это сведение не согласуется с данными более раннего нарративного сочинения «Матла'ас-са'дайн ва маджма аль-бахрайн» Абд ар-Раззака Самарканди [11, с. 150-168].

Насколько глубоко ислам внедрился в сознание могулов, показывает и обшая антропонимика, принятая в тот период в могульском правящем доме. Могульские ханы стали называться мусульманскими именами: Илийас-Ходжахан, Хизр-Ходжахан, Мухаммад-хан и др.

В Могулистане, также как и в Центральной Азии, распространение получил ханафитский мазхаб сунизма. Основная часть правящей элиты могулов были приверженцами суфийского тариката ходжаган-накшбандийа (силсилат ал-хваджаган). В «Тарих-и Рашиди» говорится, что могульский Уайс-хан был муридом («учеником») мауланы Мухаммада Кашани, который муридом Хазрата Ходжа Хасана Аттара, мурида Ходжа Бахааддина Накшбанда [8, с. 97]. Муршидом (наставником, учителем) другого могульского правителя Султан Махмуд-хана был маулана Саййид Мухаммад б. Бурханаддин Самарканди (Маулана Мухаммад Кази), мурид главы тариката ходжаган-накшбандийа Ходжа Насир ад-Дина Убайдуллаха б. Махмуда (Ходжа Ахрара – Хваджа Ахрара) [8, с. 139, 140, 269-270, 575]. Последователем шейхов тариката ходжаган-накшбандийа и сам Мирза Мухаммад Хайдар, который был учеником [8, с. 257]. Большой вес при дворе могульских ханов Султан Ахмада и его сына Мансура имел Ходжа Тадж ад-Дин, который был муридом мауланы Али Аррана Туси, ученика Ходжа Ахрара [8, с. 153-154]. Муршидами Султан Саид-хана были внуки Ходжа Ахрара Ходжа Баха ад-Дин Махмуд Махдум-и Нуран, «который известен как Ходжа Хаванд Махмуд», и на короткое время его младший брат Ходжа Мухаммад Йусуф [8, с. 166, 433-434, 451-452]. Мирза Мухаммад Хайдар приводит следующую духовную генеалогию (силсале) Ходжа Нурана: «Его святейшество Ходжа Нуран ... является мюридом своего великого деда Ходжа Насираддин Убайдаллаха, а он – мюрид Мауланы Йакуба

Чахри, а он – мюрид великого Ходжа Бахааддин Накшбанда, а он – мюрид Мир Кулала, а он – мюрид Ходжа Мухаммад Баба-и Самаси, а он – мюрид Ходжа Али Рамитани, а он мюрид Хода Махмуд Анджира Фагнави, а он – мюрид Ходжа Арифа Ривгари, а он – мюрид господина мира Абдалхалика Гидждувани ... ». А далее от Абдалхалика Гидждувани духовная цепочка выглядит так: Абдалхалик б. Абдалджамиль Гидждувани – Ходжа Имам Абу Йусуф Хамадани – Шайх Абу Али Фармади Туси – Шайх Абу-л-Касим гурагани – Шайх Абу-л-Хасан Харакани – Султан Байазид Бистами – Джафар Садик б. Мухаммад Бакир – Касим б. Мухаммад б. Абу Бакр Сиддик – Салман Фарс – Абу Бакр Сиддик – пророк Мухаммад (с.а.в) [8, с. 472-473].

По сведениям «Тарих-и Рашиди», некоторые могулы придерживались тариката йасавийа. Так, например, последователем этого тариката был Саййид Мухаммад мирза Дуглат, родной дядя Мирза Мухаммад Хайдара, который занимал в Могульском государстве вторую после хана должность улусбека [8, с. 430, 432].

Согласно «Тарих-и Рашиди», недалеко от Кашгара в местности Артудж находилась гробница Шайха Хабиби из тариката кубравийа. Мирза Мухаммад Хайдар сообщает, что в 1514 г. Султан Саид-хан, еще до своего вступления на путь тариката ходжаган-накшбандийа, совершил поклонение к его могиле [8, с. 348]. Возможно, что некоторые могулы придерживались тариката кубравийа.

Несмотря на некоторые различия во взглядах представителей этих тарикатов, они сосуществовали мирно. В «Тарих-и Рашиди» нет сведений о конфликтах между сторонниками разных тарикатов.

Во второй половине XV века могулов признало мусульманами и духовенство Мавара'-н-нахра. Ходжа Ахрар, после встречи с Йунус-ханом, разослал к правителям соседних с могулами народов письма, где было сказано: «... я видел Йунус-хана-могола, подданных такого государя нельзя делать рабами – эти люди мусульмане» [8, с. 123; 13, с. 26].

По сведениям «Тарих-и Рашиди», могульские ханы вели священные войны (газават) против неверных. Так, например, об Уайс-хане говорится, что он «не

позволял джете совершать набеги на мусульман и находился близко от неверных калмаков, то постоянно вел войны против тех неверных. Несмотря на частые поражения, он не отказывался от священной войны...» [8, с. 95]. Священными войнами считались походы Мансур-хана на калмаков и в Китай, Султан Саид-хана в Тибет и Балти [8, с. 153, 162].

Таким образом, сведения «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдара предоставляют нам возможность проследить историю распространения ислама в среде могульских племен. По его данным, во второй половине XIV – первой четверти XV в. правящая верхушка Могулистана приняла действенные меры для исламизации своих подданных. Этот процесс, который осуществлялся при посредничестве религиозных деятелей Мавара'-н-нахра и мусульманского населения Восточного Туркестана, растянулся на несколько десятилетий. В нем можно выделить два довольно отчетливых этапа. Первый этап - 754 г. х. /1352–1353 гг. - 764 г. х. / 1362-1363 гг. В эти годы, при первом правителе Могулистана Тоглук-Тимур-хане, ислам начал активно насаждаться среди могулов. Второй этап - 791 г. х. /1389 г. - первая четверть XV века. В этот период, при энергичных и сильных могульских ханах (Хизр-Ходже, Мухаммаде), позиции ислама, которые в периоды политической нестабильности несколько ослабели, вновь усилились. В первой половине XV века ислам окончательно утвердился в качестве единственной религии могулов.

Принятие ислама могулами и стирание религиозных различий населения Могулистана способствовало укреплению государства, ускорению процесса консолидации его населения в единую народность, которая, впрочем, не была завершена [3, с. 228-229, 243-244; 14, с. 288].

Исламизация оказала мощное влияние на культурную жизнь могулов. Благодаря этому они приобщились к великим достижениям мусульманского мира. С этим, например, связано появление в Могулистане архитектурных построек в мусульманском духе. Эти архитектурные памятники, как отмечал А.П. Чулошников, «легко обнаруживают как в своем стиле, так и в самих приемах постройки определенное подражание великим образцам, которые были созданы Тиму-

ром и его преемниками в богатых и цветущих городах» [16, с. 94-95]. На постройку архитектурных строений обращали внимание сами могульские ханы. Так, согласно «Тарих-и Рашиди», по приказу Мухаммад-хана в Могулистане строились мечети [8, с. 90].

Другим значимым результатом приобщения могулов к культурным достижениям мусульманского мира нужно признать возникновение у них собственной письменной литературной традиции, основу которой заложил выдающийся труд Мирза Мухаммад Хайдара «Тарих-и Рашиди».

ПРИМЕЧАНИЯ

* По мнению В.В. Бартольда, «рассказ о ханском происхождении Тоглук-Тимура придуман тем эмиром из рода дуглат, которым он был возведен на престол, за отсутствием в восточной части Чагатайского улуса подлинного отпрыска ханского рода» [2, с. 165-166].

** Этому известному религиозному деятелю посвящено агиографическое сочинение «Жизнеописание Мавлана Арш ад-Дина Вали». См.: [15, с. 80].

*** «В восемнадцать лет он (Тоглук-Тимур - *Н. А.*) стал ханом. В двадцать четыре года он принял ислам» - пишет Мирза Мухаммад Хайдар [8, с. 48]. Если следовать этим словам автора «Тарих-и Рашиди», то встреча Арша ад-Дина с Тоглук-Тимур-ханом состоялась в 754 г. х. / 1352-1353 гг., т. е. спустя уже пять-шесть лет, после его восшествия на ханский престол. Вероятно, к этому времени Тоглук-Тимур укрепил свои политические позиции и освободился от влияния могульской знати. В пользу этого говорит и тот факт, что при утверждении Худайдада в должности «улусбеги» Тоглук-Тимур проявил свою волю и не побоялся пойти против могущественного дуглатского эмира Камар ад-Дина [8, с. 68].

**** А.П. Чулошников пишет, что гробница Тоглук-Тимура, по преданию, находится к сев.-зап. от Кульджи [16, с. 94-95].

***** Распространенное среди могулов предание, которое приводит Мирза Мухаммад Хайдар, согласуется с данными Натанзи, который сообщает, что «эмир Камар ад-Дин в полдень {одного дня} из месяцев 765 (1363-64) г. напал

на орду, захватил Илйас-ходжу в опочивальне во время после полуденного сна и убил» [11, с. 119], В Ташкентском издании «Тарих-и Рашиди» вместо восемнадцатилетнего хана неправильно дано «восемнадцать ханов» [12, с. 61]. «Рассказ о завершении дел Илйас ходжи хана ...» - так назвал Мирза Мухаммад Хайдар главу, в которой сообщается об этом факте. Правильный текст см.: [3, с. 59].

***** В «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини» указан 799 г. х. / 1396-1397 гг. [11, с. 120].

Список литературы:

1. Бартольд В.В. Сочинения. Т.2. Ч.1. – Москва: Восточная литература. Наука, 1963. – 1024 с.
2. Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. – Москва: Восточная литература. Наука, 1968. – 757 с..
3. Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). А.-А., 1977. – 288 с.
4. Султанов Т. И. «Записки» Бабура как источник по истории моголов Восточного Туркестана и Средней Азии // Turcologica. 1986, Л., 1986. - С. 253-267
5. Караев О.К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995. – 160 с.
6. Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVI веках глазами востоковеда. – Алматы: Изд. «Дайк-Пресс», 2001. – 384 с.
7. Акимушкин О.Ф. Средневековый Иран: Культура, история, филология. – СПб.: Наука, 2004. – 404 с.
8. Мухаммад Хайдар Дулати. «Тарих-и Рашиди». Перевод с персидского языка А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой, 2-е издание дополненное. – Алматы: Санат, 1999. – 656 с.
9. Бартольд В.В. Сочинения. Т. III. – Москва: Восточная литература. Наука, 1964. – 711 с.

10. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В четырех томах. Т. 1. – Алматы: «Атамұра», 1996. – 544 с.

11. Шараф ад-Дин Али Йезди. Зафар-наме // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. Ответ, ред. и авт. введ. В.А. Ромодин. М.: Наука, 1973 - 280 с.

12. Мирза Мухаммад Хайдар. «Тарих-и Рашиди». Введение, перевод с персидского языка А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Прмечание и указатели Р.П. Джалиловой и Л.М. Епифановой . – Ташкент: Изд-во «ФАН» АН РУ, 1996. – 728 с.

13. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. IV. . – Алма-Ата, 1985. – 462 с.

14. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 2. – Алматы: «Атамұра», 1997. – 624 с., ил.

15. Мугинов А.М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М.: Издательство Восточной литературы, 1962 – 207 с

16. Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924. – 294 с.

Сведения об авторе: Атыгаев Н.А., Казахский национальный педагогический университет имени Абая, РК, г. Алматы, улү Жамбыла, 25. nuratygaev@mail.ru +77077220068

УДК 94(575.2)+003,3(553)

Джаманкулова К.Т.

КНУ им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

Dzhamankulova K.T.

KNU named after J. Balasagyna, Bishkek (Kyrgyzstan)

ЕНИСЕЙСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ КЫРГЫЗОВ

В СРЕДНИЕ ВЕКА (V-X вв.)

Аннотация: Статья «Енисейская письменность кыргызов в средние века (V–X вв.)» посвящена комплексному исследованию возникновения, развития и значения письменной традиции енисейских кыргызов как одного из важнейших компонентов культурного и государственно-политического наследия Центральной Азии. В работе раскрывается исторический контекст формирования кыргызской государственности, начиная с упоминаний в китайских источниках II века до н.э. и вплоть до периода расцвета Кыргызского великодержавия в IX веке. Особое внимание уделено анализу орхон-енисейской письменности, которая получила широкое распространение среди кыргызов и использовалась как в официальной, так и в бытовой, ритуальной и мемориальной сферах. На основе трудов И.А. Батманова, С.Е. Малова, В.В. Радлова, Л.Н. Гумилёва, А. Аманжолова и других исследователей статья доказывает, что енисейская письменность сформировалась независимо и ранее орхонской, отражая характерные особенности языка и культурной традиции кыргызского этноса. Письменные памятники, обнаруженные на стелах, надгробиях, предметах быта, сосудах, скалах и зеркалах, свидетельствуют о широком уровне грамотности среди древних кыргызов. Приведённые археологические данные подтверждают распространённость рунических надписей на обширной территории – от Минусинской котловины до долины реки Абакан. В статье подчеркивается, что енисейская письменность не только служила средством фиксации информации, но и выполняла важную идеологическую и сакральную функцию в обществе. Она выступала символом развитой языковой культуры и свидетельством ранней государственности

кыргызов. Статья делает вывод о значимости енисейско-кыргызской письменной традиции как неотъемлемой части историко-культурного наследия тюркских народов.

Ключевые слова: енисейские кыргызы, Кыргызский каганат, енисейско-кыргызская письменность, V в н.э., широкая грамотность кыргызов, археологические данные, языковая культура и государственность.

YENISEI WRITING OF THE KYRGYZ IN THE MIDDLE AGES (5th-10th centuries)

Abstract: The article "The Yenisei Script of the Kyrgyz in the Middle Ages (5th–10th centuries)" presents a comprehensive study of the origin, development, and significance of the writing tradition of the Yenisei Kyrgyz as one of the most important components of the cultural and politico-historical heritage of Central Asia. The paper explores the historical context of the formation of Kyrgyz statehood, beginning with references in Chinese sources from the 2nd century BCE up to the flourishing of the Kyrgyz Great Power in the 9th century. Particular attention is given to the analysis of the Orkhon-Yenisei script, which became widespread among the Kyrgyz and was used in official, everyday, ritual, and memorial contexts. Drawing upon the works of I.A. Batmanov, S.E. Malov, V.V. Radlov, L.N. Gumilyov, A. Amanzholov, and other researchers, the article argues that the Yenisei script developed independently and earlier than the Orkhon script, reflecting the distinctive features of the Kyrgyz language and cultural tradition. Inscriptions found on steles, gravestones, household items, vessels, rocks, and mirrors provide evidence of a high level of literacy among the ancient Kyrgyz. Archaeological data confirm the widespread use of runic inscriptions over a vast territory—from the Minusinsk Basin to the Abakan River valley. The article emphasizes that the Yenisei script not only served as a means of recording information but also fulfilled important ideological and sacred functions within society. It stood as a symbol of a developed linguistic culture and early Kyrgyz statehood. The article concludes that the Yenisei-Kyrgyz writing tradition is an integral part of the historical and cultural heritage of the Turkic peoples.

Keywords: Yenisei Kyrgyz, Kyrgyz Great Power, Yenisei-Kyrgyz script, 5th century CE, widespread literacy among the Kyrgyz, archaeological data, linguistic culture, statehood.

История письменности кыргызского народа уходит корнями в глубокую древность. Она связана с древней историей кыргызов. А история кыргызов впервые была зафиксирована в письменных источниках Китая в 201 году до н.э. как государство «Гегунь». Гэгунь или цзянькунь – является транскрипцией древних названий рек Енисея и Орхона. По верхнему течению р. Енисей, в районе Минусинского края жило племя «кыргыз», в китайской форме «цзянькунь» - полуоседлые, пастушеские племена скотоводов с высокоразвитым бронзолитейным производством, занимающиеся земледелием, охотой и рыболовством [1, с.169].

Государство кыргызов в Средние века. Одним из наиболее значимых периодов в развитии истории кыргызов является эпоха Средневековья, когда *Енисейские кыргызы* — принятое в историографии обозначение древнего и средневекового тюркоязычного населения бассейна Енисея и Саяна- Алтая [2, с.10].

Кыргызы Енисея – исторический народ Центральной Азии, гегемон Кыргызского каганата. Один из крупнейших средневековых тюркских этносов, сыгравших значительную роль в этнополитической истории народов Центральной Азии в средневековье. На территории Южной Сибири существовало могущественное государственное образование енисейских кыргызов. Письменные памятники, оставленные ими, представляют собой важнейшие источники для изучения ранней истории, языка и культуры кыргызского этноса.

И.А.Батманов так характеризует кыргызское общество в V-VIII вв.: «Феодальное кыргызское общество с патриархально-родовыми элементами в V–VIII веках состояло из союза родов. Этими родами управляли беги, которые подчинялись хану (возможно, огузскому хану или временному хану, назначенному из числа бегов во время войны») [2, с.10].

Сохранение патриархальных и родовых отношений указывает на переходный этап от родоплеменного строя к феодализму. Появление бегов и хана, а также подчинение родов указывает на зарождение феодальных отношений.

Таким образом, кыргызское государство в средние века представляло собой устойчивое этносоциальное единство раннефеодального типа, имевшее свою структуру и государственные институты.

Местные древнекиргизские надписи и китайские письменные источники свидетельствуют о том, что кыргызами руководила знать, владевшая большим количеством скота и различными видами имущества, а также рабами. У Абу Дулефе говорится, что их царь заботится о благосостоянии народа. У кыргызов была племенная знать, «князья, называвшиеся бегами, «знать» - «эл» или «көк эль», а простой народ – «кара будун» (3, с.49).

Минусинская котловина и территория нынешней Республики Тыва считались основными центрами в формировании кыргызского государства. Они были главными владениями кыргызов, так как в этих местах были найдены памятники и надписи правящих представителей кыргызской знати, называемых «эл». Л.Н.Гумилев отмечает, что «... к северу от гузгузов жили киргизы, с центром на Енисее» [4, с.273].

Кыргызское государство было известно как сильное государство. В «Тан-Шу» имеется сообщение о территории кыргызов: «Хягас был сильное государство, по пространству равнялось дулгаским (восточных тукиюесцев) владениям. Дулгаский дом выдавал своих дочерей за их старейшин. На восток простиралось до Гулигани, на юг до Дубо, на юго-запад до Гэлолу» [5, с.152]. По мнению Н. А. Аристова, это соответствует периоду правления тукиюесцев (545-745 гг.).

Эти сведения свидетельствуют о мощи кыргызского государства в тюркскую эпоху, обширности территории проживания кыргызов и дипломатических отношениях кыргызов с тюркскими каганами.

Енисей — верховья Енисея — имела большое значение в VII–VIII веках. По наблюдению Л.Н. Гумилёва, несмотря на сходство языка и письменности, кыргызы по ряду особенностей отличались как от тюрков, так и от уйгуров" [4, с.187].

А. Н. Бернштам отмечает, что к V-X вв. н.э. кыргызы представляли собой сравнительно высокоразвитое общество кочевников, занимавшихся также земледелием, охотой и рыболовством. Значительное развитие у них получило ремесло, среди которого металлургическое производство достигло наибольшего расцвета [1, с.191].

В 840 году завершилась длительная война между кыргызами и уйгурами победой кыргызов. Было создано «Кыргызское великодержавие» (В.Бартольд)(840-945-гг.). Настал период расцвета кыргызского могущества. «Кыргызы стали за короткий период великодержавия единственным за всю средневековую историю Центральной Азии господствующим этносом в кочевом мире, пришедшим в степные просторы из Южной Сибири» [3, с.23].

Древнетюркская письменность в средние века. VI-X вв. тюркские племена использовали орхоно-енисейскую письменность. Как отмечает А.Аманжолов: «В них была распространена грамотность, высокого развития достиг письменно-литературный язык, иначе именуемый «древнетюркским языком» [6, с.15].

Первое официальное использование орхоно-енисейской письменности на государственном уровне произошло в период Тюркского каганата.

Первоначально существовали различные гипотезы о происхождении орхоно-енисейских надписей. Основные из них: 1) что они произошли от арамейского письма; 2) что они произошли от согдийского письма; 3) теория, что они являются результатом культуры кочевой цивилизации.

В 1889 году русский исследователь Ядринцев обнаружил памятники вдоль реки Орхон в долине Кошо-Цайдам, вдали от места ранее неизвестных надписей в Монголии, выполненных на двух языках (один на непонятном языке, другой на китайском). По китайским надписям было установлено, что один из па-

мятников был посвящен тюркскому кагану и его брату. «Благодаря китайским текстам на тыловой стороне памятников, удалось приступить к расшифровке текстов орхонского, а позже и енисейского письма» [7, с.8].

Открытие Н.М.Ядринцева опровергло различные предыдущие гипотезы о надписях на камнях, особенно финскую гипотезу Аспелина, выяснилось, что неизвестные надписи на камне принадлежат тюркским племенам. Первым, кто занялся изучением древних неизвестных надписей, был датский ученый В. Томсен, который нашел полный ключ алфавитам енисейских и орхонских памятников 1893 году 25 января. После открытия В. В.Томсена письменные памятники, найденные в реках Енисей и Орхон, стали изучаться учеными со всех сторон. Первоначально большой вклад в изучение енисейских надписей внесли В. В. Радлов, О. Доннер и С. Е. Малов.

Енисейская письменность кыргызов в средние века. Сначала памятники с неизвестными надписями назывались енисейскими, поскольку они были найдены на Енисее, а позднее, поскольку такие памятники были найдены на Орхоне, их стали называть орхонскими, или орхоно-енисейскими надписями.

И.А.Батманов отмечает, что во второй половине I тысячелетия «племена, расселявшиеся в бассейнах верхнего течения Енисея и Орхона, пользовались системой письменностью, отражавшей особенности их языка, построенной на основе весьма своеобразного алфавита [8, с.14].

В. В. Радлов анализируя графики памятников, сделал вывод о независимом параллельном развитии орхонского и енисейского алфавитов, во-первых, и о большой древности енисейского алфавита. С. Е. Малов выступая на съезде тюркологов, состоявшемся в Баку 28 февраля 1926 года, заявил, что даты на енисейских памятниках установлены на двести-триста лет раньше, чем на орхоно-селенгинских [9, с.12]. Ученый датирует енисейские тексты примерно V в.: «Начальным временем здесь (Минусин) появление памятников я считаю пятый век нашей эры» [10, 74]. По поводу мнения С.Е.Малова И.А.Батманов пишет: «...надо думать, что он имел в виду не даты их сооружения, время формирования определенного типа письма и завершения процесса сложения тех язы-

енисейско-кыргызских памятниках, сохранились на надгробиях, плитах на могилах, скалах, камнях, каменных столбах, стелах, сосудах и различных предметах быта. Это указывает на то, что енисейско-кыргызские надписи широко и многообразно использовались кыргызами. Следовательно, кыргызы были грамотными.

Чем больше находят енисейских надписей, тем яснее становится их широкое и разнообразное применение. Например, С.Е. Малов отметил, что язык енисейских надписей включает элементы разговорной речи. По его предположению, это связано с самими людьми, писавшими эти тексты. Рунические надписи представляют собой не только палеографическое разнообразие, но и используются в повседневной жизни. Это – документы, эпитафии, шаманские тексты, надписи на предметах и т. д. Всё это, по мнению А.Н. Бернштама, свидетельствует о «сравнительной грамотности» всего населения (13).

На кладбищах Енисея обнаружено множество стел с надписями. С.В. Киселёв писал, что их количество говорит о широком знании письма в народе. Он отмечал: «Рунические эпитафии Верхнего Енисея и долины Мин-Су предназначались не только представителям знати, но и широкой читательской публике. Большинство из них выгравированы на скалах и камнях поспешно и грубо» (14).

Как видно из вышеуказанного, надписи использовались масштабно. Это подтверждает, что кыргызы умели читать эти надписи и активно их использовали.

Л.Н. Гумилёв называл енисейско-кыргызские надписи «агитационными документами», адресованными широкой аудитории. Он считал их пропагандистскими посланиями, цель которых – убеждение, привлечение сторонников. По мнению Гумилёва, сила слова среди тюрков имела особое влияние [4, 1967].

Таким образом, приведённые факты доказывают, что енисейско-кыргызские надписи использовались всем кыргызским народом, предназначались широкой публике, и народ в целом был грамотным.

Исследования В.М. Насилова ("Язык орхоно-енисейских памятников", 1960) и А.С. Аманжолова ("Глагольное управление в языке древнетюркских памятников", 1969) показывают, что в енисейских памятниках использовались стилистические приёмы, отражающие прямую речь и ораторские методы. Эти надписи служили одновременно как информационные, так и мемориальные хроники, созданные участниками описываемых событий.

Д.Д. Васильев отмечает, что нанесение енисейских эпитафий и алтайских текстов на стелы и валуны – ещё одно доказательство широкой грамотности кыргызов.

Археологические данные подтверждают широкое распространение енисейской письменности среди кыргызов. В частности, в Минусинской котловине, Уюкской долине, бассейне рек Абакан, Енисей, Туба и на плато Уюк было обнаружено более 150 надписей. В районе Туран (Тува), в местности Шивээ, найдены надгробные памятники с руническими знаками, относящиеся к V–VIII вв. [15, 1951].

Также в урочище Туяк и долине р. Абакан были найдены бронзовые зеркала и сосуды с выгравированными письменами. Подобные находки свидетельствуют, что письменность не ограничивалась официальной сферой, а также проникала в бытовую и религиозную практику древних кыргызов.

В 2020-х годах в ходе экспедиций Института археологии и этнографии СО РАН в Тыве были найдены новые эпитафии с элементами древнетюркской символики, что позволяет говорить о длительной традиции письма и его ритуально-культурной значимости [16].

Енисейская письменность – важнейший показатель высокого уровня языковой культуры и государственности. Енисейские стелы – это каменные надписи древних кыргызов, найденные вдоль реки Енисей. *Валуны* – это большие камни, сформированные течением реки или таянием ледников.

Надписи на этих объектах представляют собой важный источник знаний об истории, культуре и духовных ценностях кыргызского народа.

Д.Д. Васильев ("Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала", 1983) указывает, что эпитафии, во-первых, тщательно фиксировали биографические данные, а во-вторых, сами надписи были элементом погребального обряда. Надпись придавала сакральный смысл всей конструкции. Кроме того, эти тексты, как и все эпитафии, содержат архаизмы. Не случайно С.Е. Малов называл енисейские надписи «кладбищенской поэзией».

Содержание многих надписей – это личные события, афоризмы, краткие сообщения о повседневной жизни и обществе. Это подтверждает использование письменности для выражения эмоций.

Дополнительным доказательством широкого распространения енисейских надписей является их нанесение на мелкие предметы быта – бронзовые зеркала, монеты, золотую и серебряную посуду, конскую упряжь и т. д. Также надписи обнаружены на керамике, часто на сосудах для хранения зерна, муки и других продуктов. Керамические надписи указывали на принадлежность предмета владельцу. Однако их количество было небольшим [16].

Следовательно, енисейско-кыргызские надписи были широко распространены в местах проживания кыргызов и использовались многофункционально.

Надписи были адресованы широкому слою населения, что говорит о том, что большинство кыргызов умело их читать. Это одно из важнейших доказательств их грамотности.

А. Аманжолов, изучив тексты Таласских и Енисейских памятников, сравнив их с оригиналами и изображениями Орхонских памятников, заключил: «Древнетюркские письменные памятники – это важнейшие доказательства высокого уровня языковой культуры и государственности далёких предков тюркских народов» [6, 2003]. Мы считаем, что это утверждение в полной мере относится и к енисейско-кыргызским письменным памятникам.

Енисейско-кыргызские письменные памятники – важное доказательство высокого уровня языковой культуры и государственности предков кыргызского народа.

Таким образом, енисейская письменность кыргызов периода V–X вв. является важным свидетельством высокого уровня культуры, государственного устройства и грамотности древнекыргызского общества. Археологические находки, эпитафии, бытовые надписи и ритуальные тексты подтверждают, что письменность активно применялась в различных сферах жизни. Это доказывает наличие у кыргызов развитой письменной традиции, служившей не только средством фиксации памяти, но и инструментом политической и духовной коммуникации. Енисейско-кыргызская письменность по праву может считаться важнейшим компонентом наследия древнетюркской цивилизации.

Список литературы:

1. Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. II. - Б.: Сорос-Кыргызстан, 1998. – С. 699.
2. Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Ф.: 1959 - С. 216.
3. Худяков Ю.С. Сабля Багыра //Военное искусство средневековых кыргызов. – М.: Изд-во «Филоматис», 2003. – С.183.
4. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. Т. I. - М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. – С. 480.
5. Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. – Б.: Илим, 2001. - С.152.
6. Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы:
7. Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. – С. 86.
8. Арагачи З.Б., Батманов И.А., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя Енисейка. - Ф.: Ид-во АН Кирг. ССР, 1962. – С. 248.

9. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. - М. - Л.: 1951. - С. 451.
10. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. - М. - Л.: Изд-во АН СССР. 1959. – С.106.
11. W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. СПб., 1895. – С. 301-302.
12. Кызласов И.Л. Енисейская письменность древнехакасского государства.
13. Рассказы археолога. – Москва, Абакан: Хакасское книжное издательство, 2017. – С. 156.
14. Бернштам А.Н. Древнетюркское письмо на р. Лена. Public. Эпиграфика Востока. т. V, 1951. - С. 65—75.
15. С.В. Киселёв. Краткий очерк древней истории хакасов. // Абакан: Хакасское обл. гос. изд-во. 1951. – С.92.
16. Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии // [Красноярск:] Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. – С.224. ISBN 5-7470-0187-6
17. С.В. Киселёв. Краткий очерк древней истории хакасов. Васильев Д.Д. _Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. (Опыт систематизации). – Москва: Наука, 1983. - Абакан: Хакасское обл. гос. изд-во. - С. 92.

Сведения об авторе: Джаманкулова Кульжамал Тологоновна, д.ф.н., профессор кафедры кыргызского языкознания КНУ им. Ж. Баласагына (г.Бишкек, Кыргызстан) djamankulova.guljamal@gmail.com +996 550896978

Джуманалиев Т. Д.

КНУ им. Ж.Баласагына, Бишкек (Кыргызстан)

Dzhumanaliev T. D.

KNU named after Zh. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

**КРИЗИС ХАНСКОЙ ВЛАСТИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ КОЧЕВОГО
ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XVII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.**

Аннотация: В статье рассматриваются родоплеменные институты с их внутренней автономией, которые оставались ядром кочевого социума, с их тенденцией распада и сегментации. Родоплеменная организация основана на кровнородственных отношениях, роды и племена существовали своими интересами с их центробежной тенденцией. Поскольку родоплеменная организация основана на кровнородственных отношениях, роды и племена существовали своими интересами, которым был свойственен племенной сепаратизм, что привел в конечном итоге к кризису ханской власти и её ликвидации.

Все попытки реабилитировать ханскую власть на протяжении первой половины XIX века оказались безуспешными, поскольку ряд негативных факторов не позволили Ормон-хану консолидировать вокруг себя кыргызских родов и племен с целью создания государства. Частые межродовые и межплеменные столкновения не обуславливали Ормон-хану прочно укрепить свою власть среди своих соплеменников, сам процесс объединения этноса представлял собой в архаичной форме, он не сумел преодолеть тот родоплеменной эгоизм, который присущи был кочевому социуму.

Ключевые слова: кочевой социум, родоплеменная организация, ханская власть, внутренние и внешние факторы, родоплеменной эгоизм, центробежные силы.

**THE CRISIS OF KHAN'S POWER AND THE DISINTEGRATION OF
NOMADIC SOCIETY AT THE END OF THE 17TH CENTURY -MIDDLE
XIX CENTURY.**

Abstract: The article examines tribal institutions with their internal autonomy, which remained the core of a nomadic society, with their tendency to disintegration and segmentation. Tribal organization is based on kinship relations, clans and tribes existed by their own interests with their centrifugal tendency. Since the tribal organization is based on kinship relations, the clans and tribes existed by their own interests, which were characterized by tribal separatism, which eventually led to the crisis of the khan's power and its liquidation.

All attempts to rehabilitate the khanate during the first half of the 19th century proved unsuccessful, as a number of negative factors prevented Ormon Khan from consolidating the Kyrgyz clans and tribes around him in order to create a state. Frequent inter-tribal and intertribal clashes did not allow Ormon Khan to firmly consolidate his power among his tribesmen, the very process of uniting the ethnic group was in an archaic form, he could not overcome the tribal egoism inherent in a nomadic society.

Keywords: nomadic society, tribal organization, Khan's power, internal and external factors, tribal egoism, centrifugal forces.

В истории кочевого общества племенная организация носила аморфный характер и тяготела к сегментации и дифференциации, и только в случае успешной внешней экспансии и тотальной милитаризации кочевого общества происходило образование крупных кочевых империй. В целом можно утверждать, что в кочевом обществе в политической организации складывалась своеобразная парадигма, когда происходило становление, кратковременное её существование, а затем распад на две-три части, каждая из которых заново создает аналогичную структуру управления, не отличавшуюся от предыдущих. Это объясняется тем, что в самой системе управления кочевого общества заложены деструктивные элементы, в конечном итоге, они создали предпосылку дезинтеграции политической организации и системы управления.

Существовали определенные противоречия между господством и подчинением, племенем и надплеменной структурой в условиях кочевого общества. Пле-

менные интересы не могли совпадать с интересами центральной власти. Были противоречия между родоплеменными институтами и центральной властью, между империей и периферией и т.д., которые продолжались на протяжении эпохи древности и средневековья, эти противоречия то разгорались, то затухали в зависимости от данной исторической ситуации. Ликвидация центральной власти, ее отсутствие обуславливали дальнейший распад кочевого общества на более мелкие локальные этнические группы, из-за чего их новое объединение становилось весьма проблематичным. Истоки противоречий были заложены в самой системе отношений между господством и подчинением, племенем и надплеменной структурой в условиях кочевого общества.

В силу объективных и субъективных причин центральная власть была внутренне эфемерной, рыхлой, достаточно было внешнего толчка, чтобы она прекратила свое существование, либо она оказывалась в загоне и не могла оказывать сопротивления внешним силам.

Бесконечные конфликты, столкновения, войны в рамках рода или племени в кочевом обществе, причем в жестких формах, длительные по времени, неизбежно влекли за собой разрушения (в той или иной форме), дальнейший распад устоявшейся системы отношений. Конфликты внутреннего и внешнего характера в кочевом обществе, последствием которых являются дезорганизация политической власти, без того слабая система управления, дезинтеграция племен и родов, с их внутренней автономностью, автаркичностью хозяйственной жизни, не обуславливали перспективу консолидации кочевого общества. [1, с. 340-342].

Потери физического и материального характера в кочевом обществе гораздо ощутимее, и на их восстановление нужно больше времени, требуется больше затрат, нежели у оседлого населения, поскольку низкий уровень производительности труда и другие факторы не способствовали экономическому росту кочевого хозяйства, его дальнейшему развитию. Кочевники позднего средневековья не могли организовывать больших походов против оседлого населения, как это имело место ранее. Как известно, экономика кочевого хозяйства держалась за счет внешней эксплуатации, т.е. на набегах, на грабежах оседлого населения и др.

Политическая власть, стремившаяся установить свое господство над племенами и не допускавшая распада племен на множество родов, была консолидирующим фактором. Консолидация не стала той исторической необходимостью в решении общеплеменных и общегосударственных задач.

Родоплеменное сознание не непосредственно связано с кровнородственными отношениями или узами, последние препятствовали пониманию необходимости объединения, консолидации племен на основе этнической близости, взаимного экономического обмена и совместных производственных отношений. Следует отметить, что в кочевом обществе длительное время функционировали родоплеменные институты с их жесткой регламентацией, ограниченностью и примитивностью форм организации, в рамках которых формировалось родоплеменное сознание, законсервировалась система кровнородственных отношений, натурализация хозяйства с его автаркичностью неизбежно вели к отсутствию связи с рынком. Кочевая экономика, в основном, была ориентирована на внешнюю эксплуатацию. В конечном итоге, развитие кочевого общества, его перспективность становится весьма проблематичной.

Как нам представляется, политическая и этническая консолидация тесно взаимосвязаны. Хотя, как правило, политическая консолидация должна находиться в авангарде, поскольку она в условиях родоплеменных или кланово-семейных отношений призвана уничтожать эти преграды, ибо без их ликвидации невозможно обуславливать этническую консолидацию. Политическая и этническая консолидация предполагает трансформировать родоплеменные институты в политические институты государственного управления, родоплеменное управление в административно-территориальное управление, ежегодную дань на системный налог, племенное ополчение в регулярную армию, удельно-лествичную систему в прямое престолонаследие, внешнюю эксплуатацию во внутреннее производство и т.д.

Необходимо учесть, что политическая консолидация есть не единовременный акт и не половинчатое реформирование каких-то элементов власти, а длительный политический процесс, охвативший целое общество, достаточно выраженная воля субъекта, его целеустремленность в преобразовании политической

системы в целях консолидации данного этноса. Без их реализации в кочевом обществе неизбежны сегментация или распадение родов и племен.

Следует отметить, что особенность кочевого общества заключалась ещё в том, что оно не нуждалось в каком-то особом аппарате управления как у оседлого населения, поскольку кочевое общество состояло из родовой организации и её глав в лице беков, биев, в том числе доверенных лиц кагана (хана) из тех же родо-правителей. Ханская власть больше опиралась на родоплеменную структуру, и через неё управлял кочевым обществом. «Кочевой социум был сформирован таким образом, что не нуждался в каких-либо дополнительных принудительных механизмах в лице государства» [2, с. 417].

Многие правители Могольского ханства преодолевали кризис ханской власти за счет агрессивной внешней политики по отношению к соседям, в частности, к восточнотуркестанским городам Центрального Тянь-Шаня. Помимо этого, ханы умело лавировали между оппозицией ханской власти в лице военно-кочевой знати или удельных правителей городов, противопоставив им кыргызских биев и тем самым создавая равновесие и стабильность в ханстве. Во всяком случае, создавалась видимость существования центральной власти. Однако к концу XVII века ханская власть исчерпала себя, она уже погрязла в междоусобных войнах, чем воспользовались ходжи и установили теократическую власть в конце XVII века, вскоре и она оказалась под властью ойратов (джунгаров).

Однако кыргызы пытались сохранить ханскую власть, с этой целью был приглашен на ханский престол чингизидский отпрыск из джучидов Ешим султан. Вот что пишет по этому поводу анонимный автор «Тарих-и Кашгар»: «кыргызский йурт поднял ханом Ешим султана». Здесь следует отметить, что до этого казахского Ешим султана пригласил Даниял-Ходжа на яркендский престол, как одного из потомков чингизида, когда в самом Могольском ханстве была прекращена царствующая династия в связи с гибелью последнего хана Мухаммед Мумин-Султана (Акбаш-хана) [3, с. 98-100].

Согласно «Великой Ясе» Чингис-хана, без согласования и признания представителей «золотого рода» («алтан уруга») на курултае царевичей и высшей ари-

стократии претендент на ханский престол не может считаться легитимным, в других случаях данный претендент может рассматриваться как узурпатор и подлежит наказанию, включая смертную казнь [4, С. 25-26].

Вопреки установленным правилам кыргызы пригласили Ешим султана на трон Могольского ханства, надеясь восстановить ханство, придать легитимность власти и таким образом избежать братоубийственной войны. Вскоре сам Ешим султан понял, что из этой затеи ничего не выйдет и покинул пределы ханства.

В конце XVII в. Могольское ханство вступило в тяжелый и необратимый кризис, произошел откат в политическом и социально-экономическом отношениях, традиционные родоплеменные управленческие институты усилили свою власть, стали править самостоятельно. Таким образом, родоплеменные институты были реанимированы, что у хана отсутствовали эффективные средства для принуждения непокорных удельных владетелей, у него был единственный способ подчинить, это постоянно организовывать походы и набеги в целях грабежа соседей, и конечно, хан должен делиться с награбленным со своими эмирами и окружением, и таким образом хан должен доказывать свое могущество в походах и в набегах, сила оружия была главным аргументом его власти.

Итак, кризис ханской власти, ослабление центральной власти и непосредственное вмешательство ходжей, которое вылилось в вооруженный конфликт, мятежи удельных правителей – все это приобрело угрожающий характер. Все попытки правителей Могольского ханства приостановить его распад собственными средствами заканчивались безуспешно. В результате еще больше усиливалась междоусобица в стране, что облегчило вторжение джунгаров (ойратов) в Притяньшанье, а затем в Центральный Тянь-Шань. Вмешательство внешних сил во внутренние дела Могольского ханства ускорило падение династии *чагатаидов* и способствовало установлению теократической власти в Кашгарии. В конечном итоге, Могольское ханство потеряло свою независимость, распалось на множество родов и племен, некоторые из них мигрировали на Памир, в Бадахшан, другие оказались под властью ойратов до середины XVIII века, т.е. до полного разгрома Джунгарского ханства цинскими (китайскими) войсками, большая часть его насе-

ления (ойратов) было истреблена теми же китайцами. Таким образом, существование последнего кочевого государства в Центральной Азии завершилось трагически, исчез с исторической арены целый этнос западных монголов.

Междоусобные войны в кочевом обществе, продолжавшиеся в течение второй половины XVII -XVIII вв. на территории Притяньшанья и Центрального Тянь-Шаня, особенно приобретающие деструктивный характер в конце XVII- начала XVIII веков, сопровождались насилием, разрушением хозяйственной системы, социально-политической организации, что в конечном итоге привело к распаду ханства.

Почему ханам из династии чагатаидов (линия Туглук-Тимура) не удалось укрепить свою власть, создать централизованную власть в целях консолидации кочевого общества, и, наконец, какие факторы и причины обуславливали распад Могольского ханства?

Кочевники не обладали внутренним социально-политическим и экономическим потенциалом для восстановления ханства, уже к концу XVII века, распавшиеся племена и рода на более мелкие родоплеменные подразделения, не располагали тенденцией консолидации кочевников в цельное устойчивое общество, многие из них рассеялись по всему региону на западе от Бадахшана до Турфана на востоке.

Более того, многие роды и племена вели ожесточенные столкновения и междоусобицы за пастбища, за скот, маломощных родов вытесняли из обжитых кочевий, либо присоединяли их в качестве вспомогательных сил.

Не последнюю роль сыграл внешний фактор, в середине XVII века в Западной Монголии образовалось новое кочевое государство Джунгарское ханство, которое вело захватническую политику по отношению к соседям, казахам и кыргызам, они стали вытеснять их из Восточного Притяньшанья, многие из них были рассеяны из обжитых кочевий на запад до Бадахшана. Джунгары (ойраты) продолжали агрессивную политику до середины XVIII века, т.е. до полного их разгрома цинскими (китайскими) войсками в 1757-1758 гг., по сообщению

Л.И.Думана, который опирался на китайские источники что «от всего ойратского народа уцелело лишь около 20%» [5, с. 72-73].

После разгрома ойратов кыргызы и казахи обратились к цинским властям по поводу возвращения в прежние обжитые кочевья (т.е. локальные районы Аксу, Кульджа, Джунгария, Тарбагатай, Черный Иртыш, Озеро Зайсан и его окрестности), однако китайцы им отказали под предлогом того, что все земли, захваченные ойратами, автоматически являются владениями Цинской империи.

Во второй половине XVIII века кыргызы вновь оказались объектом вторжения со стороны кокандцев, последние вначале подчинили южных кыргызов, а затем в первой половине XIX века северные кыргызы оказались под властью кокандцев.

Однако на протяжении 140 лет (т.е. с конца XVII- до 40-х годов XIX в.) кыргызы не предприняли никаких действий для восстановления ханства, для консолидации родов и племен на новом уровне, для установления связи с рассеянными племенами, оказавшимся за пределами Тянь-Шаня и Притяньшанья.

И только в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века кыргызы предприняли попытку консолидации и образования ханства во главе с манапом сарыбагышского племени Ормоном Ниязбек уулу (1790-1853 гг.). Сам процесс объединения народа стала исторической необходимостью, была реальная угроза ассимиляции кыргызов со стороны могущественных соседей, которые по численности населения, по своему военному могуществу превосходили их в разы, и кыргызы им не могли ничего противопоставить.

В 1842 г. состоялся курултай племен северного Кыргызстана по одним данным в местности Тармалсаз (ныне близ водохранилища Орто-Токой), по другим данным, в местности Көтмалды (ныне недалеко от г. Балыкчы), куда прибыли манапы, главы крупных племен и родов, бии, батыры, в частности, из племени сарыбагыш Жантай, Калыгул Бай уулу, Төрөгелди, из племени бугу Боронбай, Мураталы, из племени саяк Кетирекей уулу Алыбек, из племени солто Жангарач, Шорук бий, из племени саруу-кушчу Ажыбек и представители других родов и

племен, есть сведения, что от адигине и ичкиликов на курултае участвовал сам Алымбек датка.

Согласно кочевой традиции, во время курултая зарезали жертвенное животное, сивую кобылу, с благословением всевышнего. Повестка дня курултая не была известно всем, т.е. всех участников сразу поставили перед фактом. На повестке курултая ставился один единственный вопрос – избрания хана всех кыргызов от имени представителей племен и родов, и большая часть участников курултая оказалась в раздумьях. Тем не менее, Ормон-хан взял инициативу в свои руки и выступил с программной речью о том, что кыргызы оказались в тисках у могущественных соседей, стали объектом набегов со стороны казахов и кокандцев, что им необходимо объединиться, нужно прекратить междоусобные и межплеменные столкновения и т.д.

После выступления Ормон-хана, слово взял Жантай Карабек уулу, который предложил кандидатуру на трон хана самого Ормона, который отличался по своим физическим данным (его рост составлял 1.80 см) и организаторским талантом, решительной волей и хитростью от других манапов и биев. После этого все участники курултая согласились избрать его ханом, и согласно кочевой традиции, при возведении хана необходимо было провести некоторые ритуалы освящения, в частности, новоизбранный хан должен был трижды окунуть руки в ритуальную чашу, наполненной кровью черного барана, что означало то, кто ослушается и предаст хана, того ждет жестокая кара. Затем хана посадили на белую кошму, подняли его троекратно и три раза обошли вокруг юрты, после посадили на трон, покрытый шкурой тигра. Кроме того, все участники курултая дали клятву верности и послушания хану, сохранения мира между племенами и родами, готовности защищать свой народ от внешних врагов. После всех ритуалов самый старший и мудрый Калыгул Бай уулу благославил нового хана и весь кыргызский народ, чтобы жили в мире и покое. Согласно традиции, Ормон-хану было положено носить головной убор из чёрной мерлушки, поверх красного бархата, красная шапка – признак ханского достоинства, никто из числа манапов и биев не имел права носить красную шапку. По сведению Ч.Валиханова, в качестве атрибута ханской

власти были «знамя и золотая печать, золотая сабля» [6, с. 544]. Кроме того, хану полагались советники в числе которых были Калыгул Бай уулу, брат Төрөгелди, Жантай Карабек уулу, Шамен Куттуксейит дядя, Ормон-хана, из рода жетиген Медербек, готовить ханские указы и судебные дела возлагались Медербеку и Миңназару, решать межродовые и межплеменные споры поручили старшему брату хана Адыл баатыру, а также на советника Байсерке возлагались внешние связи, дела обороны и безопасности, а младшему брату хана Төрөгелди поручалась организация и управление войском, по всем актуальным вопросам они давали свои советы и предложения Ормон-хану.

По распоряжению Ормон-хана на основе обычного права издавали специальные указы во избежание родоплеменных столкновений, набегов (барымта) в целях грабежа и т.д., поскольку хан рассматривал их как источник всех бед межплеменных войн. По этому поводу известный кыргызский историк нач. XX в. Белек Солтоноев (1878-1938 гг.) сообщает, что «во времена Ормон-хана был введен штраф и наказания за барымта и убийство» [7, с. 285-290]. Причем эти штрафы были дифференцированы по степени тяжести преступления, так, суровое наказание понесли некоторые батыры Жантая за барымту. Кроме того, Ормон-хан наводил страх и ужас среди родов и племен, в народе это называлось «Ормон опуза», люди хана пускали слухи, что, благодаря ему (т.е. хану) и его силе и могуществу сдерживаются межродовые и племенные столкновения, в частности, когда бугинцы готовили нападения на племена солто, саруу, кушчу, последние, опасаясь нападения с их стороны, обратились к Ормон-хану с просьбой сдержать их.

Более того, Ормон-хан неформально выстраивал кровнородственные отношения с крупными родами и племенами, через сватовство (в данном случае, заключая браки своих близких родственников выдав замуж своих дочерей и сестер, женив своих сыновей, братьев, племянников), таким образом Ормон-хан пытался оказывать влияние на роды и племена. Хотя родоплеменная знать формально признавала верховенство хана, на деле своими родами и племенами продолжали самостоятельно управлять манапы и бии [8, с.30-41; 41-45].

Таковы были основные вехи управления Ормон-хана за десятилетие его ханствования, однако ему не удалось установить полный политический контроль над обществом, являющийся главным признаком централизации власти, кроме того, ему не удалось создать организацию и учреждение институционального характера как важный инструмент власти и как незаменимый элемент государства. Он был сыном своего народа и был пропитан духом родоплеменного мира, у него не было других представлений, он сам был рожден и являлся частью своего рода и племени, иначе не могло быть.

Нам следует подробно остановиться на причинах и факторах, в силу каких обстоятельств Ормон-хану не удалось объединить народ, что нужно было делать для решения насущных задач, которые обуславливали бы достижение цели. Попробуем в тезисной форме рассмотреть эти упущения, допущенные им.

Почему кыргызам не удалось восстановить ханскую власть? Во-первых, сам Ормон-хан не обладал ни опытом, ни знанием по управлению ханством, не знал, как укрепить отношения с соплеменниками без войн и междоусобиц, как выстраивать тактику и стратегию с могущественными соседями, чтобы избежать их вмешательства во внутренние дела ханства, чтобы не стать объектом вторжения или захвата со стороны соседей. Когда Чингис-хан спросил у своего советника Елюй Чуцай: «Что делать с этой огромной завоеванной территорией?», ответ советника был емким и красноречивым: «Можно конечно, сидя на коне завоевывать империю, но нельзя управлять ею сидя на коне». К сожалению, Ормон-хан не знал об этом высказывании советника Чингис-хана или у Ормон-хана не было такого мудрого советника как Елюй Чуцай.

Следует отметить, что априори Ормон-хан не мог восстановить ханство как института управления племенами, помимо вышесказанного, вместо того, чтобы объективно оценить ту историческую ситуацию, которая сложилась в самом кыргызском обществе и вокруг него на тот момент, он поддался субъективным факторам, таким как племенной эгоизм, жажда мести над племенами бугу, саяк и другими, которые не хотели признавать его власти над ними, не хотели отдавать ему свои лучшие пастбища, в конечном итоге, вместо рассудка возобладали эмоции,

несдержанность в действиях Ормон-хана, что в конечном итоге погубили не только самого хана, но, и, саму идею консолидации, хотя сомнительно, существовала ли такая идея на самом деле или ему диктовала просто жажда власти, захват новых пастбищ, скота и т.д. Во-первых, Ормон-хан не до конца понимал и не осознавал, что объединение родов и племен представляет собой архисложное дело, так как он не обладал ни аппаратом принуждения, ни юридическим правом для давления на манапов и биев, за неподчинение которых можно был подвергать репрессиям.

Существует прецедент в мировой истории, где объединительный процесс требует определенной подготовки и предпосылок, как субъективного, так и объективного характера, идея объединения должна охватить все прослойки общества, и конечно, необходимо наличие воли самих людей. Следовало было прежде всего выработать тактику и стратегию выстраивания отношений с родоправителями, и нужно было на первое место ставить идею консолидации, а потом только все остальное.

Во-вторых, понятно, что одним насилием и жестокостью по отношению к соплеменникам нельзя было решить проблему консолидации родов и племен, укрепления своей власти, подчинения поданных. В кочевом обществе испокон веков существовало пассивное сопротивление, если каган (хан) оказался тираном или поступал в тех или иных случаях вопреки кочевым традициям, когда каган нарушал порядок преемственности передачи власти, или проявлял чрезмерную жестокость по отношению к своим соплеменникам, в этом случае то или иное племя перекочевывало в другое место или уходило под покровительство другого племени.

Метод Ормон-хана (среди кыргызов был известен, как «Ормон опуза», т.е. «Ормонова угроза») по консолидации своих соплеменников оказался архаичным, примитивным и неэффективным, поскольку он не пытался в случае неудачи менять тактику и стратегию, выработать оптимальный вариант, основанный на здравом смысле, с перспективой развития в направлении от племени к этносу, становлению государственности.

В-третьих, в самом кочевом обществе центробежные силы (манапы, бии, родоначальники) продолжали оказывать сопротивление процессу консолидации общества то в пассивной, то в активной форме со своим племенным эгоизмом и сознанием, они предпочитали вести жалкое существование, кочуя из одного ущелья в другое, нежели объединиться в единый мощный кулак, таким образом организовано противостоять завоевателям, выступить как против ойратов, так и против кокандцев, цинов, казахов. И как верно отметил академик Б.Джамгерчинов именно «родоплеменная верхушка киргизского общества, отстаивавшей свою патриархально-родовую раздробленность, стала основными причинами межплеменных войн» [9, с. 10].

В-четвертых, как известно, идея консолидации родов и племен в единый этнос есть долгий исторический процесс, который определяет дальнейший путь развития общества, однако многие представители родоплеменной верхушки не осознавали необходимости такого объединения в силу их родоплеменной ограниченности, это не позволяло до конца понять эту необходимость, поскольку существовала реальная угроза ассимиляции со стороны более могущественных этносов.

В-пятых, многие родоправители и манапы все действия Ормон-хана по объединению родов и племен в единое ханство рассматривали как покушение на их собственность, на их свободу передвижения, на их пастбища, их скот, по существу они защищали патриархально-родовой строй со всеми отсюда вытекающими последствиями. Этим объясняется живучесть данного социума.

В-шестых, частые межродовые и межплеменные войны кыргызов объясняются тем, что многие родоправители стремились завладеть лучшими пастбищами и скотом как единственным источником дохода, пополнения своего богатства, за счет грабежа, угона скота (барымта), взятия в заложники жителей с целью выкупа и т.д. Нужно было понимать, что эпоха великих завоеваний кочевников закончилась ещё во времена Тамерлана (конец XIV в.).

В-седьмых, частые межродовые и межплеменные войны истощали как материальные, так и людские ресурсы, имели отрицательные последствия для кочевого общества, на их восстановление уходили годы, десятилетия, это при условии,

что общество находится в стабильном режиме, т.е. без войн и столкновений, когда хозяйственная деятельность и экономические отношения развиваются целенаправленно и т.д. Следует отметить, что у оседлых народов на восстановления хозяйственной жизни уходили также годы, но у них уровень развития сельского хозяйства и производительность сельскохозяйственных продуктов были гораздо выше чем у кочевников, они могли получать урожай с большим объемом, поддерживали ремесло и торговлю, у них была связь с рынком, они имели тесные торговые отношения с соседями и т.д.

Теперь закономерно возникает вопрос: почему ханство не трансформировалось в государство, т.е. даже при наличии некоторых элементов «раннего государства», оно не стало полноценным государством, в данном случае в политическом отношении, в том числе, как государствовоительство?

На этот вопрос следует ответить комплексно, поскольку однозначного ответа просто нет, думается, что сложность заключается в том, что многие аспекты номуадизма остаются спорными в силу недостаточности историко-культурных материалов, письменных источников, исторических сведений о тех или иных событиях, фактах и т.д. Тем не менее, мы попытаемся восполнить этот пробел, внести некоторые уточнения, касающиеся субъективных и объективных моментов, которые могли иметь положительные или отрицательные последствия, как бы обуславливающие дальнейший ход развития или распада общества, углубить наше знание кочевого общества, его особенностей, последствий в эволюционном развитии общества.

Специфика ханской власти заключается в том, что у хана не было собственных вооруженных сил, иначе говоря он не обладал аппаратом принуждения, чтобы подавить тех удельных князей, которые пытаются оспаривать его власть, хан был зависим от племенных ополчений, как правило, после походов племенные ополчения распускались, затем они занимались своими повседневными хозяйственными делами. Практически он лишался вооруженной опоры и ему без согласия племени не давали право проводить мероприятия, связанные с формированием ополчения. Более того, согласно обычному праву, хан не был уполномочен со-

вершать насилие над сородичами и соплеменниками, никем юридически не было утверждено право на насилие, никто не давал ему на это право.

Другой очень важный фактор, заключается в том, что прежде всего необходимо было менять сам принцип отношений между сородичами и соплеменниками, т.е. трансформироваться от родоплеменных отношений к территориальным отношениям, не связанных с кровнородственными связями, из этого вытекает другой уровень отношений, это может быть производственный либо этнический, либо социально-политический и какие-то другие иные формы.

В данном случае важно знать какие причины или факторы тормозили преобразование ханства в государство. Хотя некоторые элементы, возникшие в ходе становления ханства, кажутся на первый взгляд незначительными, однако они способствовали укреплению в совокупности всего общества, в том числе политической организации, её централизации и т.д., о чем мы ниже остановимся более подробно.

В советской историографии существовала марксистская парадигма, в которой указывалось, что до возникновения государства в обществе предшествовало наличие классов и классовой борьбы за передел собственности и власти, в конечном итоге, в этой борьбе победителем вышел класс эксплуататоров над эксплуатируемыми, который установил свое господство над всеми. Но данная парадигма не совсем вписывается в кочевое общество, поскольку оно основывалось на родоплеменных отношениях, ведение коллективного кочевого хозяйства, скот принадлежал патриархальным семьям, а пастбище роду. Так, на протяжении многих веков кочевое общество не знало, что такое эксплуатация человека человеком, что такое классовая борьба, что такое рента, кто такие «феоды», кто такие крестьяне и т.д. [10, с. 169].

Однако в процессе эволюционного развития общества, неважно кочевого или оседлого типа имеется ряд условий, без которых не происходит вызревания или качественного изменения общества без таких элементов как накопление (аккумуляция) и концентрация (сгущения), которые являются исходными, и которые в це-

лом, в перспективе приведут качественному изменению развития самого общества.

В результате накопления (аккумуляции) богатства движимого и недвижимого имущества появляются сословия торговцев, купцов, банкиров, ростовщиков, землевладельцев и других, а что касается концентрации (сгущения) населения появляются оседлые поселения, города, соответственно, необходимо ими управлять, поэтому создаются организации и учреждения институционального характера как важный инструмент централизации власти, «именно институционализация власти с правом применения насилие является важным инструментом по реализации централизации всех властных структур как в центре, так и на местах» [11, с. 69]. Таким образом, формируется центростремительная сила, в конечном итоге складываются предпосылки возникновения государства. При иных обстоятельствах, допустим, если не сложились важные компоненты или просто они отсутствовали как инструмент централизации власти, то государство может не сложиться либо оно становится сегментированным государством, которое находится в состоянии децентрализации или на стадии распада, так как кочевое общество не достигло такого уровня, когда родоплеменные институты не были полностью вытеснены либо они не были институционализированы.

Относительно причин и факторов, кроме выше перечисленных существует целый ряд элементов, без которых не всегда можно прийти к созданию государства и государственности. Дело в том, что со временем, в связи с радикальным изменением численности населения в сторону увеличения, те традиционные структурирования обществ, «взаимоотношения внутри самих кочевых сообществ и между собой стали неэффективными, множество изменившихся социумов столкнулось с проблемой поиска путей создания какого-то нового порядка организации обществ и новых форм контактов между ними» [12, с. 72-73]. Все это происходит в период разложения первобытного общества на всем евразийском пространстве.

В эволюционном развитии эти задачи решались различными обществами разными путями и не всегда успешно. Некоторые общества продолжали оставаться

ся в условиях жесткой консервации родоплеменных институтов и отношений, но в конечном счете данный путь оказался тупиковым, поскольку это зависело от общества, его способностью к трансформации, от направления развития, механизмы отбора, доминирования здравого смысла на ментальном уровне и т.д.

В социальной эволюции «алгоритм» изменения кочевого общества не был таким разнообразным и радикальным как у оседлого общества, которое активно занималось преобразованием окружающей среды в имперских масштабах, как ирригацией, распашкой целины, внесением удобрений и т.п., не говоря уже о строительстве городов, дорог, технологическом совершенствовании и т.д. В целом кочевники оставались приспособленными к природной среде, в большей степени были зависимы от неё.

Среди важных изменений в «алгоритме» социальной эволюции общества следует отметить «важные компоненты, которые сыграли важную роль в политогенезе, социогенезе, генезисе цивилизаций, этногенезе и т.п., а уже затем среди этих обозначившихся процессов стали выделяться и более узкие направления, каковыми были, например, процессы формирования государства» [13, с. 75-76].

Однако на пути формирования государства существует ряд необходимых условий, без которых невозможно трансформироваться на более высокий уровень, чтобы ханство преобразовалось в государство, было недостаточно наличия власти и управления, контроля со стороны власти населения на определенной территории ведущее кочевое хозяйство, и даже в том случае, когда покоренные народы платили внушительную дань завоевателям-кочевникам, награбленное богатство не меняло их образа жизни.

Отличие кочевого общества от оседлого заключается ещё в способности оседлых «к серьезным трансформациям нежели скотоводческие общества. Увеличение способности обществ к изменениям свидетельствует главным отличием социальной эволюции от биологической и способности социальных организмов трансформироваться сознательно и с определенной целью» [14, с. 73].

В период становления и развития кочевого общества, в недрах которого происходит накопление /ресурсов/ или аккумуляция неких качеств и благ, при

определенных условиях накопление продолжается, и данное общество обязательно переходит к концентрации /населения/. В конечном итоге, она неизбежно будет влиять на структуру кочевого общества, прямо или косвенно обеспечивая его, т.е. направляя общество на переструктуризацию, в том числе, на уровне социогенеза и политогенеза, на этногенез, на торговлю и войны, на культурно-религиозные контакты, и ведет не только к внутренним изменениям, но и нередко может способствовать процессу укрупнения обществ.

Однако в кочевом обществе интенсивность накопления сильно колебалась, так как она зависела от природной среды и направленности типов хозяйств, плотности контактов с окружающим обществом, степени оседлости или не оседлости. Очень важно отметить, что «накопление одних качеств вело за собой изменение других, что процессы перетекали друг в друга и видоизменяли один другой. Кроме того, в обществах накапливались не только материальные блага и ресурсы, а также информация, но и социальные характеристики и качества: власть, престиж, родовитость, этничность и многое другое» [15, с. 76].

Аккумуляция ресурсов означает, прежде всего, что началось относительно регулярное производство прибавочного продукта, далее накопление ресурсов переходит в накопление богатства.

Без накопления обычных и престижных благ никаких процессов качественного развития общества не могло быть. Когда возможности накопления (концентрации) ресурсов становились исключительно большими, возникал особый эффект быстрых качественных изменений (к примеру, в обществах речных долин Ближнего Востока).

Наряду с накоплением ресурсов накапливаются профессиональные навыки и знания у ремесленников, торговцев, происходит накопление военного мастерства, с помощью которого эти ресурсы присваивались. С возникновением рода, накапливались родовитость и знатность, с увеличением его значения, развитием культа предков этот процесс становился одним из важнейших.

В обществах, где появляется престижная экономика, начинают накапливаться престиж и, соответственно, статус, в данном случае, одна сторона накопления

влекла за собой другую. Так, накопления одних способствовали накоплению прав, преимуществ и привилегий, что в конечном итоге приводило к накоплению социального неравенства. Таким образом, постепенно создавался фундамент будущих институционализированных и идеологически оправданных новых форм неравенства.

Таким образом, Ормон-хан пытался консолидировать кыргызов в единый этнос и создать ханство по примеру соседей, и на протяжении 10 лет он ханствовал, согласно обычному праву его провозгласили ханом на курултае, где приняли символы ханства, различные указы, связанные с прекращением межродовых и межплеменных столкновений и т.д. Однако ему не удалось установить полный политический контроль над всеми родами и племенами по ряду причин как субъективного, так и объективного характера. Меры, предпринятые Ормон-ханом по консолидации кочевого общества, оказались архаичными, во многом они были направлены на усиление собственной власти.

Само кочевое общество не было готово к кардинальным изменениям, поскольку, как мы выше отмечали, оно не нуждалось в государственном строительстве и в консолидации. Кроме того, в самом обществе не было социальных групп или «элиты», которые были бы заинтересованы в консолидации общества. Тем более, если учесть, что такой группы в обществе вовсе не создавалось, ибо для этого необходимо формирование в обществе сословий ремесленников, торговцев, купцов, администраторов и т.д.

Список литературы:

1. Джуманалиев Т.Д. Политика кочевых обществ: эволюция, организация и структура управления. - Бишкек, 2024.
2. Бакирова А.М. Роль институтов биев как органа по регулированию и разрешению конфликтов правового характера. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского. – 2019. – Т.5 (71), № 4.
3. Джуманалиев Т. Политическая борьба в Могульском государстве в XVII-нач. XVIII веков. – Бишкек, 2004.

4. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. – Алматы, 2001.
5. Думан Л.И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. – М.; Л., 1936.
6. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в 5-и томах. Т. 1. – Алма-Ата.
7. Солтоноев Б. Кыргыз тарыхы: тарыхый очерктер. 1-китеп. – Бишкек, 1993; Кыргыз тарыхы. – Бишкек, 2003.
8. Усенбаев К. Ормон-хан. – Бишкек, – Б. 30-41; Ормон-хан в научных трудах и архивных материалах. – Бишкек, 2002.
9. Джамгерчинов Б. Киргизы в эпоху Ормон-хана // Труды ИЯЛИ. Вып. 1. – Фрунзе, 1944. –
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 21.
11. Гринин Л.Е. Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ. – М., 2012.
12. Гринин Л.Е. Там же.
13. Гринин Л.Е. Указ. работа.
14. Гринин Л.Е. Указ. работа.

Сведения об авторе: Джуманалиев Тынчболот Дадыевич, доктор исторических наук, профессор, факультета Международных отношений и Востоковедения, КНУ им. Ж.Баласагына. Кыргызская республика, г. Бишкек. Моб. тел.: 0700 465 549; WhatsApp: 0700 465 549; E-mail: tynchbolotdj@mail.ru

УДК 930.1

Ибраева Г. Б.

Казахский Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Астана (Казахстан)

Ibrayeva G.B.

L.N. Gumilyov Kazakh Eurasian National University, Astana (Kazakhstan)

РОЛЬ САКЕНА СЕЙФУЛЛИНА В УКРЕПЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ КЫРГЫЗСТАНА И КАЗАХСТАНА В 20-30- ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация: Статья посвящена анализу литературного и культурного взаимодействия между казахским и кыргызским народами в изучении эпического наследия кыргызского эпоса «Манас» и его восприятие в трудах Сакена Сейфуллина. Через призму историко-литературного анализа рассматриваются формы и механизмы культурных контактов, проявившихся в 1930-е годы. Центральным событием, ставшим отправной точкой исследования, является заседание в городе Фрунзе в 1935 году, где была создана редакционная комиссия по подготовке кыргызского эпоса «Манас» к изданию и переводу на русский язык. С. Сейфуллин, наряду с другими казахскими деятелями — Санжаром Асфандияровым и Габбасом Тогжановым, вошёл в состав этой комиссии. Это участие подтверждает высокий уровень признания «Манаса» как культурной ценности, выходящей за рамки одной национальной традиции. В работе также рассматриваются собственные произведения Сейфуллина, вошедшие в орбиту международных литературных связей. Его поэма «Қызыл ат», переведённая на кыргызский язык и изданная в 1935 году в Фрунзе, стала важным вкладом в укрепление литературного диалога между двумя народами. Произведение не только оказало влияние на кыргызскую поэзию того времени, но и было включено в школьную программу, что говорит о его значимости для культурного формирования нового поколения людей тогдашнего общества. Особое внимание уделено автобиографической повести Сейфуллина «Тар жол, тайғақ кешу», переведённой на кыргызский язык в 1968 году. Произведение рассматривается как историко-документальная эпопея, способствующая формированию общего

исторического сознания и укреплению межнациональных связей. Кроме того, в статье приводится сравнительный анализ взглядов Мухтара Ауэзова и Касыма Тыныстанова на эпос «Манас», его структуру, язык и значение для формирования национальной идентичности. Сравнение с казахскими эпосами, такими как «Қобыланды батыр», помогает выявить общие черты тюркской эпической традиции. Исследование подчёркивает важность эпоса как средства сохранения культурной памяти, духовного единства и как инструмента литературного диалога между народами. Статья может быть полезной для литературоведов, историков, филологов, студентов, а также всех, кто интересуется древнейшими эпическими традициями и историей казахско-кыргызских культурно-исторических связей.

Ключевые слова: Сакен Сейфуллин, эпос «Манас», кыргызская литература, казахская литература, культурное взаимодействие, историко-литературная преемственность, тюркская эпическая традиция

THE ROLE OF SAKEN SEIFULLIN IN STRENGTHENING LITERARY TIES BETWEEN KYRGYZSTAN AND KAZAKHSTAN IN THE 1920S–30S

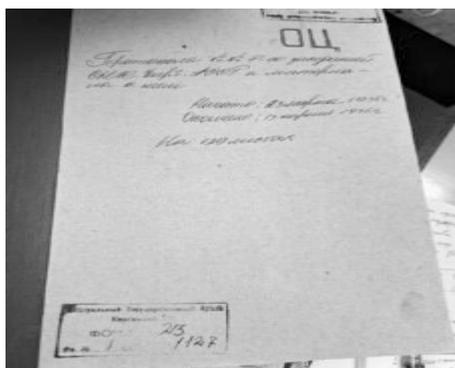
Abstract: This article is dedicated to analyzing the literary and cultural interaction between the Kazakh and Kyrgyz peoples through the study of the epic heritage of the Kyrgyz epic *Manas* and its reception in the works of Saken Seifullin. Through a historical-literary analysis, the article explores the forms and mechanisms of cultural contact that emerged during the 1930s. The central event serving as the starting point of this study is the 1935 meeting in the city of Frunze, where an editorial commission was formed to prepare *Manas* for publication and translation into Russian. Seifullin, along with other Kazakh intellectuals such as Sanzhar Asfandiyarov and Gabbas Togzhanov, became a member of this commission. His involvement confirms the recognition of *Manas* as a cultural treasure extending beyond a single national tradition. The article also examines Seifullin's own literary works that became part of the orbit of international literary relations. His poem *Kyzyl At (Red Horse)*, translated into Kyrgyz and published in Frunze in 1935, made a significant contribution to the strengthening of literary dialogue between the two nations. The work not only influ-

enced Kyrgyz poetry of that time but was also included in school curricula, highlighting its importance in shaping the cultural awareness of a new generation. Particular attention is paid to Seifullin's autobiographical novel *Tar Zhol, Taygak Keshu (The Thorny Path)*, which was translated into Kyrgyz in 1968. This work is viewed as a historical-documentary epic that contributes to the formation of a shared historical consciousness and the reinforcement of interethnic ties. Furthermore, the article presents a comparative analysis of the views of Mukhtar Auezov and Kasym Tynystanov on the *Manas* epic—its structure, language, and role in shaping national identity. A comparison with Kazakh epics such as *Koblandy Batyr* reveals common features of the Turkic epic tradition. The study emphasizes the importance of epic literature as a means of preserving cultural memory, fostering spiritual unity, and serving as a tool for literary dialogue between nations. This article may be of interest to literary scholars, historians, philologists, students, and all those interested in ancient epic traditions and the history of Kazakh-Kyrgyz cultural and historical relations.

Keywords: Saken Seifullin, *Manas* epic, Kyrgyz literature, Kazakh literature, cultural interaction, historical-literary continuity, Turkic epic tradition

Эпические произведения играют важнейшую роль в формировании исторической памяти и культурной идентичности тюркских народов. Одним из величайших эпосов в мирового уровня - киргизский эпос «Манас», который отражает истинную суть героического прошлого народа, его стремление к свободе и независимости. Сакен Сейфуллин, как литератор и как государственный деятель широкого масштаба, не мог не обратить внимание на поистине историческое значение киргизского эпоса Манас и, особенно, в деле укрепления интеграционного процесса и усиления контактов между учеными, историками и литераторами двух республик, в условиях сложного развития общества. Естественно, благоприятное отношение С. Сейфуллина к эпическому произведению Манас представляет особый интерес с точки зрения укрепления духовных связей между казахским и кыргызским народами.

В 1930-е годы происходили в стране известные политические, социальные трансформаций. В этих условиях обращение представителей национальной интеллигенции к вопросам духовного единства и попытка сохранения их совместными усилиями, как нельзя лучше отвечало интересам наших народов. Это понимали наиболее прогрессивные и прозорливые представители наших народов. В 1935 году в городе Фрунзе было проведено собрание, на котором была создана редакционная комиссия по подготовке киргизского эпоса «Манас» к изданию и переводу на русский язык. В состав комиссии вошли как кыргызские, так и казахские деятели культуры, среди которых были профессор Санжар Асфандияров, писатель Габбас Тогжанов и профессор Сакен Сейфуллин. Это свидетельствует о межнациональном культурном сотрудничестве и признании ценности «Манаса» для всего тюркского мира



[1,23].

С. Сейфуллин в своем фундаментальном труде «Әдебиет тарихы» (История литературы), подробно анализирует кыргызские эпосы, в первую очередь, «Манас» [2,234]. В частности, он писал о талантливых жыршы, которые могли в течение целого месяца декламировать эпос без остановки. С. Сейфуллина с глубоким уважением относился к устной поэтической традиции всех народов Средней Азии., как инструмента интеграции и сохранения национальной идентичности в условиях реалии того времени. Следует отметить также, что его поэма «Қызыл ат» была опубликована на кыргызском языке в 1935 году в городе Фрунзе. Это произведение стало одним из первых примеров успешного культурного диалога между казахской и кыргызской литературами. Поэма оказала определенное влияние на кыргызскую литеатурную жизнь того времени и была включена в образовательную программу [3, с 35].



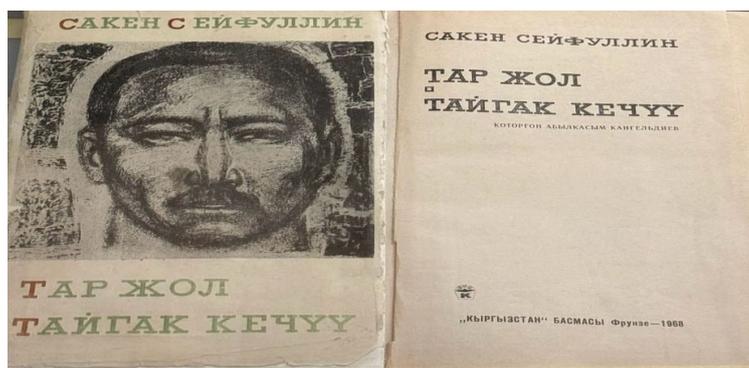
Поэма Сакена Сейфуллина «*Кызыл ат*» (в переводе — *Красный конь*) занимает особое место в истории казахской литературы. Это произведение не только отражает важнейшие исторические события начала XX века, но и раскрывает политические и идеологические взгляды автора, активно поддерживавшего Октябрьскую революцию и советскую власть. Поэма была написана в 1922 году, в период после окончания Гражданской войны в России и активной борьбы Советской власти за установление нового общественного строя в национальных окраинах, включая Казахстан. После Октябрьской революции 1917 года началась Гражданская война, в которой большевики боролись против Белого движения и других антисоветских сил. Казахстан, как часть бывшей Российской империи, стал ареной ожесточённой борьбы. Сейфуллин сам пережил арест и угрозу расстрела со стороны Колчака, что нашло отражение в его творчестве. Кызыл ат (Красный конь) — это символ революции. В казахской культуре лошадь всегда имела сакральное значение, ассоциировалась со свободой, движением, мужской доблестью. В поэме Сейфуллин превращает эту традиционную метафору в революционную: Кызыл ат — это образ стремительной, неудержимой революционной силы. Поэма написана в духе романтизма. Автор использует образы и аллегории, чтобы показать столкновение старого и нового миров:

Старый мир — это угнетённые народы, феодалы, ханская власть, колониальное прошлое.

Новый мир — это пролетарская революция, свобода, социализм. Сейфуллин изображает Революцию как акт очищения, справедливости,

жертвы во имя будущего. Сейфуллин использует **яркий, экспрессивный стиль**, насыщенный образами, метафорами и символами. В поэме много риторических вопросов, восклицаний, эмоционального накала. Это придаёт произведению эпическую и трагическую силу. Литературное значение поэмы: «Кызыл ат» стал образцом революционной поэзии в казахской литературе. Историческое значение поэмы: отражает не только личный опыт Сейфуллина, но и общий путь казахского народа в бурные годы революции. Идеологическое значение поэмы: служила инструментом пропаганды новой власти.

Благодаря живому языку и революционной тематике, «Кызыл ат» воспринимался как произведение, близкое и понятное кыргызскому обществу в условиях строительства нового, что свидетельствует о межнациональной общности идей и форм художественного выражения.



Одним из самых значимых произведений Сакена Сейфуллина является автобиографическая повесть «Тар жол, тайгак кешу», в которой автор описывает события революционных лет в Казахстане. Позже, в 1968 году книга была переведена на кыргызский язык Абылкасымом Хангельдиевым и получила широкое признание. Она стала не только литературным, но и историческим источником, особенно важным для кыргызских читателей, стремящихся понять судьбы братского народа [4, с 483]. Стиль и содержание произведения способствовали укреплению межнационального взаимопонимания, поскольку в нём затронуты универсальные темы борьбы, справедливости и национального самосознания. Книга переданная Ш. Бейтеналиевым в Музей С. Сейфуллина в 1997 году.

Мухтар Ауэзов и Касым Тыныстанов, безусловно, внесли значительный вклад в исследование эпоса «Манас». В своих трудах они подчеркивали его художественную и историческую значимость, отмечая его уникальность среди эпических произведений тюркских народов [6, с 8]. М. Ауэзов рассматривал «Манас» как национальную энциклопедию, где отражены представления народа о героизме, нравственности, единстве. Сравнительный анализ «Манаса» и казахских эпосов, таких как «Қобыланды батыр» и «Алпамыс», позволяет выявить как некоторые общие мотивы, так и культурные особенности каждого народа.

Таким образом, участие Сакена Сейфуллина в изучении и популяризации кыргызского эпоса «Манас» отражает высокий уровень культурного диалога между казахским и кыргызским народами. Его работы, переводы, а также научные труды других казахских исследователей способствовали сохранению и признанию эпического наследия. Эти усилия укрепили чувство духовной общности, которое и сегодня служит основой для дальнейшего углубления межкультурного взаимодействия в Центральной Азии.

Список литературы:

1. Центральный архив Кыргызской Республики. Фонд 23, Опись 1, Дело 1127. Протокол №10 от 9 апреля 1935 года.
2. Сейфуллин С. История литературы. — Алматы: Казгосиздат, 1932., 234с.
3. Сейфуллин С. Қызыл ат //Красный конь. — Фрунзе, 1935, 35с
4. Сейфуллин С. Тар жол тайгак кечүү//Трудный путь. Перевод А. Хангельдиева. — Бишкек: Кыргызстан, 1968,483 с.
5. Ауэзов М. История казахской литературы. — Алматы: Наука, 1961.
6. Жиреншин А. Сакен Сейфуллин. — Алматы: Казахстан, 1968.
7. Тыныстанов К. Исследования о сказании «Манас». — Бишкек: Илим, 1936.
8. Кобыратбаев А. Казахский эпос и история. — Алматы: Санат, 1994.

Сведения об авторе: Ибраева Гульназия Болатовна – PhD-докторант 1-го курса образовательной программы «История» Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, д. 11, ул. Пушкина, 010008 город Астана, Республика Казахстан., gulnaz_0976@mail.ru, Тел: [+7 707 863 3262](tel:+77078633262)

УДК 930.1

Ибраева Г.Б.

Казахский Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Астана (Казахстан)

Ibrayeva G.B.

L.N. Gumilyov Kazakh Eurasian National University, Astana (Kazakhstan)

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИГУРА С. СЕЙФУЛЛИНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ
КАЗАХСТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ**

Аннотация: В представленной статье исследуется историческая фигура Сакена Сейфуллина — одного из наиболее ярких представителей казахской интеллигенции начала XX века, сквозь призму казахстанской историографии периода независимости. Автор ставит перед собой цель объективной оценки роли и вклада Сейфуллина в становление государственности, системы образования, культуры, а также просветительских и политических институтов в Казахстане в 1920–1930-х годах. Исследование актуально в свете продолжающегося процесса переосмысления исторических событий и личностей в условиях суверенного развития страны. В работе подчёркивается, что личность С. Сейфуллина отражает сложность и многогранность исторической эпохи, в которой он жил. Он был не только политическим деятелем, государственным служащим и организатором народного хозяйства, но и выдающимся писателем, мыслителем, просветителем. Сейфуллин активно участвовал в формировании новой советской государственности, в частности, в деятельности Казахской Автономной Республики в 1920–1924 годах. На основе архивных материалов и документальных источников реконструируются неизвестные ранее страницы его жизни. Отмеча-

ется, что его репрессии в 1938 году стали частью трагедии казахской интеллигенции. Статья подчёркивает значимость объективного подхода в изучении исторических личностей и необходимость воспитания нового поколения на примерах таких деятелей, как Сакен Сейфуллин, чьё наследие остаётся актуальным и сегодня.

Ключевые слова: Сакен Сейфуллин, казахская историография, независимость, интеллигенция, культура, образование, репрессии, тюркское наследие, социализм, просвещение.

THE HISTORICAL FIGURE OF S. SEIFULLIN THROUGH THE LENS OF KAZAKHSTANI HISTORIOGRAPHY IN THE INDEPENDENCE PERIOD

Annotation: The article examines the historical figure of Saken Seifullin, one of the most prominent representatives of the Kazakh intelligentsia of the early 20th century, through the prism of Kazakh historiography of the independence period. The author aims at an objective assessment of Seifullin's role and contribution to the formation of statehood, education, culture, as well as educational and political institutions in Kazakhstan in the 1920s and 1930s. The study is relevant in the light of the ongoing process of rethinking historical events and personalities in the context of the sovereign development of the country. The work emphasizes that Seifullin's personality reflects the complexity and versatility of the historical era in which he lived. He was not only a politician, civil servant, and organizer of the national economy, but also an outstanding writer, thinker, and educator. Seifullin actively participated in the formation of the new Soviet statehood, in particular, in the activities of the Kazakh Autonomous Republic in 1920-1924. Previously unknown pages of his life are being reconstructed on the basis of archival materials and documentary sources. It is noted that his repressions in 1938 became part of the tragedy of the Kazakh intelligentsia. The article highlights the importance of an objective approach in the study of historical figures and the need to educate a new generation based on the examples of figures such as Saken Seifullin, whose legacy remains relevant today.

Keywords: Saken Seifullin, Kazakh historiography, independence, intelligentsia, culture, education, repression, Turkic heritage, socialism, enlightenment.

Объективная оценка роли исторических личностей казахского общества в 20-30-е годы XX века является одной из важнейших задач исторической науки Казахстана. В этот период важно определить вклад государственного и общественного деятеля С. Сейфуллина в формирование государственности, системы управления, экономики, образования и культурно-просветительных учреждений. С. Сейфуллин, как сложная личность, наглядно демонстрирует процесс формирования новой государственности. Анализ некоторых аспектов его политической и просветительской деятельности, а также его вклада в развитие культуры и образования поможет понять особенности развития республики в условиях становления тоталитарного режима. После обретения независимости некоторые аспекты жизни и творческой деятельности С. Сейфуллина стали объектами исследований. Однако отсутствие глубоких аналитических исследований его научно-творческой жизни, особенно в контексте его роли в системе образования и культурно-просветительных учреждений, породило разнообразные и противоречивые мнения. В современных условиях развития исторической науки Казахстана необходимо активизировать положительные тенденции в изучении роли личности, в связи с чем наследие С. Сейфуллина, его роль и практическая деятельность в становлении науки и просвещения в сложный период нашей истории являются бесспорными.

Прославление исторических личностей – это осмысление выбора и методов исторического опыта, отбор преемственности исторических течений, продолжение гармонии поколений. Определение места личности в русле истории – это, прежде всего, оценка жизненного пути выдающихся деятелей страны, чьи действия, проявленные в сложных исторических обстоятельствах, стали образцом благодаря их творческому труду, стойкости и выдающемуся примеру. Сколько бы мы ни говорили о благих делах, совершённых нашими предками на пути к независимости, – этого всегда будет недостаточно. Каждая историческая личность внесла свой вклад в тысячелетнюю историю и оставила потомкам ценное наследие. Мы склоняем головы перед нашими предками, отдавшими свою жизнь за свободу

Родины, и отдаем им дань уважения. Академик М.Козыбаев в своей статье «Ғасыр қасіретін арқалаған арыстар» */Деятели, понёсшие скорбь века/* отмечает, что наличие дискуссий вокруг исторического прошлого закономерно, но при этом подчёркивает, что среди исследователей до сих пор преобладает односторонний, полярный подход, а также поверхностные, недостаточно обоснованные суждения [1, с. 2]. Он пишет: «Можно ли утверждать, что политика, проводимая от начала до конца "Алашордой", была правильной, а политика Сакена – ошибочной? Безусловно, стратегический реформаторский курс "Алаша" был верен, и история это доказала. Но того времени оказалось недостаточно, чтобы его реализовать. Были случаи, когда "алашевцы" не смогли принять тактические решения, соответствующие интересам народа.

Сейфуллин и Майлин во времена НЭПа, когда началось восстановление народного хозяйства, численность скота удвоилась, а народ начал осваивать грамоту, увидели силу кооперативного социализма и воспевали его. Социализм, за который боролся Сейфуллин – это "Новая Атлантида" Ф. Бэкона, "Город Солнца" Т. Кампанеллы, "Жерұйық" Асан Қайғы, общество справедливости, равенства и свободы, о котором мечтали Маркс и Энгельс. А если социализм, к которому стремился Сакен, оказался не таким, разве можно сегодня вновь обвинить его, Бейимбета и других, безвинно расстрелянных, как будто во второй раз?».

Таким образом, он призывает исследователей к объективному и справедливому анализу. Сейфуллин не всегда слепо поддерживал советскую систему. Он был одним из немногих, кто открыто выступал против голощекинской политики. Сегодня выходит множество трудов, анализирующих трагические события 1920–1930-х годов и коварную советскую политику. В совместном исследовании учёных М. Козыбаева, К. Алдажуманова и Ж. Абылгожина научно обоснованно раскрывается социальная реальность эпохи, в которой жил С.Сейфуллин.

На основе этого труда можно проследить взгляды и позиции Сейфуллина по отношению к принудительной коллективизации в Казахстане [2, с.36]. В годы

независимости такие учёные, как С. Кирабаев и Т. Кәкішев, внесли новые концептуальные подходы к оценке исторической роли и общественного облика Сейфуллина [4, с.45]. Известный учёный З.О. Дукенбаева в своей работе *«История казахской творческой интеллигенции (1917–1941 гг.)»* подчёркивает, что в начале XX века многие представители движения «Алаш» стали образцом героизма на пути к независимости, проявив высокие личностные качества [3, с. 22]. Дополнительно представлены документы, связанные с деятельностью С.Сейфуллина как руководителя Казахского правительства, а также его высказывания и статьи. Эти материалы позволили глубже раскрыть его общественную деятельность. Исследователь Д. Махат раскрывает причины обвинений казахских деятелей. Он оценивает Сейфуллина как фигуру, способную адаптироваться к переменам, отличать чёрное от белого, и быть верным собственным убеждениям.

В документальной работе А. Какенова *«Путь Сакена»* (2016) рассматриваются материалы НКВД, включая обвинительное заключение и приговор. В своих предыдущих трудах (1996, 2008, 2009) автор раскрыл новые грани жизни и деятельности Сейфуллина, подкрепляя это фактами из архивов [6, с.16].

Книга *«Сахара сұңқары»* из серии *«Великие личности»*, отредактированная Т. Кәкішевым, ценна тем, что включает избранные статьи, исследования, воспоминания Сакена, хронологические и библиографические указатели его работ [5, с.406].

Идеи в произведениях великих мыслителей Средневековья (аль-Фараби, Ахмед Яссауи, Махмуд Кашгари, Жусуп Баласагуни), расширили содержание национального воспитания, став основой патриотического и нравственного формирования молодёжи. Эти идеи были продолжены в XIX веке просветителями Ы. Алтынсариним, Ш. Уалихановым, А. Кунанбаевым. Эти идеи позже были развиты деятелями движения «Алаш», такими как А. Байтұрсынов, М. Жұмабаев, Ж. Аймауытов, М. Дулатов, Ә. Бөкейханов, Х. Досмұхамедов и др., которые дополнили содержание школьного образования национальными ценностями. 1920–1930-е годы остались в истории казахского народа как тра-

гичный, но значимый период. Многие казахские интеллигенты, внёсшие огромный вклад в науку, культуру и образование, стали жертвами сталинского тоталитарного режима. Период 1920–1930-х годов – это одно из самых сложных и значимых этапов борьбы за будущее казахской нации. Интеллигенция, объединившая личные интересы с интересами нации, встала во главе этой борьбы. Если в начале века движение возглавляли А. Байтұрсынов, Ә. Бөкейханов, М. Дулатов, то позже к ним присоединились С. Сейфуллин, Т. Рыскулов, С. Садуақасов, С. Қожанов, Ж. Мыңбаев, А. Асылбеков и др., проявив себя как общественные и политические деятели, стремящиеся вывести казахский народ на уровень цивилизованных стран. Однако реализация этих благородных целей была остановлена репрессиями сталинской эпохи. Несмотря на посмертную реабилитацию после XX съезда КПСС, политическая система не позволяла дать им полную историческую оценку.

С обретением независимости в казахстанской историографии начался новый этап переосмысления и оценки исторических личностей. Так, в трудах историка М.О. Әбсеметова, исследующего деятельность С.Сейфуллина как организатора народного хозяйства, борца с голощекинской политикой, его деятельность в Оренбурге проанализирована на основе архивных документов. Государственная служба /премьер министр/Сейфуллина в 1920–1924 гг. была неотъемлемой частью политико-экономического, социального и культурного развития Казахской Автономной Республики. Исследование этого периода позволяет глубже понять общественно-политические изменения в Казахстане 1920–1930-х годов.

В своей политической и общественной деятельности Сейфуллин выступал за равенство и сплоченность народов Советского Союза, включая киргизский народ. Он подчеркивал необходимость единства в борьбе с царским режимом и в социалистическом строительстве. Сейфуллин интересовался культурой и фольклором тюркских народов, включая кыргызо. Его произведения, такие как роман «Терный путь» [8,с.121], поэмы "Кокшетау", "Разлучённые лебеди", "Песнь о кречете-лашине", были переведены на киргизский язык, что свиде-

тельствует о культурном обмене между народами. Формирование всесторонне развитой личности всегда рассматривалось как важнейшее звено будущего общественного устройства. Весь исторический опыт человечества находит отражение в процессе воспитания. Передача лучших традиций прошлого, продолжение духовного наследия обеспечивают преемственность поколений, без которой невозможен прогресс общества. Сегодня, в условиях обновления духовных ценностей, открываются широкие возможности для использования богатого воспитательного наследия прошлого в целях формирования будущего поколения. Одним из ключевых качеств лидеров, приведших народ к цивилизационному развитию в начале XX века, была их универсальность – политическая активность, патриотизм, научная и творческая деятельность, профессионализм. Это и есть выдающееся наследие нации. Как и многие киргизские интеллектуалы, Сейфуллин стал жертвой сталинских репрессий. В 1938 году он был расстрелян, а его произведения запрещены. Эта трагическая страница истории объединяет судьбы представителей обоих народов.

В целом формирование всесторонне развитой личности всегда рассматривалось как важнейшее звено в построении будущего общества. Весь опыт, накопленный человеком за многовековую историю развития человечества, проникает в содержание воспитательного процесса. Идет историческая тенденция преемственности поколений через погружение в опыт прошлого, продолжение передового нравственного духовного наследия. Без такой тенденции общество не может достичь уровня цивилизованных стран. В настоящее время в результате переосмысления человеческих ценностей, которые развивались в духовной сфере, рождается время, которое накопилось на протяжении веков и способствовало воспитанию будущих поколений богатого наследия, дошедшего до нас из истории прошлого. Главное достоинство лидеров начала XX века, которые тащили беззаботное население на подъемы цивилизации, было то, что у них были разносторонние «восьмиугольные, однобокие» личности, какие бы они ни были. Плеяда этих грозных звезд, которые стали политическими борцами, страстными

патриотами, учеными, обладателями священного искусства и знатоками своих профессий.

Список литературы:

1. Козыбаев М.К. Ғасыр қасіретін арқалаған арыстар. Егемен Қазақстан. – 1994. 12 августа.
2. Козыбаев М.К., Алдажуманов Қ.С., Абылхожин Ж.Б. Принудительная коллективизация в Казахстане: унижение и насилие. Алматы: 1992. – 36 с.
3. Дукенбаева З.О. История казахской творческой интеллигенции (1917–1941). – Алматы: ҒЫЛЫМ, 2003 г. 330 стр.
4. Кирабаев С. Сочинения, том 1, 1991 год, – стр. 45, 446 стр.
5. Какишев Т. Сахара сұңқары (Посвящается государственному и общественному деятелю, лидеру новой казахской литературы Сакену Сейфуллину). Алматы: 2004. – 406 с.
6. Какен А. Сәкен жолы. Документальные записи. Астана. 2016 – стр. 16, всего: 165 стр.
7. Абсеметов М. Сакен Сейфуллин Председатель Совета Народных Комиссаров Казахстана (г. Оренбург, 1922-1924 гг.). Астана: 2006. - 416 с.
8. С.Сейфуллин. Тар жол, тайғақ кечуу. «Тернистый путь» на кыргызском языке. 1968г.

Сведения об авторе:

Ибраева Гульназия Болатовна – PhD-докторант 1-го курса образовательной программы «История» Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, д. 11, ул. Пушкина, 010008 город Астана, Республика Казахстан., gulnaz_0976@mail.ru, Тел: [+7 707 863 3262](tel:+77078633262)

УДК:4 940.5:958:327.7

Иманалиева А.С.

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек
(Кыргызстан)

Imanalieva A.S.

Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

РОЛЬ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ В ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Аннотация : В статье исследуется ключевая роль Великого Шелкового пути в историческом развитии тюркских народов Евразии, подчеркивается его важность как торгового, культурного и политического моста между Востоком и Западом. В статье анализируется, как контроль над караванными путями способствовал экономическому процветанию и политическому укреплению тюркских государств, включая Тюркский каганат, Уйгурский каганат и Кыргызское великожержавие. Особое внимание уделяется посреднической роли тюркских народов в торговле шелком, специями и ювелирными изделиями, что усилило их влияние в регионе. Также в статье исследуется культурный обмен, стимулированный Великим Шелковым путем, включая распространение буддизма, ислама и языковых традиций, а также их взаимодействие с китайской, персидской и другими цивилизациями. В статье рассматриваются процессы урбанизации, развития ремесел и формирования полиэтнических обществ в таких тюркских городах, как Самарканд и Бухара. В заключение подчеркивается, что Великий Шелковый путь стал катализатором интеграции тюркских народов в глобальные исторические процессы, определив их уникальную роль в истории Евразии.

Ключевые слова: Шелковый путь, тюркские народы, торговля, культура, цивилизации, конфидент.

THE ROLE OF THE GREAT SILK ROAD IN THE HISTORY OF THE TURKIC PEOPLES OF EURASIA

Annotation: The article examines the key role of Great Silk Road in the historical development of the Turkic peoples of Eurasia, emphasizing its importance as a commercial, cultural and political bridge between East and West. The article analyzes how control over the caravan routes contributed to the economic prosperity and political strengthening of the Turkic states, including the Turkic Khaganate, the Uighur Khaganate and the Kyrgyz The Great Power. Special attention is paid to the intermediary role of the Turkic peoples in the trade of silk, spices and jewelry, which increased their influence in the region. The article also explores the cultural exchange stimulated by the Great Silk Road, including the spread of Buddhism, Islam, and linguistic traditions, as well as their interaction with Chinese, Persian, and other civilizations. The article examines the processes of urbanization, the development of crafts and the formation of multiethnic societies in such Turkic cities as Samarkand and Bukhara. In conclusion, it is emphasized that the Great Silk Road became a catalyst for the integration of the Turkic peoples into global historical processes, defining their unique role in the history of Eurasia

Keywords: the Great Silk Road, Turkic peoples, trade, culture, civilization, confidant.

Великий Шёлковый путь, проложенный во II веке до нашей эры, был создан на основе уже существовавших караванных дорог, таких как степной, нефритовый, великий лазуритовый путь и соболья дорога, и стал важным торговым маршрутом, связывавшим Восточную Азию со Средиземноморьем, способствуя культурному обмену и развитию цивилизаций; его зарождение связано с инициативами императоров династии Хань Древнего Китая [1].

Чжан Цянь, дипломат - confident китайской империи Хань II века до н.э., открыл для китайцев страны Центральной Азии, отправившись туда с дипломатической миссией. Вернувшись в Китай в 126 году до н. э., он представил императору У-ди подробный отчет о западных странах, их культурных особенностях и торговых возможностях, что принесло Китаю ценные сведения о регионах Центральной Азии и способствовало развитию

торговли по будущему Великому шелковому пути, даже несмотря на неудачу в установлении союза с юэчжи против хуннов.

Он отметил востребованность китайских товаров за границей и богатство местных ресурсов: нефрита, жадеита и лазурита. В своём докладе Чжан Цянь представил образцы минералов, описал редкие фрукты и полезные растения, включая люцерну, которую предложил высадить у Хуанхэ. Эти открытия способствовали укреплению торговых связей и культурному обмену Китая с Западом.

С этого момента династия Хань настойчиво реализует стратегию "10 000 ли", расширяя свои границы на запад. Несмотря на сопротивление хунну и других племенных объединений, Китай твёрдо придерживается своей цели. Империя постепенно вытесняет хунну на север, и еще при жизни Чжана Цяня и императора У-ди удастся изгнать их из мало освоенных предгорий Тянь-Шаня, вынудив вернуться в исконные земли.

Со II века до н. э. началось формирование Великого Шёлкового пути, чему способствовал поиск более удобного и короткого маршрута для торговли с западными странами Азии. Китайцы, стремясь защитить свои территории от набегов хунну, не только укрепляли границы, но и искали способы усиления армии. Чтобы повысить обороноспособность, они активно закупами высокопородных лошадей, особенно знаменитых «небесных коней» из Ферганы. Эти кони отличались скоростью и выносливостью, были незаменимы в военных походах и играли важную роль в военной стратегии государства. Именно поэтому торговля лошадьми приобрела особую значимость, а китайские правители были готовы платить за них золотом и шёлком. В свою очередь, шёлк оставался важнейшим экспортным товаром, обеспечивая огромные доходы и расширяя влияние Китая на западные страны Азии.

Благодаря своему расположению, Кыргызстан занимал важное место на Великом Шёлковом пути, через который проходили ключевые торговые маршруты, связывавшие Китай, Среднюю Азию и Европу. Это способствовало расцвету городов, таких как Узген, Ош, Баласагун, Суяб и Невакет, превратив их

в центры торговли и культуры. Страна служила мостом между цивилизациями, местом встречи купцов, учёных и путешественников, что способствовало обмену технологиями, ремёслами, религиями и языками. Богатое наследие Шёлкового пути глубоко повлияло на историю Кыргызстана, закрепив его уникальную роль в евразийской истории.

Северная ветвь Великого шелкового пути проходила через множество важных городов и торговых пунктов, связывая Восток и Запад. Этот маршрут начинался в Чаочань, проходил через Сан-Таш и Чигу, затем пролегал по обоим берегам озера Иссык-Куль, через ущелье Боом и Кумбирке, далее через Суяб (с.Ак-Бешим), Невакет (с.Красная речка), Баласагын (Токмок), Нузкет (Кара-Балта), Кулан, Тараз и в Ташкенте соединялся с другими ветвями. В 627 году буддийский монах и путешественник Сюаньцзан посетил территорию современного Кыргызстана, следуя в Индию с целью углубить свои знания о буддизме и привезти оригинальные тексты священных писаний, одновременно распространяя буддийское учение. В своём дневнике он подробно описывает путешествие, упоминая, что они прибыли к большому Голубому озеру, и в город на реке Суй-е (Суййап, Суяб). Здесь множество источников и озёр, поэтому местность носит такое название. Он с восхищением отмечает великолепие приёма, уделяя особое внимание роскоши шёлковых нарядов представителей тюркской знати, где также состоялась его встреча с тюркским каганом [2].

Южная ветвь караванного пути (Памиро-Алайский путь) начиналась в древнем туркменском городе Мерв, который веками считался воротами в Центральную Азию. В IX-X веках он стал значимым политическим и торговым центром, привлекая купцов, ученых и путешественников. Из Мерва дороги вели в Амударью (Чарджоу, Туркменистан), затем в процветающую Бухару, а далее – в величественный Самарканд. Маршрут продолжался через Алайский регион, достигая города Ош, после чего путь вел к современному Эркештаму, где караваны расходились в направлении Кашгара и Хотана [3].

Ферганская ветвь караванного пути начиналась у перевала Торугарт, проходила через Центральный Тянь-Шань, Узген и Ош, а затем направлялась в Самарканд и Бухару. Хотим отметить, что на перевале Торугарт дорога разветвляется. Одна ветвь следует по маршруту Торугарт-Ат-Башы – Кочкор Башы (с.Кумбел) - ущелье Боом-Суяб (с.Ак Бешим)и соединяется с северной ветвью.

Другая ветвь проходит через маршрут: Торугарт- ущелье Куртка – Кош Добо- Узген -Ош, далее маршрут направлялся через Самарканд и Бухару, соединяясь с другими ветвями Шёлкового пути, ведущими в Среднюю Азию, Персию и далее на Запад. Ферганская долина, окружённая горами Тянь-Шаня и Памира, была стратегически важным узлом. Перевал Торугарт (высота около 3750 м) был сложным, но важным проходом через Тянь-Шань, связывавшим китайский Синьцзян с Алайским регионом и Ферганской долиной. Этот маршрут считается первоначальным, поскольку во II веке до н. э. путешественник Чжан Цянь, вынужденный отправиться в дальние странствия, впервые пересёк Алай и Ферганскую долину, открыв Ханьскому Китаю богатые и загадочные Западные земли.

Веками кыргызы и другие тюркоязычные народы не просто соседствовали, но активно влияли на историю Евразии. Великий Шёлковый путь был не только торговым маршрутом, но и каналом культурного и научного обмена. Кыргызы сыграли ключевую роль в Тюркском каганате (VI–VIII века) и создании Кыргызского великодержавия в IX веке. Кыргызское государство обладало развитой системой управления, собственной письменностью и мощной военной организацией.

Обладая контролем над стратегическими участками Шелкового пути, тюркские правители получали значительное политическое и экономическое преимущество, что давало им возможность влиять на международные процессы и обеспечивать собственное процветание. Тюркюты, объединившие степь и Согдиану, открыли для торговли великолепные возможности, и согдийские купцы стали верноподданными тюркютских ханов. VI век для Средней Азии

был временем экономического и культурного подъема. Росли и богатели города, процветали земледелие, ремесла и торговля. Они установили регулярную связь между Китаем и Средиземноморьем, используя для этого древние караванные пути [4]. Благодаря этим процессам Средняя Азия превратилась в динамичный центр международной торговли, в котором смешивались культуры, религии и научные знания, закладывая основу для будущего процветания региона.

Правители совершенствовали боевое искусство и военную стратегию, внедряя новые виды вооружения, укрепляя армию и развивая тактические навыки, чтобы удержать завоёванные земли и защитить народ. Наивысшего развития это достигло в эпоху самостоятельного существования Кыргызского каганата (VI—XII вв.), когда кыргызы, творчески заимствуя военные достижения кочевых народов Евразии, создали централизованную военную организацию, технически совершенное вооружение для своего времени и освоили эффективную тактику конного боя. Эти достижения позволили кыргызам в IX веке сокрушить мощь Уйгурского каганата и распространить свое господство на обширные степные пространства Внутренней Азии [5]. Кроме того, взаимодействие с различными культурами, благодаря торговым связям, способствовало обмену опытом и технологическими достижениями. Всё это сделало армию правящего государства грозной силой, способной противостоять внешним угрозам и расширять своё влияние.

В древности платежными средствами служили драгоценные металлы (золото, серебро) в слитках и изделиях, а также иностранные монеты, поступавшие через дань и торговлю. После победы над эфталитами (561–563 гг.) тюрки могли получать монеты и металлы от покоренных народов. В их экономике преобладал бартер, но в торговле использовались сасанидские, китайские и согдийские монеты. Со временем развивалась купля-продажа, требующая специальных торговых мест - базаров и ярмарок. Это привело к появлению стандартных денег, таких как монеты и бумажные деньги.

Золото играло ключевую роль в системе товарообмена, служа основным средством обмена и оценки стоимости. Махмуд Кашгари в своем знаменитом труде «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий») приводит термин «сун алтын», употребляя его как денежную единицу – «сун алтын» («золотой слиток»). Кыргызы, проживавшие на территории Енисея, использовали золотые слитки как средство обмена, что стало важным элементом их экономической системы.

Одну из своих публикаций А. Мокеев подытожил следующим образом: у енисейских кыргызов эквивалентом обмена служила и шкура серой белки. На древнекыргызском языке слово «тыйын» означало «серая белка» [6]. Со временем сом и тыйын закрепили свое историческое значение, став официальным названием национальной валюты Кыргызстана

По Шелковому пути распространялись мировые религии, такие как буддизм, христианство (несторианство), а затем и ислам, которые оказали огромное влияние на духовную культуру тюркских народов. Исход битвы народов в 751 году послужил основой для распространения ислама на Востоке, укрепив его корни в Центральной Азии. В Караханидском государстве в 960 году, а позднее в Моголистане, ислам стал государственной религией. Это было не только религиозным преобразованием, но и стратегическим шагом для регулирования социальных норм, укрепления связей с исламским миром и усиления власти правителей.

Восток-источник великих цивилизаций, заложивших фундамент знаний и давших миру выдающиеся научные и культурные достижения, которые вдохновляют поколения. Восточные математики, развивая алгебру, геометрию и тригонометрию, сформулировали важнейшие концепции, остающиеся актуальными и сегодня. Одним из величайших вкладов стало создание системы десятичного исчисления. Среди известных учёных - Аль-Хорезми, Омар Хайям, Аль-Бируни. Восточные астрономы также внесли значительный вклад в изучение звёздного неба [7].

Ибн Сина - гордость восточной медицины, но наряду с ним были и другие талантливые врачи, владевшие сложными операциями и знавшие целебные травы. Их труды, переведённые на разные языки, стали основой медицинских знаний. Его «Канон врачебной науки» оставался главным учебником по медицине в Европе более шести веков, систематизируя знания и закладывая фундамент будущих открытий. Вторая книга посвящена фармакологии, где он описал 811 лекарственных средств растительного, животного и минерального происхождения, а также методы их испытания. Среди упомянутых минералов — гипс, глина, купорос, лазурит, ртуть, сера, сурьма, нефть [8].

Во времена расцвета государств Центральной Азии регион стал центром научных открытий и культурного обмена, привлекая учёных, философов и мастеров искусств. Выпускники медресе внесли значительный вклад в развитие науки, философии и культуры. Аль-Хорезми революционизировал математику, географию, астрономию и картографию, заложив фундамент будущих открытий. Его работа 830 года, «Китаб аль-джебр ва-ль-мукабала», систематизировала методы вычислений и дала впервые название алгебре [9].

Абу аль-Аббас аль-Фергани, выдающийся астроном IX века, изучал размеры Земли и создал Нилометр в Каире, повлияв на развитие астрономии.

Абу Райхан аль-Бируни оставил около 150 научных работ, из которых 45 посвящены астрономии. Его труд «Канон Масуда по астрономии и звёздам» описывает картину мира, гипотезу о движении Земли вокруг Солнца, природу звёзд и идеи о тяготении.

В 995 году Аль-Бируни создал первый глобус и математически доказал сферичность Земли. Он предполагал существование материков на её противоположной стороне, что могло бы направить путешествие Колумба. Долгое время Америку называли Вест-Индией [10].

Махмуд Кашгари - выдающийся тюркский учёный XI века, родившийся в Барсхане (современный Кыргызстан). Получив образование в ведущих культурных центрах Востока, он стремился показать богатство тюркских народов. Он считал тюрков народом, воплощающим лучшие человеческие

качества, глубоко почитающим свой язык и уважающим тех, кто говорит по-тюркски [11].

Махмуд Кашгари подчеркивал значимость языка и равенство тюркских наречий с арабским. Его энциклопедический труд отражает глубокое историческое самосознание. Он создал карту мира, изучил географические названия и разработал классификацию тюркских языков, исследуя их распространение от Рима до океана. Это стало первым ареальным лингвистическим трудом.

Жусуп Баласагын - выдающийся мыслитель и автор философско-дидактической поэмы «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»). Он происходил из древнего города Баласагун, расположенного на территории современного Кыргызстана. Баласагын получил образование в крупнейших культурных и научных центрах Средневековья, таких как Фараб, Кашгар и Бухара.

В своём произведении он исследует ключевые вопросы морали, этики и государственного управления, уделяя особое внимание принципам справедливости, добродетели и гармонии в обществе. Его идеи остаются актуальными и сегодня, вдохновляя политическую мысль и литературную традицию тюркских народов. Этот труд сыграл важную роль в формировании концепций правления и взаимоотношений между людьми, став одним из значимых культурных наследий эпохи.

Бек должен быть добрым, как река, что питает поля,

Душой смиренным, в поступках — как свет.

Там, где беки щедры, сияет их слава,

А слава их крепка, как неприступная стена

Указанные строки могут быть актуальны и в современном мире, где от лидеров требуются не только твёрдость, но и высокая интеллектуальная и моральная подготовка. Баласагын предлагает эталон, который остается важным в культуре управления и философии власти

Учёные Востока внесли значительный вклад в астрономию, создание точных таблиц, календарей и инструментов для наблюдений. Среди

выдающихся - Улугбек, выдающийся математик и астроном. В 1428 году Улугбек построил обсерваторию Гурхани Зидж, а в 1437 году завершил работу над звёздным каталогом «Зидж-и Султани», в котором описаны 994 звезды. Улугбек с удивительной точностью вычислил продолжительность звездного года, равную 365 дням, 6 часам, 10 минутам и 8 секундам, при этом допустив погрешность менее одной минуты. Кроме того, он установил наклон земной оси.

Великий Шелковый путь был не только торговым маршрутом, но и важным каналом культурного обмена. По нему распространялись ремесленные изделия, новые технологии и производственные методы. Китай передал миру искусство бумагоделания и шелкового ткачества, а сам позаимствовал технологии стеклоделания. Этот путь связывал цивилизации, способствуя развитию торговли и обмену знаниями.

Политическая ситуация на континенте определяла выбор маршрутов дипломатами, купцами и другими путешествующими людьми [12] учитывая не только безопасность, но и перспективы экономического сотрудничества, политического влияния и культурного взаимодействия.

По оживленным трассам караванных путей возникали новые города — Тараз, Суяб, Невакет, Баласагын, Кува, Отрар, Бунджикат, Пенджикент и другие. Одновременно возрождались и развивались древние античные центры, такие как Самарканд, Бухара, Балх, Мерв, Нишапур, Термез, Хульбук, Узген, Гургандж, Хазарасп, Кяти и другие [13]. Они становились важнейшими торгово-культурными узлами, где пересекались традиции, языки и технологии различных народов, способствуя процветанию региона. Активная торговля стимулировала развитие градостроительства, появление купольных конструкций и ремесленных кварталов. Великий Шелковый путь оставил богатое архитектурное наследие, которое продолжает сохраняться до наших дней.

Караван-сарайы играли важную роль как торговые узлы и центры культурного обмена, объединяя купцов, путешественников и ремесленников.

Они обеспечивали удобные остановки для караванов, способствуя развитию торговли, распространению знаний и взаимодействию между различными народами.

Такие выдающиеся сооружения, как караван-сарай Манакельди (Кыргызстан, VII-VIII вв.), Сан-Ташский рабат (Кыргызстан, XI-XII вв.), Бухарский караван-сарай (Баку, XV в.), Рабат и Малик (Узбекистан, XII в.), Таш Рабат (Кыргызстан, XVI в.) и многие другие, являются яркими примерами богатого архитектурного наследия, отражающего влияние множества культур, пересекавшихся на караванных путях

Великий шелковый путь оказался не просто торговой артерией, но и важнейшим фактором культурного, политического и экономического взаимодействия между народами Евразии. Он стал мостом между цивилизациями, соединяя Восток и Запад, а тюркские народы, находясь в центре этой торговой сети, играли важную роль в обмене товарами, знаниями и идеями. Наследие Шелкового пути проявляется в языковых, художественных и этнографических особенностях тюркских народов, подчеркивая их значимость в истории Евразии.

Список литературы:

1. Виноградов А. Что такое проект «один пояс, один путь» и каковы перспективы его «сопряжения» с евразийским союзом/ сонар 2050 .(Электронный ресурс)-URL:<https://www.sonar2050.org/publications/что-такое-kitayskiy-proekt-odin-poyas-odin-put-i-perspektivy-ego-sopryajeniya-s-rossiyskim-proekt/>)
2. Сюань Цзан и Вянъ Цзи. Записки О западном крае при великой династии Тан https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/VII/620-640/Sjuan_tsan/text1.htm).
3. Табышалиев С. Кыргызстан на великом Шелковом пути. Бишкек. 1992. С. 8
4. Гумилев Л.Н. Древние тюрки <http://gumilevica.kulichki.net/OT/index.html>)

5. Худяков С.Ю. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск, 1980. С.165
6. Койчуев Т., Мокрынин В., Плоских В. Кыргызы и их предки, Бишкек, 1994. С.84
7. Худоёрова Ф., Юлдошова Ф. Образование, культура, язык и история стран Великого Шелкового Пути // Scientific progress. – 2021. – Т. 2. – №. 7. – С. 187-195.)
8. Хожамбергенова П. Х. <https://cyberleninka.ru/article/n/vydayuschiesyanauchnye-dostizheniya-abu-ali-ibn-sina-v-meditsine-i-farmakologii#>).
9. Салобут К. Легендарный математик Мухаммед ибн муса аль-Хорезми <https://cyberleninka.ru/article/n/legendarnyy-matematik-muhammad-ibn-musa-al-horezmi>
10. Аль-Бируни гелиоцентризм и глобус(<https://azan.kz/durus/view/al-biruni-geliotsentrizm-i-globus-3205>)
11. Махмұд ал-Кāшгарī Дївāн Лугāt ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. - Алматы: Дайк-Пресс.-2005.-1288 с.+2с.вкл.с.24–25.)
12. После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий / Редактор О. М. Гармсен; Пер. Я. М. Свет. М.: Наука, 1968. стр.128),
13. Воличенко О. В. Великий Шелковый путь как интегратор формирования научных центров стран Востока / О. В. Воличенко, Р. М. Муксинов, Д. Жолчуев // Архитектура и строительство России. 2021. № 4(240). с. 70-81

Сведения об авторе: Асыл Иманалиева, докторант PhD, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан), e-mail: aruuzat34gmail.com, +996552125573

Камышев А.М.

Независимый исследователь, г. Бишкек (Кыргызстан)

Kamyshev A. M.

Independent researcher, Bishkek (Kyrgyzstan)

ТЮРКО-СОГДИЙСКИЕ МОНЕТЫ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Аннотация: После создания Западно-Тюркского каганата и интенсивной колонизации территории современного Кыргызстана согдийскими переселенцами здесь стали возникать города, а вместе с ними и денежное обращение. Интенсивность торговых связей Западно-Тюркского, Тюргешского и Карлукского каганатов с соседними государствами прослеживается по «иноземным» нумизматическим находкам, сделанным за последние годы на территории Кыргызстана. В научное обращение вводятся новые типы и места обнаружения тюрко-согдийских монет VII-X вв., циркулирующих на Великом шелковом пути.

Ключевые слова: Тюрко-согдийские монеты, Великий Шелковый путь, династия Тан, Тюргешский каганат, Карлукский каганат, Уйгурский каганат.

TURKIC-SOGDIAN COINS ON THE GREAT SILK ROAD

Abstract. After the creation of the Western Turkic Khaganate and the intensive colonization of the territory of modern Kyrgyzstan by Sogdian settlers, cities began to emerge here, and with them, monetary circulation. The intensity of trade relations between the Western Turkic, Turgesh and Karluk Khaganates and neighboring states can be traced by "foreign" numismatic finds made in recent years on the territory of Kyrgyzstan. New types and locations of discovery of Turkic-Sogdian coins of the 7th-10th centuries, circulating on the Great Silk Road, are being introduced into scientific circulation.

Key words: Turkic-Sogdian coins, the Great Silk Road, Tang dynasty, Turgesh Khaganate, Karluk Khaganate, Uyghur Khaganate.

Фиксировать распространение монетных находок на Великом Шелковом пути, собранных в Киргизии до 1947 г., начал основатель нумизматической

школы в Средней Азии академик М.Е. Массон [1, с. 136-141]. Затем эстафету приняли его ученики М.Н. Федоров [2, с. 75-78] и Э.В. Ртвеладзе [3, с. 154-156]. Проблемы денежного обращения в Восточном Туркестане и Средней Азии занимались Е.В. Зеймаль [4, с. 154-156] и О.И. Смирнова [5, с. 154-156]. Последние десятилетия согдийские легенды на монетах читают П.Б. Лурье [6, с. 279-284] и японский согдолог Ютака Ёсида [7, с. 48-54]. Регистрацией находок «иноземных» монет, связанных с торговыми путями, пересекающих современный Кыргызстан в различных направлениях, ведет автор данной статьи [8, с. 58-65; 9, с. 7-13].

Западно-Тюркский период характеризуется исключительно сложным типовым составом монетной массы, обращавшейся в западной части Средней Азии, Упадок техники монетного дела, позаимствованный в античные времена, сопровождался вместе с тем территориальным расширением сферы денежного обращения и появлением многочисленных центров монетного производства. Как правило, медные монеты предназначались для местного обращения и редко покидали район изготовления.

Денежное обращение Ферганы доисламского времени – проблема, до настоящего времени требующая изучения и обобщения. На сегодня доступна лишь незначительная информация (без иллюстраций) о находках в Ошской области пяти «иноземных» медных монет неизвестного правителя Чача [10, с. 23-24] (Табл. I-1).¹

Западно-тюркские каганы и некоторые тюркские правители Чача (Шаш) и его уделов иконографию ряда своих монет, позаимствовали с парфянских и византийских монет. На городище Красная Речка (в 35 км на запад от Бишкека) найдены две монеты с тамгой Кабарны (Чачский удел) (Табл. I-2). Излюбленный сюжет с неоседланной лошастью на парфянских монетах повторен на монете с согдийской легендой «Деньга джабгу кагана» (чтение Г. Бабаярова) [11, с. 101]. Наиболее распространенным типом стало парное изображение правителя и его супруги (Табл. I-3). Как предполагал М.Е. Массон, этот тип восходит к

¹ Автор благодарит Нурдинову Т.С. за предоставленные фото данных монет.

византийским медным монетам Юстина II (565–578 гг.) [12, с. 91-94]. На территории городища Шиш-Тюбе (город Нузкет в районе современного Кара-Балта) подняты еще три монеты различных типов с тамгой Кабарны. Первая с подгрудным изображением двух персонажей подобна, найденной на городище Красная речка (Табл. I-4). Отличие лишь в методе изготовления – карабалтинская находка литая. Вторая чеканная монета (Табл. I-5), изображает длинноволосого правителя, сидящего со скрещенными ногами [13, с.166]. На третьей монете (Табл. I-6) изображен всадник, а на реверсе тамга Кабарны в окружении согдийской легенды «Деньга джабгу кагана» (чтение Г. Бабаярова) [11, с. 92].

В начале VII в., усиливается политическое влияние Китая, заметно окрепшего при агрессивной династии Тан (618–907 гг.). В этот период империей были подчинены восточные тюрки (на территории современной Монголии), и, наконец, западные тюрки (Семиречье и Восточный Туркестан). Китайские гарнизоны, размещенные на завоеванных землях, обеспечивали постоянный приток в метрополию людей и товаров.

В 621 г. в обращении появились цяни анонимного типа с легендой *кай-юань тун-бао* «Законная, обращающаяся [монета] начала правления». (Табл. I-7). Выпущенные в колоссальном количестве, эти монеты имели необычайно широкий ареал распространения. Ими платили жалованье личному составу китайских гарнизонов, которые стояли в ряде городов Западного края, в том числе в столице Западно-Тюркского каганата – Суябе (Ак-Бешимское городище в районе Токмака) по крайней мере с 648 по 719 гг. Этот тип монет позаимствовали и в Согде – конфедерации княжеств, возглавляемых ихшидами Самарканда, которые начали выпускать подражания китайским цяням, помещая на реверсе свои тамгаобразные знаки. Три такие монеты Самарканда и Бухары были подняты на городище Ак-Бешим (Табл. I-8,9). На следующем этапе при сохранении формы и размеров монет проведена замена иероглифов на согдийскую легенду, так на границе двух цивилизаций возник новый тип монет. Монета Согда правителя Вузурга (?), изготовленная по китайскому образцу найдена в 2025 году в ущелье Кара-Суу Чуйской долины. (Табл. I-10).

Денежная реформа (возможно, не без помощи китайских мастеров) была проведена при тюргеш-кагане Сулуке, находившемся у власти (716–738 гг.). Сулук временно стабилизировал положение в каганате, хотя ему пришлось вести войну на два фронта с Танским Китаем на Востоке и с арабским завоеванием Согда на Западе. Монеты отливались из бронзы по китайской технологии, по форме и размерам они соответствовали монетам династии Тан, но вместо иероглифов на них размещены согдийская легенда «Божественного тюргешского кагана монета», а на реверсе тамга, – родовой знак тюргешей (Табл. I-11). Обильный и долговременный выпуск тюргешских монет имел необычно широк ареал распространения, отмечены они археологами в Новосибирской и Кемеровской областях, на Алтае, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая и в Узбекистане.

При раскопках древнего Пенджикента в Таджикистане найдены несколько тюргешских монет, задокументированных в слоях после пожара 722 г. Следовательно, ранние монеты Тюргешского каганата стали попадать в Согд во время многочисленных походов Сулука в Мавераннахр начиная с 721 г. [15, с. 52]. С воинскими походами или установленными торговыми контактами связаны и находки в Чуйской долине нескольких монет одного из последних ихшидов, правителя Согдианы Гурака (710-738 гг.). (Табл. I-12).

В этот же период в более широких масштабах поступают локальные медные эмиссии из западных городов. Монеты, изображающие полуфантастическое животное, напоминающее льва, с вилообразной тамгой на оборотной стороне, отлитые в Чаче и датируемые началом VIII вв., находят на городищах Ак-Бешим, Шиш-Тюбе и Красная Речка (Табл. I-13) [11, с. 235-236]. Другим примером торговых связей могут служить монеты с изображением льва из Отрара (город на Сырдарье, ныне в Шымкентской обл. Казахстана) (Табл. I-14). Три таких монеты подняты на городище Ак-Бешим.

Очень интересная монета анэпигрфного типа с изображением льва на аверсе и тамгой, определенной О.И. Смирновой, как тамга тюргешей на реверсе (Табл. I-15). Ареал их распространения Отрарский оазис, но находят их и в

Чуйской долине. О.И. Смирнова давала такому сочетанию аверса и реверса двойное толкование: или эти тюргеши позаимствовали тамгу у отрарских правителей или местные правители Отрара признали зависимость от тюргешей, поместив на своих монетах тамгу сюзерена [5, с. 57-58; 16, с. 14]. Сегодня большинство ученых склоняются к последнему варианту.

Кроме *кай-юань тун-бао*, находки в Кыргызстане представлены всеми выпусками монет династии Тан. Но как отмечают китайские ученые, не все танские монеты изготовлены в Китае, а происходят из восточно-туркестанских центров, из добытого здесь же металла [17, с. 31].

Попадали с Востока и монеты других государств. На двух монетах, найденных на городище Красная Речка, с необычной для этих мест тамгой в виде буквы Х с перекалиной и деградировавшей согдийской легендой, которую Ютака Ёсида и Павел Лурье реконструировали как – *yyl-xr xwβw pny xcy* – «(Это) бронзовая монета владыки Яглакара», а на реверсе *prn xwnty wβ't* «Да будет удача!» (Табл. I-16). [18, с. 280]. Представители рода яглакаров, находились во главе Уйгурского каганата с 746 по 795 г. и на первых порах покровительствовали тюркским манихейским и буддийским общинам Восточного Туркестана и в какой-то части Семиречью. Но постоянное противостояние карлуков и уйгуров не способствовало тесным торговым связям, которые с 80-х годов VIII в. практически прервались. С приходом к власти, Бокук-каган (795–805 гг.) сохранил прежнее название правящей династии Яглакары. Ему удалось вернуть власть над территорией Восточного Туркестана, Ферганы и, возможно, восточной части Чуйской долины. Еще три монеты с тамгой подобной Яглакарской подняты в последние годы на городищах Бурана и Шиш-Тюбе. Согласно сообщению П.Б. Лурье, надпись на аверсе можно прочесть как *βуу у'гwx х'tny(?) рny* «монета владыки Яруг-кадина(?)», вторая часть названия не ясна. Находки Яглакарских монет разного типа на городищах Чуйской долины дают основание для предположений о тесных связях этих городов с Восточно-Уйгурским каганатом в небольшом промежутке времени первой половины IX в.

(Табл. I-17,18). Это был последний успех уйгуров на западной границе [19, с. 260].

В 1993 г. на городище Красная Речка была найдена монета Уйгурского каганата, изготовленная по китайскому образцу, но вместо иероглифов на обеих ее сторонах по краям квадратного отверстия помещены двустрочные уйгурские легенды. Этот редкий тип монет, найденный в нескольких экземплярах на городищах Красная Речка и Ак-Бешим, известен японским и французским нумизматам, хотя и сегодня существует несколько разных вариантов ее атрибуции (Табл. I-19). Наиболее распространенная попытка определения этого типа монет принадлежит французскому исследователю, китаисту Ф. Тьерри, который показал, что монета выпущена от имени Бокук-кагана. Имя Бокук-каган передано старо уйгурским письмом – *kwyl pylk' tnkry pwxwγ 'wuywr / x'γ'n* – Кель Бильга, богоподобный уйгурский каган Бокук. Надпись на обратной стороне *'yl twtmyš yrlyynk'* – «Приказом того, кто правит Империей» [20, с. 263-278]. Второй вариант перевода легенды на реверсе представлен Ютакой Ёсидой – «По приказу Иль Тутмиша». Известно, что Иль Итмиш (Тутмиш) правил в 1017 г. в Турфане. Следовательно, по мнению японского согдолога, эти монеты могли попасть на территорию Кыргызстана уже во времена династии Караханидов. А имя Бокука сохранили на монете его потомки – западные уйгуры, называвшие себя бокуг-уйгурами. [26, с. 51-53].

После жестких междоусобиц в двадцатилетней войне с кыргызами в 840 г. Уйгурский каганат потерпел сокрушительное поражение. Но Яглакары не исчезли полностью с исторической сцены, упоминание о них содержится в более поздних текстах, особенно из Турфана, где до начала XIII в. сохранялся Западный-Уйгурский каганат. Из этих мест попали на территорию Кыргызстана односторонние монеты без тамги, но с уйгурской легендой, переводимой как «Распространяется по приказу Ихуду» [7, с. 51-53] (Табл. I-20).

В 2000 г. на городище Красная Речка была найдена бронзовая монета, изготовленная по китайскому образцу. Вместо легенд на монете отлиты две тамги – по одной на каждой стороне. Одна из тамг напоминает рунический знак *ǰ*,

другая – знак *g*. (Табл. I-21). Сегодня установлено, что такая же монета, происходящая из раскопок в Ктесифоне (Ирак), определена как «согдийская по китайскому образцу» и датируется второй половиной VII в. По одной монете найдены в Афганистане и в провинции Синьцзян, и еще по крайней мере семь – на территории Кыргызстана.

Вторая монета с рунической легендой найдена на городище Шиш-Тюбе в 2024 г. пока не идентифицирована (Табл. I-22). Здесь же в 2014 г. найдена монета с тамгой, отдаленно напоминающую тамгу тюргешей, и согдийской легендой. Профессору Ютака Ёсида провёл надпись как «(Монета) принадлежит Nwr-pry». (Табл. I-23). Аналог этой монеты найден на Южном Урале, в окрестностях Челябинска. [7, с. 54].

Необычная и пока уникальная монета китайского образца с двумя тамгами, отдельно напоминающие тамги тюргешей найдена в предгорьях Ала-Тоо недалеко от Бишкека в 2019 г. Как и у монеты с руническими знаками, для ее атрибуции по месту и времени изготовления в настоящее время еще недостаточно сведений (Табл. I-24).

Следует отметить, что новые типы согдийских монет находят в Кыргызстане почти ежегодно. Почтение и расшифровка легенд, статистическая обработка монет по месту их нахождения позволяют восстанавливать хронологическую последовательность местных выпусков и уточнять многие важные аспекты отечественной истории.

Великий Шелковый путь сыграл свою историческую роль, на протяжении более пятнадцати столетий он связывал самые различные государства, способствуя не только обороту товаров, но и взаимопроникновению культур, в том числе распространению вдоль трассы товарно-денежных отношений. Изучение «иностранных» монет, которые были найдены на территории Кыргызстана, – серьезный вклад в мировую копилку знаний о Великом Шелковом пути.

Список литературы:

1. Массон М.Е. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Киргизской ССР до 1947 года // Тр. ИЯЛИ. Кирг. ФАН СССР. Вып. П. Фрунзе, 1948. – С.136-141.
2. Федоров М.Н. Очерки древней и средневековой нумизматики Средней Азии. М., 2018. – 220 с.
3. Ртвеладзе Э.В. Великий Шелковый путь. Энциклопедия. – Ташкент: «Узбекистон миллий энциклопедияси», 1999. – 280 с.
4. Зеймаль Е.В. Монеты раннесредневековой Средней Азии. // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья / отв. ред. Г.А. Брыкина. М.: Наука, 1999. – С. 192-206.
5. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. – М.: «Наука», 1981. – 548 с.
6. Лурье П.Б. Карлуки и яглакары в согдийской нумизматике Семиречья // Древние культуры Евразии. Матер. Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.Н. Бернштама. СПб, 2010. – С. 279–284.
7. 山内和也編 2025 『シルクロードのコイン 1』 (シルクロード叢書 001) , 東京 : 帝京大学出版会 Yutaka Yoshida, Kazuya Yamauchi (ed.), Coins of the Silk Roads, vol. 1 (Teikyo series of Silk Road studies 2), Tokyo: Teikyo University Press, 2025. – 188 p.
8. Камышев А.М. Монеты на Великом Шелковом пути и их влияние на возникновение денежных отношений в Семиречье // Диалог цивилизаций на Великом Шелковом пути, Бишкек, 2002. – С. 58–65.
9. Камышев А.М. Монеты на Великом Шелковом пути, найденные в Кыргызстане // Археология евразийских степей. Нумизматика и эпиграфика №6 АН Республики Татарстан, 2017. – С. 7–13.
10. Нуридинова Т.С. Местные находки из Ошской области и ее окрестностей // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек. «Мурас», 1998. – С. 23–26.
11. Шагалов А.Д. Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III-VIII вв. Ташкент Изд. «Фан» АН Республики Узбекистан, 2006. – 328 с.

12. Массон М.Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. Труды САГУ, Вып. XXIII – Ташкент, 1951. – С. 91–104.

13. Ртвеладзе Э.В. Древние монеты Средней Азии. Ташкент, Изд. литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1987. – 184 с.

14. Камышев А.М. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. – Бишкек: «Раритет-Инфо», 2002. – 145 с.

15. Лурье П.Б. Заметки по хронологии тюрко-согдийских монет Семиречья // Talas (Талас). Союз муниципалитетов тюркского мира. Стамбул, 2022. – С. 51–57.

16. Бурнашева Р.З. Отрар, отрарский оазис и южный Казахстан (Нумизматические исследования по денежному делу южноказахстанских городов VII–XVII вв.) Алма-Ата, «Наука» 1989. – С. 78

17. Ивочкина Н.В. Монеты первой Восточно-Туркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. – Л., 1975. – С. 27-38.

18. Лурье П.Б. Карлуки и яглакары в согдийской нумизматике Семиречья // Древние культуры Евразии. Матер. Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.Н. Бернштама. СПб, 2010. – С. 279–284.

19. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского кагана и история евразийских степей. – СПб: Изд. «Петербургское Востоковедение», 2010. – 352 с.

20. Thierry François. Les Monnies de Voquq Qaghan des Ouighours (795–808) // Turcica, N. 30. – 1988. – P. 263–278 (in French).

Сведения об авторе: Камышев Александр Михайлович, кандидат исторических наук, Независимый исследователь, 0707 812 469, sakamih@mail.ru

Таблица 1 Тюрко-согдийские монеты на Великом шелковом пути

№ №	Аверс	Реверс	Раз- мер мм	Ве с, г.	Ме- талл	Определение
1	2	3	4	5	6	7
1			11- 13	0,8 7	АЕ	Монета Западно-тюркского каганата. Чач. VII в.
2			18	2,0 3	АЕ	Монета Западно-тюркского каганата, Кабарна. Л.с. изображение лошади. О.с. Династийный знак-тамга и согдийская надпись, VII в.
3			17	1,5 4	АЕ	Монета Западно-тюркского каганата. Кабарна. Л.с. Погрудный портрет правителя с супругой. О.с. Тамга и согдийская надпись VII в.
4			21	2,2 8	АЕ	Монета Западно-тюркского каганата. Кабарна. Л.с. Погрудный портрет правителя с супругой. О.с. Тамга. VII в.
5			20	2,3 7	АЕ	Монета Западно-тюркского каганата. Кабарна. Л.с. Портрет сидящего правителя. О.с. Тамга. VII в.
6			19	1,6 2	АЕ	Монета Западно-тюркского каганата. Кабарна. Л.с. Всадник. О.с. Тамга. VII в.
7			24	3,6 5	АЕ	<i>Кай-юань тун-бао</i> , династия Тан, ранний тип, 621-713 гг.

8		24	3,4 1	АЕ	Монета Согда. Л.с. Китайская легенда «кай-юань тун-бао» - ходячая монета начала правления. О.с. Тамга ихшидов Согда (слева) и согдийская легенда βуу – «Бог, Владыка», Середина VII вв.
9		22	2,8 2	АЕ	Согд, Бухара. Л.с. Китайская легенда «кай-юань тун-бао» - О.с. Тамга Бухары, VII-VIII вв. Z.161402
10		20	1,9 0		Монета ихшидов Согда. Л.с. Согдийская легенда <i>MLK w/tz?nw/tr/k</i> – Правитель Вузург(?) О.с. Две тамги. Середина VII в.
11		24,5	5,1 2	АЕ	Монета Тюргешского кагана. Л.с. Согдийская легенда <i>βуу twrkyš γ'γ'n рпу</i> . О.с. Тамга тюргешей. Первая половина VIII в.
12		23	4,2 9	АЕ	Деньга Гурака, Согд. Л.с. Согдийская легенда <i>'wr'kk MLK</i> - царь Гурак. О. с. Два тамгаобразных знака, 710-738 гг.
13		19	2,3 8	АЕ	«Монета Тарнавча». Тюркская династия Чачского оазиса. Л.с. Хищник (барс). О.с. Вилообразная тамга и согдийская легенда, начало VIII вв.
14		21	2,6 2	АЕ	Монета Отрара, Л.с. Изображение хищника. О.с. Монограмма из рунических знаков в круговой согдийской легенды, начало VIII вв.

1 5		19	2,1 2	АЕ	Монета Отрара, Л.с. Изображение хищника. О.с. Тамга тюргешей. Первая половина VIII в.
1 6		22	3,1 8	АЕ	Монета Яглакаров. Л.с. Согдийская легенда – <i>yyl-xr xwβw pny xcy</i> . О.с. Согдийская легенда <i>prn xwnty wβ't</i> и тамга Яглакаров. Вторая половина VIII – начало IX вв.
1 7		23	3,8	АЕ	Монета неизвестного правителя с тамгой клана Яглакаров. Вторая половина VIII – начало IX вв.
1 8		20	2,8 9	АЕ	Монета владыки Яруг-кадина. Л.с. <i>βyу y'rwх х't'ny(???) pny</i> с тамгой клана Яглакаров. Вторая половина VIII – начало IX вв. Z=275661
1 9		24	3,8 1	АЕ	Монета Западно-Уйгурского каганата. Л.с. уйгурская легенда— Кель Бильга, богоподобный уйгурский каган Бокуга. О.с. «По приказу Иль Тутмиша». Начало XI в.
2 0		21	1,8 1	АЕ	Монета Западно-Уйгурского каганата. Л.с. уйгурская легенда «Распространяется по приказу Ихуду». Конец IX – начало XIII вв.
2 1		23	2,5 2	АЕ	Монета с руническими знаками, VIII вв.
2 2		23	3.1 9	АЕ	Монета с руническими знаками, VIII вв. Z=336587

2 3		23	2,7 7	АЕ	Монета с согдийской легендой nwr pry «хурд - «(Монета) принадлежит Nwr-pry». Тамга подобная тюргешской. Z=135145
2 4		21	2,1 7	АЕ	Монета с двумя тамгами, VIII вв.

УДК:39

Каниметов А.

К.Тыныстанов атындагы ЫМУ, Каракол, (Кыргызстан)

Джумадылова К.Т.

К.Тыныстанов атындагы ЫМУ, Каракол, (Кыргызстан)

Каниметов А.

Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова, г. Каракол
(Кыргызстан)

Джумадылова К.Т.

Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова, г. Каракол
(Кыргызстан)

Kanimetov A.

Issyk-Kul State University named after. K. Tynystanova, Karakol (Kyrgyzstan)

Dzhumadylova K.T.

Issyk-Kul State University named after. K. Tynystanova, Karakol (Kyrgyzstan)

ТҮРК ДҮЙНӨСҮНДӨГҮ КЫРГЫЗДАРДЫН ОРДУ ЖАНА МАДАНИЯТЫ

Аннотация: Макалада түрк тилдүү элдердин катарына кирген кыргыздардын маданий генезисин изилдөө түрк таануу илиминин маанилүү маселелеринин бири. Кыргыздардын этникалык тарыхындагы маданият

маселелерин жана маданий карым-катнашты изилдөө Кыргызстан эгемендүүлүккө ээ болгондон кийин өзгөчө маанилүү маселелердин бирине айланды. Себеби эгемендүүлүккө ээ болгон кандай гана мамлекет болбосун ал дүйнөлүк коомчулукта өзүнүн ордун бекемдөө үчүн тарыхына, элинин түпкүлүгүнө, улуттук маданияттын өзгөчөлүгүнө кеңири көңүл бөлө баштады.

Кыргыздар жана алардын маданиятына тиешелүү археологиялык табылгаларды, сүрөттөрдү, жазууларды башка булактардан дагы изилдөө бир сөз менен айтканда кыргыз элинин маданий генезисин изилдөө болуп саналат. Кыргызстан жана кыргыз эли тарыхтын дээрлик бардык мезгилдеринде Кытай, Иран, Батыш жана Чыгыш элдери менен социалдык-экономикалык жана маданий байланышта, карым-катнашта болуп келген.

Ачкыч сөздөр: Кыргызстан, түрк дүйнөсү, тарыхый, Жети-Суу, Евразия, Түштүк Сибирь, Тянь-Шань, Теңир-Тоо, кыргыз элинин, боз үй, көчмөн, маданият, турак жай.

МЕСТО И КУЛЬТУРА КЫРГЫЗОВ В ТЮРКСКОМ МИРЕ

Аннотация: В статье рассматривается изучение культурогенеза кыргызов, входящих в число тюркоязычных народов, как один из важных вопросов тюркологии. Изучение культурных проблем и культурных взаимодействий в этнической истории кыргызского народа стало одним из важнейших вопросов после обретения Кыргызстаном независимости. Потому что любое государство, обретя независимость, начинает больше внимания уделять своей истории, истокам своего народа, самобытности своей национальной культуры, чтобы укрепить свое место в мировом сообществе.

Изучение археологических находок, картин и надписей, связанных с кыргызским народом и его культурой по другим источникам, является, одним словом, изучением культурогенеза кыргызского народа. Кыргызстан и кыргызский народ на протяжении почти всех периодов истории имели социально-экономические и культурные связи и взаимодействие с Китаем, Ираном, Западом и народами Востока.

Ключевые слова: Кыргызстан, тюркский мир, исторический, Семиречье, Евразия, Южная Сибирь, Тянь-Шань, Тенгри-Тоо, кыргызы, юрта, кочевник, культура, жилище.

THE PLACE AND CULTURE OF THE KYRGYZ IN THE TURKIC WORLD

Abstract: The article examines the study of the cultural genesis of the Kyrgyz, who are among the Turkic-speaking peoples, as one of the important issues of Turkology. The study of cultural problems and cultural interactions in the ethnic history of the Kyrgyz people has become one of the most important issues after Kyrgyzstan gained independence. Because any state, having gained independence, begins to pay more attention to its history, the origins of its people, the uniqueness of its national culture, in order to strengthen its place in the world community.

The study of archaeological finds, paintings and inscriptions related to the Kyrgyz people and their culture from other sources is, in a word, the study of the cultural genesis of the Kyrgyz people. Kyrgyzstan and the Kyrgyz people throughout almost all periods of history had socio-economic and cultural ties and interactions with China, Iran, the West and the peoples of the East.

Key words: Kyrgyzstan, Turkic world, historical, Semirechye, Eurasia, Southern Siberia, Tien Shan, Tengri-Too, Kyrgyz, yurt, nomad, culture, dwelling.

Байыркы кыргыздар Түштүк Сибирдин төрт жеринде хан ордосун курган. Бул ордолор Алтайдын Дөөлөс көлүнүн тегерегинде, Хакасиянын Алтын көлү менен Уйбат талаасында, Монголиядагы Кыргыз Нур көлүнүн аймагы болгон. Алтай, Саян, Көгмөн (Көкмөл) тоолорунун кокту-колотторунун, Энесай, Орхон дарыяларынын куймаларынын, Байкөл, Кыргыз Нур, Сүткөл, Дөөлөс көлдөрүнүн сырларын жашоого ыңгайлуу экенин кыргыздарча билген эч бир көчмөн уруу болгон эмес. Кыргыздар малдарга карата касиеттүү бул жерлерде көчүп конуп журт кылып алышкан. Кыргыздардын атамзамандан ата конушу катары Теңир Тоо (Ала Тоо) болгон. Ошол себептен малдуу-жандуу кыргыздар

ата мекеним деп, илгертен Теңир-Тоодон баштап, Алтай, Саянга, Көгмөнгө чейинки аймакты ээлеп турушкан.

Байыркы кыргыздар, алардын коңшулары жөнүндөгү маалыматтар эзелки Персия, Иран, Византия, Армения, Кытай ж.б. элдердин жазмаларында сакталган. Византиялык жазма эмгектерде кыргыздардын сак, хун, түрк, эфталиттер, тохарлар, скифтер жөнүндө көбүрөөк маалымат чогултулган. Өзгөчө Кытай жазуу булактарында Түштүк Сибирь, тактап айтканда, Энесай, Орхон, Алтайдагы кыргыздардын тарыхы жөнүндө маалыматтар өтө баалуу. Кыргыздар өздөрүнүн узак жолду басып өткөн тарыхында башка түрк уруулары менен жуурулушуп, бир далай түрк эмес элдеринин өкулдөрүн ассимиляциялап келген. Алардын байыркы тарыхынын Чыгыш Теңир-Тоолук баскычы б.з. V к. акырына чейин созулган.

Ал эми орто кылымдагы кыргыздар жөнүндөгү ар кандай маалыматтар араб, перси булактарынан табылган, андан араб окумуштуулары Ибн Хордадбек (IX-X к.), Ибн Хаукал, Ибн ал-Асир (XII-XIII), персия тарыхчылары Саид Гардизинин (XI к.), Рашид ад-Дин (XIII), түрк тилдүү элдерден, мекендешибиз Махмуд Кашгари (XI), Жусуп Баласагуни (XI), тарыхы Мухаммед Хайдар (XV-XVI), Мухаммед Садык Кашгари (XVIII-XIX), Түштүк Сибирдин тарыхы, жери, эли, тили жана руханий мурасы жөнүндө бир далай далилдүү маалыматтарды жазышкан .

Жалпысынан алганда, кыргыздардын миндеген жылдык тарыхында байыркы улуу көчмөн маданиятынын көрөңгөсүн сактап гана тим болбостон, аны адам рухунун өзүнчө бир бийик сересине көтөрө алган. Маселен, көз кубанткан Ак өргөбүз – элдин материалдык маданиятынын көөнөрбөс көз мончогу болсо, алп көлөмдүү “Манас” жомогу- элибиздин адамзаттын акыл-эс ааламынын албан бир этабына койгон асылзат эстелиги болуп саналат.

Тарыхый жазма булактарга, археологиялык материалдарга, жазма эстеликтерге таянсак, байыркы доордон азыркы мезгилге чейин Тянь-Шань, Теңир-Тоо, Тоолуу Алтай, Енисей жана башка аймактарда кыргыздар көчүп-конуп жашап келишкен. Бул узак мезгил, кыргыздардын өжөрлүктү,

экономикалык, саясий жактан такшалууну, дипломатиялык мамилелерди түзө билүүнү да талап кылгаан. Натыйжада, кыргыздар абдан күчтүү, өз алдынчалыгын, көз карандысыздыгын коргой алган, эркиндикти сүйгөн баатыр эл катары тарыхта калды.

Кыргыздар узак мезгилдин ичинде темирден мыкты курал-жарак жасап жана аларды согушка чеберчилик менен колдоно алган. Бул өнөрү менен башка өлкөлөргө атагы чыккан жоокер эл болгон. Андан тышкары кыргыздардын негизги кесипчилиги малчылык жана дыйканчылык болгондугу баарыбызга маалым. Мына ушулар жөнүндө жана кыргыз коому, кыргыздардын башкаруучулары, карапайым эл, кыргыздардын аңчылыгы, соода жүргүзүшү, жоокердик турмушу, каада-салттары, үрп-адаттары, жашаган турак-жайлары, тамак-ашы менен азыркы күнгө чейин белгилүү [5, б. 972.].

Мына ошол не бир түркүн элдердин арасынан кыргыз эли да өзүнүн өзгөчөлүгү менен аттын кашкасындай айырмаланып, миңдеген жылдар бою өз маданиятын, тилин, үрп-адатын, салтын, адеп-ыйманын, сый-урматын жана башка толуп жаткан эң мыкты касиеттерин, негизинен биз карай турган кыргыздардын байыртадан турак жайы болгон боз үйүн сактап алды.

Ааламдын байыркы уруулары болгон кыргыз эли, көчмөн мүнөздөгү жер жемиш терген, тамыр жыйнаган, балык жана аң уулап жан баккан тиричиликтен, малчылык, дыйканчылыкка өтүп, өз шартына ылайыктап турак жайларды куруп жашап келишкен. Ошол убактагы турак жайы боз үй болгон. Боз үй адамзат жашоо тиричилигинде бир нече миңдеген жылдар бою пайдаланып келинген да, ал бүгүнкү күндө да ар кандай салттарды өткөрө коюуда турак жай катары колдонулуп жүрөт. Боз үйдү чечүү, унаага артып ташуу жана кайра тигүү оңой болгон. Талаа түздөрдү мекендеген көчмөндөрдүн арасында орто кылымдарда башкача айтканда орус, украин элдеринин келиши менен тараган турак жай бул шарттарга ылайык келмек эмес.

Боз үй кыргыздардын байыркы турак жайы болуп, ал канчалаган кылымдардан бери өз барктуулугун жоготпой, кыргыз элинин маданиятынын

негизин түзүп, азыр да чоң мааниге ээ болуп келет. Кыргыз эли байыркы эл экени байыртадан көчүп-конуп боз үйдө жашагандыктан, боз үйдү кыргыз элинин материалдык маданиятынын негизги салттуу турак жайы катары карасак болот. Боз үйдү көчмөн элдердин ичинен кыргыздар б.з.ч. эле биринчи ойлоп тапкан. Археологдор Алтайдагы Пазырык дөбөсүнөн б.з.ч. V-III кылымдарга тиешелүү боз үйдүн калдыктарын, ар түрдүү боекко салынган шырдак оюктарынын калдыктарын табышкан.

Табияттын ар кандай кырсыгына ылайыкталып, тегерек жасалып, коломтонун ортого түшүшү, түтүндүн түндүктү көздөй созулуп турушуна баа берсек, бабалардын архитектуралык акылмандыгы жатат. Боз үй жеңил десек жеңил, чечкенге, тиккенге оңой, жайында салкын, кышында жылуу, жөнөкөй. Бул биздин акылман бабаларыбыздын кыргыз элине калтырган ыйык куту жана өнөрчүлүгүнүн туу чокусу деп белгилесек болот. Кыргыз эли байыртадан эле табият менен шайкеш жашагандыгын боз үйдөн байкаса болот. Себеби боз үйдүн түндүгүнөн көк асман, күндүз күн, түнү ай көрүнүп турат. Сыртка чыкса кең дүйнө, чагылгандын чартылдаганы, шамалдын улуганы, дарыянын шоокуму, куштардын сайраганы даана угулуп турат [6, б. 63.].

Академик В.В. Радлов кыргыздарда өзүнчө бир түрдөгү “көчүп-конуп жүрүүчү уруу” бар экени жөнүндө жазган, алар айыл-айыл болуп эмес, бүтүндөй уругу (уруусу) менен өзөндөрдүн жээгин бойлото кырка тарта тигилген боз үйлөрдө турушаарын, алардын катары кээде 20 жана андан да көп чакырымга чейин созулуп кетээрин көрсөткөн. Г.С. Загряжескийдин билдиргенине караганда XIX кылымдын орто ченине чейин кыргыздар 200 жана андан да көп түтүндөн турган чоң-чоң айыл болуп жашашкан [1, б. 82.].

Ал эми кытай жазмаларында боз үй жөнүндө маалыматтар биздин заманга чейинки доордо эле айтылган. Кытай тарыхчысы Сыма Цянь: “Көчмөндөр (кыргыздар) эшигин чыгышты карап тигилген тегерек боз үйдө жашайт” деген [4, б. 252.]. Боз үйдүн жаралышы дароо эле жаралган эмес, нечен доорлорду карытып, улам жаңы табылга кошулуп, жыгачы, кийизи, жип-шуусу, ички жасалгалары, улам түрлөнүп, барган сайын көркүнө чыгып отурган.

Кыргыздын боз үйүн жасоо үчүн кол өнөрчүлөрдүн бардык чеберлери – теричи, жыгач уста, темир уста, саймачы, оймочу, зергери, уздары катышкан. Кыргыздар боз үйдү күнүмдүк тиричиликке, сый- сөөлөткө жасашкан жана жоокерчиликте урунушкан. Ошондой эле турак үй жана жорум үй деген түрлөрү болгон. Турак үй канаты боюнча айырмаланат: чоң үй, кичине үй, конок үй, ашкана, кара үй. Ал жорум үй жоокерчилик заманга ылайыкталып жасалган.

Боз үйдүн эң чаканы жана оңою кереге уук баштарын кайчылаштырып жасаган алачык болот. Анын түрлөрү: жапма алачык, сайма алачык, орой кош, кара алачык, көтөрмө, жолум үй, кеп, камсоо, ак тигер, ит арка, кошмо, чыканак, сойломо жана башка болуп саналат. Ал эми жоокерчилик заманда көчүп конууга ылайыктуу “куш үйдүн”, малчылар “жолум үйдү”, “аш үйдү” жатакчылар пайдаланып келишкен.

Андан кийин боз үйдүн жабыгына карай үзүктү, көтөрмө туурдукту, уук керегеге карай ак үй, чоң үй, ак өргөө, ак ордо, ак ала ордо (хан үйү) болуп кете берет. Кыргыздар Каркыра жайлоосунда “Көкөтөйдүн ашында” үч жүз миң боз үй тигилгендиги “Манас” эпосунда сүрөттөлгөн.

Боз үйлөрдүн эшиги күн чыгыш жакка карап, чоң-кичинесине карата алтымыш баштан- жүз баш деп керегенин башына карата бөлүнөт. Сапатына карай тор көз, ара көз, жел көз деп керегенин көзүнө карай айтылып, үйдүн ичи төр, улача, эр жак, эпчи жак деп төрткө бөлүнөт. Боз үйдүн төрүнө кадырлуу меймандар, карыя аксакалдар, эпчи жакка казан-аяк кармаган аялдар, эр жакка эркектер, улачага кичүүлөр отурушат.

Байыркы кыргыздардын боз үйлөрү жасалыш үлгүсү боюнча үйсүндөрдүн үйү жана кыргыздардын боз үйү делип аталган. Кийинки кылымдарда калмак (монгол) боз үйү кошулду. Булардын сырткы көрүнүшүндө аз эле айырмаланганы менен ички жасалгасы ар башка. Кыргыздардын боз үйүнүн керегеси кенен, ууктары узун, түндүгү бийик келет. Кыргыздарда XIX кылымдын орто ченине чейин көчмөн жана жарым көчмөн турмушта жашагандыктан кандайдыр – бир бекем отурукташуу деген болгон эмес.

Түндүк Кыргызстанда мына ушул мезгил ченде гана феодалдар катмарында анын түйүлдүктөрү пайда боло баштаган [7, б. 172.]. Бугу уруусунун жол башчысы Боромбайдын Жууку капчыгайында мына ошондой чарбагы болгон, ал чарбалык сокмо тамдардан, кампадан жана тегирменден турган. Г.Бардашевдин маалыматтары боюнча Боромбай бул жерге кербендерди талаптоноодон жана касташып жүргөн сарбагыш уруусу кол салып калса мал-мүлктү коргоп калуу үчүн 1843-жылы эле сокмо дубалдардан тургузулган чакан чеп курдурган, анын мылтык атуучу тешиктери болгон. Чептин ичине онго чейин боз үй тигилген, аларда, атап айтканда, белен аштык сакталган [3, б. 387.].

Боз үй жөнүндө көптөгөн окумуштуулардын изилдөөлөрүнүн натыйжасында бир канча эмгектер жаралды. Көчмөндөрдүн турак жайынын тарыхын изилдөө кеч болсо да башкача айтканда XIX- кылымдын аягынан баштап колго алына башталган. Ага ал кездеги жана кийинки кездердеги анын көрүнүктүү өкүлдөрүнөн болгон Н.Харузин, Н.М.Щепетильников, С.И. Вайнштейн, Л.Г. Нечаева сыяктуу көптөгөн изилдөөчүлөр кайрылышкан. Республикабыздын чыккан боз үйгө кайрылышкан изилдөөчүлөр Е.И.Махова, К.И.Антипина, Б.Алымбаев, казак республикасынан чыккан академик А.Х.Маргулан, П.Е.Маковецкий, М.С.Мукановдор да боз үйдүн жасалышына, тигилишине, жасалгаланышына, пайдаланышына токтолушкан.

Турак жайлар боюнча изилдеген окумуштуу С.М.Абрамзондун эмгектеринде жана тоо көчмөндөрдүн турак жайларын изилдеген М.Чокотегиндин эмгектеринде кыргыз элинин пайда болуусу, алардын уруу катары калыптанышы, алардын жашоо-тиричилиги, тамак-ашы, каада салты, үрп-адаты, турак жайы боюнча толук маалымат алсак болот. Турак жайларды тартиптештирүү боюнча мында тоо көчмөндөрүнө ыңгайлангандардан биринчиден конструкциялык турпатына экинчиден тилдик маанисине жана аны бирдиктөөлөрүнө карата буума, сайма, жапма алачык ал эми алачыктардын аксакалы боз үйлөрдүн кенжеси катары жолум үйдү санап андан кийин боз үйдү жайгаштырсак болот деп, тоо көчмөндөрүнүн турак жайларын изилдеген окумуштуу М.Чокотегиндин эмгегинде изилденген [8, б. 282.]. Ошондой эле

А.Акматалиевдин “боз үй”, “көркөм кол өнөрчүлүк” эмгектеринде боз үйдүн качанкылыгы, ал кимдердин турак жайы, боз үйдүн пайда болушу, түзүлүшү, жасалышы, жасалгасы жөнүндө жана кыргыз элинин маданиятында ээлеген орду боюнча кеңири маалыматтар берилген [2, б. 92.].

Акыркы XX-XXI кылымда кыргыздардын көпчүлүгү отурукташып, шаарлардагы көп кабаттуу тамдарда, айыл жерлеринде жер тамдарда жашашат. Мал чарбалуу тоолуу айылдарда жаз, жай, күзүндө боз үйдө жашаганды жакшы көрүшөт. Бардык эле тоолуктардын боз үй күтүүгө шарты болбосо да байыртадан уланып келе жаткан ата салтын сактап, боз үйдө жашоо- улуттук рухий маданиятты ыйык тутуу деп эсептешет.

Колдонулган адабияттар

1. Абрамзон С.М. Кыргыз жана Кыргызстан тарыхы боюнча тандалма эмгектер.- Б., 1999.-82б
2. Акматалиев А. Боз үй.- Ф., 1982.- 92б.
3. Г. Бардашев. Заметки о дикокаменных киргизах. Матер. для статистики Туркест. края. вып. III. СПб, 1974, с.387
4. Жусупов К. Кыргыздардын байыркы маданияты.- Б., 2006.-252б
5. Кыргыздардын улуттук маданияты/Түз.: К.Жусупов, Ж.Бакашова, К. Иманалиев, М.К.Өмүрбай уулу.-Б.:2012.- 972б.
6. Менин жерим –Кыргызстан : Энциклопедия. Кыргыз элинин салттуу билимдери /Түз. Б.А.Мураталиев, З.Ж.Мамбетова, Р.К. Султангазиева-Б.: 2013.- 63б
7. П.П.Семенов-Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 гг. М., 1946 с172
8. Чокотегин М. “Тоо көчмөндөрүнүн турак жайларынын этногенездик жана маданияттык негиздери”- Б., 2011.- 282 б.

Сведения об авторах:

Адыл Кулжигитович Каниметов, к.и.н., доцент, Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова , г. Каракол (Кыргызстан), a.kanimetov62@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8050-2407>

Джумадылова К.Т., преподаватель Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова, г. Каракол (Кыргызстан), dzumadylovakymbat55@gmail.com [ORCID: https://orcid.org/0009-0001-9857-5237](https://orcid.org/0009-0001-9857-5237)

УДК (МРНТИ) 03. 81. 37

Картова З. К.

Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск
(Казахстан)

Kartova Z. K.

Manash Kozybayev North Kazakhstan university, Petropavlosk
(Kazakhstan)

**РОЛЬ УСТНЫХ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ В
ФОРМИРОВАНИИ НАРРАТИВОВ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА**

Статья публикуется в рамках грантового проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему «Текстологическое изучение и источниковедческий анализ нарративных документов правителей Казахского ханства периода XV–XVIII веков» (ИРН АР19676930).

Аннотация. В статье обозначены проблемы, связанные с комплексным изучением устных и письменных источников по средневековой истории Казахстана. Основное преимущество данной группы автохтонных и аутентичных источников в том, что в них зафиксированы непосредственные факты, свидетельства и впечатления самих участников и очевидцев описываемых событий. В статье дается источниковедческий анализ новых источников, выявленных в результате поисков в архивах и рукописохранилищах сопредельных и зарубежных стран. Новизной научного исследования является обзор письменных источников, выявленных в результате поисков в архивах и рукописохранилищах сопредельных и зарубежных стран. Это отдельный вид историко-литературных источников -

письма, хвалебные оды, лиро-эпические былины, теологические сочинения, содержащие информацию о фактах и событиях средневековой истории Казахстана. Вместе с этим, в научной статье поднимается вопрос о необходимости выработать новые методологические подходы к источниковедческому изучению данного вида источников. Область изучения нарративных источников находится на стыке между историей и филологией, лингвистикой, литературоведением и источниковедением. Решение этой проблемы может быть достигнуто только с помощью междисциплинарных и трансдисциплинарных стратегий и научных методов. Они подразумевают анализ содержащихся в источниках лингвистических обозначений, опредмечивание и уточнение общих понятий, применение междисциплинарных методов, индуктивный анализ информации источников. Нарративный анализ как метод герменевтики и метод качественного анализа материала используется для выявления субъективных явных и не явных представлений о заданной проблеме. В явном содержании нарратива, анализируется представленная рассказчиком фактическая информация о событиях. Нахождение способов более точных характеристик прошлого является основной задачей современного исследовательского научно-исторического нарратива.

Для источниковедческой науки важно классифицировать данные источники, выработать методы изучения и использования их в реконструкции и интерпретации исторических событий периода XV-XVIII веков, как значимого этапа формирования казахской государственности.

Ключевые слова: устная историография, нарративные источники, лиро-эпические источники, Казахское ханство, источниковедение, междисциплинарные исследования.

THE ROLE OF ORAL AND WRITTEN SOURCES IN THE FORMATION OF NARRATIVES OF THE KAZAKH KHANATE

Abstract. The article outlines the problems associated with the comprehensive study of oral and written sources on the medieval history of Kazakhstan. The main advantage of this group of autochthonous and authentic sources is that they record

direct facts, testimonies and impressions of the participants and eyewitnesses of the events described. The article provides a source study analysis of new sources discovered as a result of searches in archives and manuscript repositories of neighboring and foreign countries. The novelty of the scientific research is the review of written sources identified as a result of searches in archives and manuscript repositories of neighboring and foreign countries. This is a separate type of historical and literary sources - letters, laudatory odes, lyric-epic epics, theological works containing information about the facts and events of the medieval history of Kazakhstan. At the same time, the scientific article raises the issue of the need to develop new methodological approaches to the source study of this type of sources. The field of studying narrative sources is at the intersection of history and philology, linguistics, literary studies and source studies. The solution to this problem can be achieved only with the help of interdisciplinary and transdisciplinary strategies and scientific methods. They imply the analysis of linguistic designations contained in the sources, the objectification and clarification of general concepts, the use of interdisciplinary methods, and the inductive analysis of source information. Narrative analysis as a method of hermeneutics and a method of qualitative analysis of material is used to identify subjective explicit and implicit ideas about a given problem. In the explicit content of the narrative, the factual information about the events presented by the narrator is analyzed. Finding ways to more accurately characterize the past is the main task of modern scientific historical narrative research. For source studies, it is important to classify these sources, develop methods for studying and using them in the reconstruction and interpretation of historical events of the period from the XV th to the XVIII th centuries, as a significant stage in the formation of Kazakh statehood.

Key words: oral historiography, narrative sources, lyric-epic sources, Kazakh Khanate, source studies, interdisciplinary research.

Основными источниками по средневековой истории Казахского ханства периода XV-XIX веков долгое время были документы, написанные на персидском и тюркском языках в среднеазиатских государствах. Большую

группу исторических документов по изучению данного периода также составляют публицистические источники и научные материалы, принадлежащие российским чиновникам, русским путешественникам и исследователям. В отечественной историографии существовал определенный дефицит письменных памятников «степного происхождения», т.е. автохтонных и аутентичных источников, в которых зафиксированы непосредственные факты, свидетельства и впечатления самих участников и очевидцев данных событий. В них содержится уникальная информация о изучаемой эпохе, стилистика и терминологические особенности более достоверно освещают исторические факты по периоду становления и формирования казахской государственности.

В Казахском ханстве, как и во всех постордынских государствах, все «коммуникативные функции традиционно выполняли облаченные властными prerogative выходцы из наследственной кочевой аристократии ақ сүйек (белая кость), которые периодически письменно обращались к нижестоящим в степной иерархии представителям кочевой знати қара сүйек (черная кость) и правящим монархам других государств с целью обеспечения злободневных общественных нужд и потребностей подвластного им населения, либо в интересах внешней безопасности» [1, с. 17].

Одной из причин отсутствия большого количества актов документов во внутреннем обращении является сложность иерархической системы управления в Казахском ханстве, функциональная универсальность полномочий правящей степной элиты, выполнявших широкие административные функции в своем регионе, нестабильность и изменчивость ситуации в Степи. Наиболее важные решения, социально-экономической, политической жизни принимались в Казахском ханстве на Курултае (всеобщем съезде) и озвучивались там же подвластному народу, далее устная традиция передачи информации эти решения распространяла на все роды и жузы. Таким образом, во внутренней жизни степная элита в большинстве жизненно важных проблем государства саморегу-

лировала их локально, не прибегая к излишней бюрократии и использованию делопроизводства и канцелярских практик.

В XV-XVI веках с развитием государственности необходимость в фиксации устных решений и распоряжений в письменной документации стала больше. Именно в этот период в казахском обществе возник среднеазиатский тюрки (тюркский язык), названный именем этноса «чагатайским языком». Омирбаев Е. пишет, что термин «чагатайский язык» используется в языкознании как синоним древне-узбекского языка и в письменных памятниках сохранены орфографические знаки и морфологические формы, присущие среднеазиатскому тюркскому языку, применявшегося для разъяснения среди тюркских народов - казахов, уйгуров, узбеков, татар, азербайджанцев и др. [2, с. 27].

В научной литературе более применим термин «среднеазиатский тюрки», «тюркско-чагатайский», что по сути является одним и тем же языком. В XVI-XIX веках среднеазиатский тюрки выполнял в Казахском ханстве функцию делопроизводственного языка и широко использовался в дипломатической переписке. Бейсембиев Т.К. пишет, что на чагатайском языке написан ярлык Тавакул-Мухаммед хана о назначении Кази баба казием и шайх-исламом в Сыгнаке от 1675-1676 года и письмо Тауке хана от 1693 года тобольскому воеводе А.Ф. Нарышкину написано на среднеазиатском фарси и переведено на тюрки [3, с. 564]. В XVI-XIX вв. большая часть из имеющихся в научном обороте писем, написана на тюркско-чагатайском языке, который был широко распространен и понятен грамотному населению всех среднеазиатских постордынских государств [3, с. 566]. Дарственные грамоты верховных правителей продолжали составляться как на уйгурском, так и на арабском письме. Казахский язык как разговорный был преимущественно распространен в разнообразных жанрах устного фольклора.

Параллельно формировался комплекс фольклорного наследия казахского народа, который представлял собой историко-литературные произведения представителей правящей элиты или членов их семей, мифо-лирические

произведения (дастаны, жыры, кисса и другие). Их авторы передали нам не только жанры и особенности литературного наследия Великой Степи, но и другую не менее важную историческую информацию. В некоторых случаях эта устная историография была отражена и зафиксирована в письменных трудах, которые представляют собой сборники исторических рассказов и выступают источниками степной устной историографии. Эти рассказы имели специальное название «кара соз» - «старое слово» [3, с. 567]. Но лучше передает содержание и форму данных источников термин «қария сөздері» в значении «знания о старине», который объединяет мифо-исторические знания, передаваемые носителями устной историологии, степными певцами (ақыны) и сказителями (жырау; сыншы). Артыкбаев Ж.О. пишет, что «Эти знания как особая форма литературного творчества и одновременно как суммарная историческая память в большей части передавались из поколения в поколение в устной форме. Общие контуры устного творчества включают в себя как целые циклы исторических преданий и легенд, так и широко популярные эпические поэмы, толгау (рапсодии), пословицы и поговорки, другие жанры народного фольклора, а иногда и какие-либо точные оценки тех или иных исторических и дополнения спектра новых источников по истории Казахстана необходимы различные подходы к изучению нарративных источников, позволяющих объективно раскрыть их внутреннее содержание» [4, с. 11].

Бейсембиев Т.К. утверждая, что «фиксация и передача устной степной историографии это историческое знание кочевников Дашт-и Кипчака, которое в постмонгольский период предстает уже выделившимся из общего знания кочевников в особую область – память самих субъектов истории о своем прошлом», указывает на особое значение данных источников для реконструкции исторических процессов. Особо важно для последующих источниковедческих исследований, что этот «вид знания не может быть определен как просто «устная традиция», «легенды» и «предания» или сведен к мифологии, или героическому эпосу поскольку сам этот фольклор питался степной устной историографией» [3, с. 567]. Автор правильно указывает, что основное отличие данного

комплекса источников от придворных хроник в том, что в них своеобразно переплетаются элементы степной устной и восточной письменной историографии.

Выявленные в архивах и рукописохранилищах письменные документы представляют собой новые группы источников называемые «историко-литературными», и к ним широко применяются методы лингвистического и филологического анализа. Имеющийся историко-литературный материал, собранный и систематизированный в конце XIX - начале XX века плеядой известных ученых источниковедов, тюркологов и востоковедов стал основой для ряда исторических исследований. Следовательно, данные источники по истории Казахского ханства следует изучать с широким использованием междисциплинарных и трансдисциплинарных стратегий. Они подразумевают анализ содержащихся в источниках лингвистических обозначений, опредмечивание и уточнение общих понятий, применение междисциплинарных методов, индуктивный анализ информации источников. Нарративный анализ как метод герменевтики и метод качественного анализа материала используется для выявления субъективных явных и не явных представлений о заданной проблеме. В явном содержании нарратива, анализируется представленная рассказчиком фактическая информация об исторических событиях. Нахождение способов более точных характеристик прошлого является основной задачей современного исследовательского научно-исторического нарратива.

Опыт изучения нарративных документов по истории отдельных стран имеет давние традиции, но до сих пор нет единого системного подхода к источниковедческому анализу корпуса документов данного плана. Традиционно принято деление всех письменных источников на две большие группы - исторические остатки и исторические традиции [5, с. 143]. К первой группе относят документы, в которых в форме юридических норм зафиксированы государственные постановления: договоры между государствами, государством и частными лицами, делопроизводственные материалы и другая документация, которая необходима для функционирования государственного механизма. Подав-

ляющая масса дипломатической корреспонденции и документы административного характера, которые в настоящее время хранятся в различных архивах, активно введена в научный оборот и изучена.

К историческим традициям относятся исторические труды, летописи, сказания, книги описания путешествий, воспоминания, письма, литературные произведения, источники повествовательного характера, в которых исторический факт отражается непосредственно. В противоположность составлению письма или ведению протокольных записей создание книги всегда связано с большими затратами усилий [6, с. 55]. Поэтому, по сути дела, невозможно отделять историографию от литературы, и даже проводить четкую границу между историографией и беллетристикой, между научной и художественной литературой. Существует много хроник-поэм, стихотворные хроники, а также исторические труды в прозе часто написанные в стиле, отражающем художественное видение авторов. Несмотря на то, что деление источников на исторические остатки и исторические традиции весьма условно, следует признать, что между ними существуют значительные отличия. Это влияет на методику и методы научной критики, обработки и анализа источников. В большей степени исторические остатки становятся предметом изучения специалистов-историков, а исторические традиции больше освоены филологами и лингвистами.

В отечественной историографии историками более изучены генеалогические предания - шежире, активно изучаемое в последнее время в отечественной историографии Алпысбес М., Артыкбаевым Ж.О. и др. Но помимо данной группы источников широко представлены историко-литературные произведения. Востоковед Алекторов А.Е. в работе «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах», включающий в себя библиографические указатели и аннотации к газетным и журнальным статьям, указывает на необходимость изучения казахских рукописей [7, с. 40]. В своем труде, представляющем огромную ценность для источниковедения и историографии Казахстана, он приводит публикацию в издании «Заволжский муравей» от 1832 года перевода на русский язык письма Жангир-хана к

профессору Казанского университета Фуксу К.Ф. [8, с. 345]. Также определенный интерес представляет публикация автора Сыздыкова М. в «Известиях общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» киргизской рукописи, содержащей две песни о гибели от рук своих братьев молодого султана, за свои личные достижения обратившего на себя внимание русского правительства. Жена погибшего султана, которая принадлежит написание данных песен, благодарит губернатора за то, что он праведным судом назначил кун в размере 2000 рублей [8, с. 827]. Много сведений в библиографическом указателе Алекторова А.Е. о казахских преданиях, сказках, эпических былинах и т.д.

Еще одним из вновь обнаруженных документов нарративного характера является рукопись по мусульманской теологии, оригинал которой хранится в Национальной библиотеке Парижа. Рукопись (трактат) датируется началом XVI века (1501-1515 гг.), написана на тюркском языке (кыпчакский диалект), почерком насталик. Состоит из семи разделов, поделенных на семьдесят одну главу, и заключение; каждый из них посвящен объяснению отрывков из священного Корана и иллюстрирован одним или несколькими рассказами, относящимися к священным персонажам Ислама. Объем рукописи составляет 193 листа, листы размером 21×14 сантиметров. Первая и последняя страница документа отсутствуют [9]. Данное произведение было издано литографическим способом дважды, первый раз в Бомбее Индия в 1263 году лунной хиджры, т.е. 1847 г, и тегеранское издание 1855 года. Отдельные страницы копии были объединены и сшиты единым блоком с использованием хлопковой нити. На обложку также была нанесена специальная батистовая ткань с использованием картонной бумаги и натуральной кожи насыщенного зеленого цвета.

На лицевой стороне 2-го листа указано, что данный трактат посвящен Айше султан ханым-бегим дочери правителя Тимуридов Султана Хусейна Мирзы (Хусайн Байкара), которая в конце XV века вышла замуж за узбекско-казахского султана Касыма Жахангира (Касым хан). Рукопись хранилась в личной библиотеке Айши султан ханым-бегим. Книга дошла до Индии через

Тимуридов, бежавших из Центральной Азии после прибытия Шайбанидов в Мавераннахр и была приобретена в XIX веке Национальной библиотекой Франции. В книге персидского автора Хондемира «Хабиб ас-сийар», являющегося источником по истории Ирана и сопредельных стран с конца XV в. до начала XVI века, можно встретить сведения по истории дипломатических взаимоотношений между Касым ханом и Хусейном Байкара, а также предполагаемую дату свадьбы Касым хана и Айши Бегим [9].

В отделе Востоковедения научной библиотеки Санкт-Петербургского университета в Российской Федерации в списке под № 493 хранится сборник поэтов сказителей - мастеров айтыса - эпическая былина «Адиль султан». По жанру его можно поставить в один ряд с историческими произведениями «Сборник летописей» Кадыргали Жалаири, «Чингиснаме» Утемиш-хаджи [10, с. 56]. Книга рукописей состоит из 65 листов или же 130 страниц, написана без заголовка, первый лист второй страницы сразу же открывается с былины - песни-рассказа в стихах. Текст написан чернилами красного цвета, отдельные тексты объединены внутренним единым содержанием. Первые 8 листов содержат рассказы в стихах, с 8 по 13 лист изложена эпическая былина о Адиль султани. Произведение начинается с толкование сна, увиденного женой султана и заканчивается прощальной песнью о соблазнах жизни самого султана, заточенного за решетку. Объемный пример благословения приведен в теме под названием «Фатиха. То есть они, казахи говорят благословение» и написан красными чернилами на 14-18 листах. 19 лист оставлен чистым и подписан со второй стороны как «Киргизо-казахские стихотворения» и до конца рукописи содержит стихотворения, основанные на бытовых мотивах, айтысы, поэтические состязания, шуточные припевы и песни. Последние два из трех частей заканчиваются словами «*tamam tamam*». В этот период много встречается аналогичных рукописей на персидском языке, так называемых «шигр диггер», «шигр пәнжум», «шигр сийум», «шигр чаһарум» [10, с. 30].

Так как в рассказах сохранены точные датировки, можно утверждать, что они относятся к XVI веку. Правильно предположить, что распространившиеся

устно в XVI–XVII веках рассказы, эпические былины, дастаны одновременно распространялись и в письменном варианте [11, с.148]. Тексты всех названных нарративных документов достоверно интерпретируют мысли и размышления своего времени, сохранив уникальные свидетельства об эпохе, и несомненно, представляют интерес не только как литературный, но и ценный исторический источник.

Изучение письменных документов не может быть полноценным без сопоставления и анализа аналогичных источников степной устной историологии. Комплексное изучение их позволит реконструировать историческое значение как феномен духовного уровня развития кочевой культуры. Наряду с достаточно хорошо изученной письменной восточной историографией как продукта культуры оседлых народов, устная степная историография должна стать предметом специального исследования. Кроме того, в большинстве арабских, персидских, тюркских и других исторических сочинений, написанных до XIX века, могут быть выявлены значительные отрывки, восходящие к устной историографии или выступающие ее прямой фиксацией. Наиболее изученными является генеалогия -шежире. Но это лишь незначительная часть пласта мифо-эпических произведений и устной историографии. Необходимы различные подходы к изучению нарративных источников, позволяющих раскрыть их содержание. Нарративный источник представляет собой реальный объект для познания исторических процессов и уникальной творческой личности как явлений отечественной культуры [12, с. 48].

Изучение исторических документов и письменных артефактов правителей и представителей степной знати средневековых государств Казахстана и Средней Азии находится в отечественной историографии все еще на начальной стадии. Поэтому важны новые источники, которые выявляются в результате поисков в архивах и рукописохранилищах сопредельных стран СНГ и фондах зарубежных архивов и библиотек. Все данные источники нужно объединять в единый комплекс, называемый нарративными документами. При изучении необходимо применять к ним методы междисциплинарных и

трансдисциплинарных исследований на стыке истории и филологии, туркологии и востоковедения, просопографии. Эти источники (исторические поэмы, оды, дастаны т.п.), рассмотренные сквозь призму историзма, могут освещать духовную жизнь общества, общественное настроение, отношение к социально-политическим процессам, происходящим в государстве. Увеличение количества обработанных, проанализированных и систематизированных нарративных источников создаст новый исторический фон по всему периоду истории Казахского государства. Наиболее ярким свидетельством является письменный нарратив периода «Зар заман», которые по сути являясь литературными произведениями, дали название отдельному историческому периоду.

Понятие нарративные документы следует трактовать многозначно: с одной стороны, под ним подразумеваются документы, предоставляющие какие-либо права и служащие доказательством наличия таких прав, деловые и служебные записи и т.д. С другой стороны, к ним следует отнести все источники эпистолярного жанра в виде историко-литературных источников - письма, хвалебные оды, эпические былины, теологические сочинения, хроники, сказания, мемуары, памфлеты, несущие информацию о том или ином событии или процессе. При отборе документов, важно учитывать принадлежность их казахским правителям, членам их семей, представителям кочевой аристократии. Это вполне коррелируется с фактом, что адресатами средневековых источников были представители степной знати, традиционно выполнявшие все коммуникативные общественные функции.

Одной из многочисленных причин научного взаимодействия в сфере междисциплинарных исследований является необходимость изучения письменного и устного наследия, которое формировалось и создавалось в золотоордынских и постордынских государствах. Необходимо формирование общих методологических позиций и концептуальных переосмыслений, позволяющих координировать совместные филолого-исторические и тюркологические исследования. Изучение письменных документов не может

быть полноценным без сопоставления и анализа аналогичных источников степной устной историологии. Комплексное изучение их позволит реконструировать историческое значение как феномен духовного уровня развития кочевой культуры.

Список литературы:

1. Ерофеева И.В. Письма казахских правителей. 1675-1780 гг. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675-1821 годов / Ерофеева И.В.– Алматы: «АБДИ Компани», 2014.– 692 с.
2. Омирбаев Е. Исследование письменных памятников времен правления Казахского ханства / Омирбаев Е. // Туркология. – 2015. – № 1. – С. 24-34
3. Бейсембиев Т.К. Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и среднеазиатский фарси - письменные языки Казахского ханства / Proceedings of the international conference in the memory of Timyr Beisembiev Islamic Civilization in the Great Steppe (2017: Almaty, Kazakhstan). – Istanbul: Research Centre for Islamic History, Art and Culture, 2022. - С. 559-580
4. Артыкбаев Ж.О. Рассказ о Домбауыле из племени Кият (опыт интерпретации мифа). Nomadic civilization: historical research. 2021; 1(1): 9-23. <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2021-1-1-9-23>
5. Каштанов С.М. Предмет, задачи и методы дипломатики / Каштанов С.М. // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. – М. 1969. – СС. 134-170.
6. Хвостова К.В. Современный исторический нарратив / Хвостова К.В // Вопросы философии. – 2018. – № 2. – С.50-61
7. Отепова Г.Е., Алиясова В.Н., Ильясова А.С., Сомонжуноглы А. Обзор русских источников по истории Казахстана XVIII-начала XX века. // Вестник Карагандинского университета. Серия История.Философия. – 2018. – 4 (92). – С.38-45
8. Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах / А. Е. Алекторов. – Казань, 1900. – 969 с.

9. Найдена семейная рукопись казахского хана Касыма [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://altyn-orda.kz/najdena-semejnyaya-rukopis-kazahskogo-hana-kasyma/>

10. Исин А.И. Эпичная песнь справедливый султан / Исин А.И. – Алматы, 2001

11. Урманче Ф.И. Тюркский героический эпос: сравнительно-исторические очерки. / Фатых Ибрагимович Урманче. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – 448 с.

12. Прокопьева И.В. Нарративный источник как явление культуры / Прокопьева И.В. // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2011. – № 3. – С. 43-53.

Сведения об авторе:

Картова Зауре Кенесовна – кандидат исторических наук, декан факультета истории, экономики и права Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева. Адрес: 150000, Казахстан, г. Петропавловск, ул. Пушкина, 86. Тел.: +7 (701) 422-90-03. Эл. адрес: kartov_m@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5702-8838>

УДК. Тадж...9+902+(575.3)+908

Одинаев Н.А.

Таджикский государственный педагогический университет имени Садриддина

Айни, Душанбе (Таджикистан)

Odinaev N.A.

Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Aini, Dushanbe (Tajikistan)

**ИНФОРМАЦИЯ О ПОЯВЛЕНИЕ И СУЩЕСТВОВАНИЕ
ТЮРКО-КАРЛУКСКИЙ И ТАДЖИКО-ПЕРСИДСКИЙ ГОСУДАРСТВО
САСАНИДОВ ДО ГУРИДОВ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИБН АСИРА
«АЛ-КАМИЛ ФИТ-ТАЪРИХ» И ДРУГИЕ СОВРЕМЕННЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Аннотация: “Ал-Камил фит-тарих” Ибн Асира является одним из известных исторических произведений в мире и содержит большой объем информации. В этой работе, а также в исторических и современных писмах можно увидеть тюркские карлукские, персидские и таджикские народы и государства, такие как Сасанидское, Тюркское Каганати, Эфталидское (Хайталидское), Тахиридское, Саффаридское, Саманидское, Караханидское, Газнавидское, Селчукидское и Гуридское государства. Эти государства и народы жили в Средней Азии и вокруг него.

Ключевые слова: Ибн Асир, “Аль-Камиль”, история, источник, Сасаниды, Тюркское Каганати, Эфталиды (Хайталиды), Тахириды, Саффарины, Саманиды, Караханиды, Газневиды, Селчукиды, Гуриды, государства.

**INFORMATION ABOUT THE EMERGENCE AND EXISTENCE OF
THE TURKIC-KARLUK AND TAJIK-PERSIAN STATE OF THE SASANIDS
BEFORE THE GURIDS ACCORDING TO THE WORK OF IBN ASIR
“AL-KAMIL FIT-TARIH” AND OTHER MODERN HISTORICAL WORKS**

Annotation: Ibn Asir, “Al-Kamil”, history, Sasanid, Turkic Khaghans, Eftalid, Takhid, Samanid, Karakhanid, Geznevid, Selchukid and Gurid These states and nationalities lived in Central Asia and around it.

Keywords: Ibn Asir, “Al-Kamil”, history, historical, Sasanid, Turkic Khaghans, Eftalid, Takhid, Samanid, Karakhanid, Geznevid, Selchukid and Gurid. States.

Историко-географические произведения арабо-персидские народности ещё с середины VIII-IX веков начиная до XII-XIII в, достигли большие успехи. Информация таких источников играли очень важную роль о появлении истории народов Центральной Азии, в том числе тюрко-карлуков и таджико-персидский и прилегающим к ним соседних народов.

Большую роль в этом сыграл произведение Ибн Асира “Ал-Камил фит-таърих” и другие источники великих тварителей истории как: Мухаммед Авфи, Низамулмул, Байхакй, Чузчони, Махмуд Кашгари и другие.[21:1-64]

Государственное правление этих народов Центральной Азии были похожи на таких великих государств как: Сасаниды, Тюркский Каганати, Тахириди, Саффарида, Саманиды, Караханиды, Газневиды, Селчукиды и Гуриди где жили разные народности: карлуки, туркмени, киргизы, казахи и узбеки, а также персидские национальности: иранцы, таджики, курды и вели своеобразные образ жизни.

Об источниках и других современных научных произведениях,[25:60] стало ясно о правление Сасанидов от 222-224 г до 651 г в Центральной Азии, где государом был Хусрав 1-Анушерван. В поледство стало ясно, союз между тюрков и сасанидов привсло к подение государстто Эфталиди.[2:11] И ее снавйи Хурмуз, Парвиз и други.

Один из влиятельных тюрков был Ашин и его внук Тумин-Бумин в 551 веки называл себя правителем тюрков.[4:255 и 23.42-43] Впервые правительство тюрков создавался в Чач (Ташкент) в второй половине VI-века, где правителем стал Истами-Ябгу Каган.[2:31]

Правление тюрков-каганати починался с 551-552 до 603 веков, а потом разделился на две группии, восточно тюркский с 603 до 744 и западно тюркский с 603 до 742 века.[2:28-89 и 13:143] Ябгу являлся одним из правителем карлюков. Язык карлуков, как известно из истарических источников являлся, язык-ябгу.[15:3.27] Основным языком тюркских народности являлся язык карлуков, где был похож также не язык уйгуров.[12:15.133]

Одним большим государством являлся Тахириде, где государом был Тахир ибн Гусейн. Они правили государством в середины 821-873 века и жили на территории Хурасан и Маверауннахр, где столицом считался Нишапур.[3:130 и 14:6.414] 809-813гада Мухамеда Газзали.[18:99] Ин научных источников средних веков и современных историков Г. Гаиров стало ясно, что последним правителем Тахириди был Мухаммед ибн Тахир в Нишапуре и был пленён со

стороны Якуб Саффари и стало ясно о конце правления Тахиридов.[4:223 и 20:7.195]

Во время правления Тахиридов рядом с арабским языком, также персидский язык занял очень видное и влиятельное значение, где в Мерве был библиотека, в котором сохранились произведения на язык-пехлеви. Но во времена правления Сафаринов ещё лучше стало изучение, и влияния персидского языка. Основоположником слов государством сафаринов, изучая исторических научных трудов Б. Гафурова являлся Якуб ибн Лайс, который правил с 873-903 годов.[7:376-378]

Основа государство Саманидов берёт начало от Саман-Саманхуад, правителем одного из провинции.[11:156] Ибн ал-Асир считал это государство в подчинении Балха и Самарканда.[14:7.279] Государство Саманидов являлся основоположником таджикско-персидского языка.[24:49] Правителем династии Саманидов был Нурмухамед Амиршахи, тот правил государством от 899 до 999 годов, где в состав этом династии вошли населения Маверауннахр и Хурасан со столицей Бухара.[3:272]

По данным Ибн ал-Асира и Карим Шаниязов государство Караханидов существовал от 840 до 1212 годов.[28:212] Они правили этим династием 372 лет, и потом разделились на две группы.[5:111] В основном они считались тюрко-карлуков, где основателем считался султан Алауддин Мухамед Хорезмшах. Во время правления Хорезмшах карлуки преследовались и они вынуждены были спастись от погрома и переселились в долины хафтруд-йеттисув (семиречья).[164 и 17:1.301-302] Впоследствии со стороны Хорезмшаха был пойман и казнён правитель карлуков Усман Улуг Султан (Оман Великий Султан). Таким образом был и считался концом правлением династии карлуков.

Другим тюркским государством являлись Газневиды, где правителем считался династии Алптегина и Сабуктегина. По данным историков, впервые был основан это династии со старобин Алптегина. Во время правления

Сабуктегина этой династии стали времена снада государство.[27:1.203 и 19:95-188]

Другим государством того времени являлись династии Салчуки. Основателем был Султан Туграрбек Мухаммед и его брат Чугробек Давид. У Саочука были три сына: Арслан, Микаил и Муса. Салчук умер тогда-когда ему был 67 лет.[14:9.475] Историки характеризуют Султана Санджара самым великим правителем Салчуков.[14:11.81-222, 1:83.114 ва 121-217] Он правил государством с 1118 до 1153, 1157 годов.[25:34-36 ва 20:60-69] Султан Санджар разделил салчуков таким образом:

Султан Санджар умер когда ему исполнилось 73 года, 26 апреля 1157 года в Мерве, и там-же был похоронен. Родился он в 1086 или 1087 годов по данным историков, и правил он провинции Хурасан.[25:34-36 ва 20:60-69]

Великие Салчуки

Иракские Салчуки

Римские Салчуки

Шамские Салчуки

Кирманские Салчуки.[20:68]

Государство Гуриди. Одним из династии, которые жили в Центральной Азии и основали своё правительство были Гуриди. По данным историков они правили государством между 1147-1215[20:137] или 1149-1215[3:435] годов, где в их состав входили территории Мавероуннахр западный, север Индии с центром Фирузкух и являлись таджиками.[3:435] Основателем этой династии считался Шинасб ибн Хурнак, где правили горные местности Харируд, который занимал огромные территории, начиная от Герата до Бамиян и также Кабула и Газна.[25:137 ва 20:71] Тогда правителем был Гиясиддин Гури. Он правил с 1163-1203 годов. Во время правления Муизиддина и междоусобной барьбы, а также нападением Хорезмшаха пал государство гуридов.[25:136-137 ва 20:71-72] Это было в 1215 год.

Список литературы:

1. Агаджанов С. Г. Государство Селджукидов и Средняя Азия в XI – XII вв. – М.: “Наука”, 1991. – С. 121 то 217.
2. Азимхўжа Отахўжаев. Илк ўрта асрлар марказий осие цивилизациясида турк-суғд муносибатлари. Тошкент, 2010 м. С, 31.
3. Амиршоҳӣ Н. Мураттиб. Давлатдории тоҷикон дар асрҳои IX-XIV. Душанбе, с 1999, саҳ. 435.
4. Ахмадали Аскарров. Ўзбек халқининг келиб чиқиш таърихи. Тошкент, 2015м. С, 255.
5. Байхакӣ Абулфазл Муҳаммад. Таҳияи матн Сайфуллоҳи Муллоҷон. Таърихи Байҳақи. Душанбе “Бухоро”, -2014 м. С, 111.
6. Бобоёров Ғ. Ғарбӣ турк хоқонлигининг тангалари. – 2007. № 1. С, 24-25.
7. Бободжан Ғафуров. Тоҷикон таърихи қадимтарин, қадим, асри миёна ва давраи нав. Душанбе “Нашриёти муосир”, 2020. 976 Саҳ.
8. Буниятова З.М. – М. “Наука”, 1980 мелодӣ. Стр, 83 то 114.
9. Буряков Ю. Ф. К истории раннесредневекового Чача. – 2002. №3. Стр, 10-11.
10. Ғолиб Ғоибов. Таърихи Хатлон аз оғоз то имрӯз. Душанбе-Дониш, 2006. 907 саҳ.
11. Давлатзода Д. Мусулмонон таърихи воқеии инқишоф ва таназзул. – Душанбе “ЭР-граф”, 2017. С, 156.
12. Доиратул маорифи бузурги исломӣ. Зери назари Муҳаммад Козим Мусави Бичнурдӣ. Техрон, 1387 ҳ ш. Қ, 15. С, 133.
13. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964. – С. 143.
14. Ибни Асир. Ал-камил фит-таърих. Дор ус-Содир, Лубнон-Берут, 1979 м\1399 ҳ. Қ, 9. С, 473.

15. Махмуд Кошгарӣ. Тарҷума ва ба нашр тайёр кардааст номзади илмҳои филологӣ Солеҳ Муталлибов. Девони луғоти турк. Тошканд, 1960-1963-и м. Ҷ, 3. С, 27.
16. Мукминова Р. Г. Филанович М. И. Ташкент на перекрёстке истории. – Ташкент: Фан, 2001. С, 6.
17. Мухаммед Авфии Бухорой. “Лубоб ул-Албоб”. Лийдан-Брил, 1906 м, 1324 х, к. Ҷ, 1. С, 301.
18. Мухаммед Ғаззоӣ. Насихат-ул-мулук. – Душанбе: “Ирфон”, 2011. Саҳ, 99.
19. Низомулмулк Тӯсӣ. Баргардон, А. Девонақулов. “Сиёсатнома”. Душанбе, 1989. С, 95 ва 188.
20. Неъматов Н, Амиршоҳӣ Н, Мирбобоев А ва Пирумшоев Ҳ. Таърихи Халқи Тоҷик. Душанбе, “Сарпараст” ва “Ношир”, 2008. – с 71.
21. Одинаев Н. Сарчашмаиносӣ. Душанбе “Ирфон”, 2023. 64 саҳ.
22. Радлов В. В. Атлас древней Монголии \ \ Тр. Орханской экспедиции – СПб., 1892-1899гг.
23. Рахмонов Н. Турк хоқонлиги. – Т.: 1993м. С, 42-43.
24. Сомониён ва эҳёи тамаддуни форсии тоҷикӣ. Зери назари, Раҳим Масов. Душанбе “Пайванд”, 1998. С. 49.
25. Ҳотамов Н, Довудӣ Д, Муллоҷонов С ва Исоматов М. Таърихи Халқи Тоҷик. Душанбе, 2019. С, 136-137.
26. Ҷузҷонӣ. Табақоти Носирӣ. Кобуд, 1342 х.ш.
27. Шамсутдинов Р, Каримов Ш ва Ҳошимов С. Ватан тарихи. 2, Ҷилд.
28. Шаниязов Карим Шаниязович. Государство Карлуков и карлуки. Душанбе, 2016. 212 стр.

Сведения об авторе: Одинаев Наим Абдулхафизович – Таджикский государственный педагогический университет имени Садриддина Айни, соискатель кафедры истории таджикского народа. Адрес 734003, город Душанбе, проспект Рудаки 121. Тел: (+992)501850188, G-mail: odinaevnaim760@gmail.com

УДК:4 940.5:958:327.7

Омурова Ж. О.

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек
(Кыргызстан)

Omurova J.O.

Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

Шаршенбек кызы А.

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек
(Кыргызстан)

Sharsenbek kyzy Auperi

Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

Каулбекова Р.А.

Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек
(Кыргызстан)

Kaulbekova R.A.

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

ВОЗРОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ: КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КИТАЯ С КЫРГЫЗСТАНОМ

Аннотация: Данная статья посвящена анализу культурной интеграции Китая и Кыргызстана в контексте возрождения Великого Шёлкового пути. Рассматриваются основные направления гуманитарного сотрудничества двух стран, реализуемые в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Особое внимание уделяется современным формам культурного взаимодействия — таким как совместные фестивали, образовательные программы, проекты по сохранению исторического наследия и др. Отмечается, что Великий Шёлковый путь в XXI веке становится не только экономическим, но и гуманитарным мостом, укрепляющим добрососедские отношения между Китаем и Кыргызстаном.

Ключевые слова: Кыргызстан, Китай, Шелковый путь, интеграция, культура.

REVIVAL OF THE GREAT SILK ROAD: CULTURAL INTEGRATION OF CHINA WITH KYRGYZSTAN

Abstract: This article is devoted to the analysis of the cultural integration of China and Kyrgyzstan in the context of the revival of the Great Silk Road. The main areas of humanitarian cooperation between the two countries, implemented within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), are considered. Particular attention is paid to modern forms of cultural interaction - such as joint festivals, educational programs, projects to preserve historical heritage, etc. It is noted that the Great Silk Road in the 21st century is becoming not only an economic, but also a humanitarian bridge, strengthening good-neighborly relations between China and Kyrgyzstan.

Keywords: Kyrgyzstan, China, Silk Road, integration, culture.

В условиях глобализации и растущей взаимозависимости государств гуманитарно-культурное сотрудничество приобретает всё большее значение как инструмент укрепления международных отношений. Особую актуальность это направление приобретает для стран Центральной Азии, в том числе для Кыргызстана, который играет важную роль в региональных инициативах Китая. Одной из таких инициатив выступает концепция «Возрождение великого шелкового пути», которая в последние годы стала не только символом торгово-экономического взаимодействия, но и мощным механизмом культурного сближения.

Упоминание данной инициативы в контексте гуманитарного и культурного сотрудничества не случайно. Концепция «Шёлкового пути» стала важной составляющей современной внешней политики КНР и одним из ключевых инструментов её публичной дипломатии. Под её эгидой реализуются многочисленные культурные, образовательные и исследовательские проекты, направленные на углубление гуманитарных связей между Китаем и странами Центральной Азии.

Кыргызстан, как одно из звеньев исторического Шёлкового пути, активно включается в современные процессы культурного взаимодействия. Совместные

фестивали, выставки, проекты в сфере сохранения общего исторического наследия способствуют не только развитию двухсторонних и многосторонних отношений, но и формированию устойчивого культурного диалога.

За прошедший период Китаю удалось сформировать прочную нормативно-правовую базу сотрудничества с Кыргызстаном. Что касается вопросов культурного, гуманитарного и спортивного сотрудничества, то они регулировались соглашениями на уровне профильных министерств и межправительственных договоренностей, - в течение 90-х годов XX века было подписано около 10 подобных документов [1]. В дальнейшем развитие культурно-гуманитарного взаимодействия происходило также на основании Программы сотрудничества между КР и КНР на 2004-2014 годы [2], которая акцентировала усилия сторон на развитии научно-технических связей, укреплении культурных и социальных контактов, активизации туризма.

В 2013 и 2014 гг. Кыргызстан и Китай приняли декларации об установлении и дальнейшем развитии отношений стратегического партнерства, а в 2018 г. была подписана Совместная декларация об установлении всестороннего стратегического партнерства [3]. При этом совершенствование нормативно-правового обеспечения двусторонних отношений продолжается, приобретая новое качество. Так, по итогам переговоров в рамках официального визита Председателя КНР Си Цзиньпина, летом 2019 г., была утверждена Декларация об укреплении всестороннего стратегического партнерства, которой сопутствовало заключение еще порядка 20 соглашений и меморандумов, преимущественно касавшихся материально-технического сотрудничества и экономической кооперации [4].

За период с 1992 по 2006 гг. сторонами подписан ряд двусторонних документов, нацеленных на развитие сотрудничества в области культуры, науки и образования. Китай стал первой страной из дальнего зарубежья, с кем Кыргызстан подписал в 2002 г. Соглашение о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях. В сентябре 2002 г. был создан первый в Центральной Азии Центр китайского языка при Бишкекском государственном

университете им.К.Карасаева. В феврале 2004 г. при БГУ им.К. Карасаева открылся кыргызско-китайский факультет [5, с. 49].

Под эгидой празднования Года кыргызской государственности группой китайских ученых Академии общественных наук СУАР КНР был осуществлен научный проект по исследованию истории кыргызов по древним китайским архивам. В июле 2004 г. была издана книга "Об истории кыргызов по древнекитайским источникам" на кыргызском языке общим тиражом 1500 экземпляров. В 2004 г. в Китае был издан эпос «Манас» в версии известного манасчи Джусупа Мамайя на кыргызском языке общим тиражом 1000 экземпляров, а также перевод на китайский язык и издание в Пекине книги «Горная царица Курманджан и ее время». 10 декабря 2005 года кыргызский документальный фильм «Алып качу» («Умыкание невесты») получил награду «Высший почет» на Китайском международном конкурсе документальных фильмов в Гуанчжоу. Следует отметить, что кыргызские фильмы впервые добивались такого успеха на кино-конкурсах, проводимых в КНР [5, с. 50].

Культурное сотрудничество Кыргызстана с Китаем осуществляется не только в двустороннем, но и в многостороннем направлении через международные организации. В рамках ШОС, одной из организаций, имеющих особую репутацию на евразийском пространстве и идущих по пути всестороннего развития, хорошо налажено сотрудничество в вышеуказанном направлении. С момента образования организации одним из ключевых направлений сотрудничества заявлена культурно-гуманитарная. С образования Экспертной рабочей группы ШОС организация организовала несколько мероприятий по данному сотрудничеству. Наиболее значимыми и масштабными мероприятиями ШОС в сфере культурно-гуманитарного сотрудничества являются: фестивали искусств, Иссык-Кульские спортивные игры [6., с. 21-22], выставка "Дети рисуют сказки", и международный музыкальный фестиваль "Восточные мелодии" [7, с. 122.], музыкальные вечера «Девять волшебных нот» с выступлениями известных пианистов государств-членов [8], проект «Шёлковый путь: сеть маршрутов Чанъань – Тянь-Шаньского коридора» [9, с. 35-36], спортивные марафоны и

«Дни культуры».

Фестивали искусств государств-членов начались ежегодно проводиться с 2005 года, после заседания глав правительств государств-членов, состоявшегося в городе Москва [10, с.135.]. С 15–19 июня 2006 года в г. Шанхае (КНР) состоялся Второй фестиваль искусств государств - членов ШОС и гала-концерт по случаю 5-летнего юбилея Организации с участием Глав государств - членов ШОС. В нем приняли участие творческие коллективы из Китая, Казахстана, Кыргызстана, России, Узбекистана, Таджикистана, а также коллективы стран наблюдателей ШОС. От кыргызской стороны в фестивале приняли участие Государственный ансамбль танца «Ак марал» (25 чел.), фольклорный ансамбль «Камбаркан» (10 чел.), группа «Энесай» (4 чел.). народные артисты К. Турапов, Б. Шатенов, С. Садыкова. В рамках фестиваля состоялись официальные встречи г-жи Мон Сноси, заместителя министра культуры КНР с министрами культуры государств - членов ШОС. [11, с. 150–151].

В рамках ШОС культурное сотрудничество между государствами-членами получает системную поддержку. Ежегодно министры культуры стран-участниц ШОС инициируют и координируют проведение культурных мероприятий на национальном и региональном уровнях, чередуя площадки в разных странах. Эти инициативы включают фестивали, выставки, форумы и обмены, способствующие углублению взаимопонимания и укреплению гуманитарных связей. В 2007 году было подписано межправительственное Соглашение о сотрудничестве в культуре, выполнявшееся через реализацию Спланированных мероприятий — фестивалей, форумов, академических конференций, арт-кампов и музейных проектов.

Одним из наиболее значимыми мероприятиями двустороннего сотрудничества Кыргызстана с Китаем в рамках ШОС в сфере культуры являются «Дни культуры». В ходе третьего международного фестиваля искусств стран-участниц ШОС 17 августа 2007 года в кыргызской национальной филармонии имени Т. Сатылганова состоялись официальное открытие дня культуры КНР в КР и концерт мастеров искусств КНР. В ходе

фестиваля были параллельно подготовлены концертные программы для исполнения в госрезиденции во время приема председателя КНР Ху Цзиньтао [12, с. 231–233]. А дни культуры КР в Китае проходили в 2008 [13] и 2016 гг. В 2016 году Дни культуры Кыргызстана в Китае проводились в рамках празднования 25-летия независимости КР, а также в целях реализации Программы сотрудничества между Министерством культуры, информации и туризма КР и Министерством культуры КНР на 2016–2019 годы [14]. Следует отметить, фестивали искусств и дни культуры стран-участниц до сегодняшнего дня ежегодно успешно проводятся и являются неотъемлемой частью развития культурных взаимоотношений между Кыргызстаном и Китаем.

В сотрудничестве Кыргызстана с Китаем в рамках ШОС в целях возрождения Великого Шелкового пути кыргызская сторона выдвигала множество проектов культурного характера. Фестиваль – марафон «МИСС - Великий Шелковый путь» в 2005 году в Кыргызстане во имя мира на земле и по возрождению выдвигал культурный центр «Гун» фестиваль-марафон. Цель фестиваля - сближение народов и государств Шелкового пути через культуру, торговлю, туризм и спорт, а также улучшение взаимотерпимости, взаимопомощи, взаимопонимания, духовного, морального и материального благосостояния всего человечества. Фестиваль красоты, искусства, торговли и спорта проводился впервые в истории мировой практики. А в 2006 году культурный центр «Гун» под эгидой Великого Шелкового Пути организовал симпозиум «Гун и возрождение Великого Шелкового Пути», куда были приглашены все заинтересованные ученые и историки со всего мира [15].

А также ежегодно проводится ШОС-милитарий музыкальный фестиваль (SCO Military Tattoo): представления военных оркестров из стран-участниц (и наблюдателей) как инструмент культурной дипломатии. 12 июля 2024 в Витебске (Беларусь): сопровождалась Международным фестивалем искусств «Славянский базар», где министры культуры обменялись инициативами и обсудили углубление культурных механизмов внутри ШОС [16]. В 2024 году страны ШОС утвердили «Календарь культурных обменов» и расширили действие про-

граммы «Культурной столицы» — например, Алма-Ата (2023–2024), затем Циндао (2024–2025) и номинация Чолпон-Аты (2025–2026) [17].

Также не менее важнейшим культурным проектом, которого учредила группа кыргызских журналистов в целях возрождения Великого Шелкового пути, является международная информационно-рекламная газета «Планета Шелковый путь». Первый номер газеты на русском и китайском языках выпустили к открытию саммита ШОС в Бишкеке. Главным редактором был известный журналист, политический деятель Э. Окумалиев и была организована китайская редакция во главе с известным профессором, гражданином КНР Макелек Омурбаем [18]. Редакторы полагали, что выход газеты «Планета Шелковый путь» как проявление частной инициативы в поддержку межгосударственного сотрудничества в рамках ШОС будет положительно воспринят и партнерами Кыргызстана по ШОС. Но, в связи с финансовыми затруднениями газета прекратила выпуск после первого номера издания.

С 2015 года в Бишкеке издается газета “Культурное развитие Шелкового пути” на кыргызском, русском и китайском языках, финансируемая Китайской Народной Республикой. Газета позиционируется как символ китайско-кыргызской дружбы и является важной новостной платформой для экономического и гуманитарного взаимодействия между Китаем и Кыргызстаном. Она выходит еженедельно тиражом двадцать тысяч экземпляров на кыргызском, русском и четыре тысячи экземпляров на китайском языках [19, с. 100.].

В рамках культурной деятельности на территориях стран успешно проводятся разные мероприятия, такие как: Международный фестиваль искусств «Шелковый путь» в Китайской Народной Республике [20], Кыргызстанский культурный проект Silk Road Fest [21], спортивный Иссык-Кульский марафон «Шелковый путь» (Run the Silk Road) [22] и международная горная велогонка «Шелковый путь» (Silk Road Mountain Race) по горным тропам Кыргызстана [23], которые создают возможность расширения культурного обмена среди народов Шелкового пути и содействуют укреплению дружбы и добрососедства. Спортивный марафон «Run the Silk Road» ежегодно с 2022

года, а велогонка «Silk Road Mountain Race» с 2024 года проводятся при поддержке Культурно-интеграционного центра (КИЦ) ШОС в Кыргызской Республике.

В качестве первых проектов КИЦ предлагались реализовать проекты «Международный караван культурного пояса Шёлкового пути» и «Международные спортивные игры стран ШОС и Шёлкового пути» путём расширения формата и масштаба существующих Иссык-Кульских спортивных игр и превращения их в одно из самых крупных спортивных событий стран ШОС и Шёлкового пути[24]. Реализация проектов такого высокого уровня позволит Кыргызской Республике стать центром масштабных международных инициатив культурной интеграции стран ШОС и Шелкового пути. Культурное наследие Великого Шелкового пути богато, включает в себя разнообразие национальных культур, духовное и другое богатство [25, с. 143]. Все это служит прекрасной почвой для культурного сотрудничества.

Таким образом, Шёлковый путь сегодня — это не только экономическая инициатива, но и значимая гуманитарная платформа, способствующая укреплению культурного взаимопонимания и добрососедства между Китаем и Кыргызстаном. Ведь культурное сотрудничество Китая с Кыргызстаном заключается не только в участии творческих коллективов в фестивалях, но и в многообразии сфер культурных связей. Культурные мероприятия разного характера создадут для обеих стран условия для распространения своей культуры и способствуют укреплению двусторонних и многосторонних отношений в данной сфере.

Список литературы:

1. «Китайский фактор» во внешней политике Кыргызстана: двусторонний и региональный уровни / под общ. ред. А.Л. Салиева. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2011. С. 36-37. URL: <http://www.lib.krsu.edu.kg/uploads/files/public/3321.pdf> (дата обращения 2.12.2019)
2. Программа сотрудничества между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой на 2004-2014 годы [Официальный сайт]. Режим

доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17460> (дата обращения: 14.02.2020)

3. Договорно-правовая база (основные международные договоры между КР и КНР) // Посольство Кыргызской Республики в Китайской Народной Республике [Официальный сайт]. Режим доступа: <https://mfa.gov.kg/ru/dm/posolstvo-kyrgyzskoyrespubliki-v-kitayskoj-narodnoj-respublike/menyu---inostrannoe/--uslugi/dogovorno-pravovaya-baza/er> (дата обращения: 20.02.2020)

4. Президент Сооронбай Жээнбеков и Председатель КНР Си Цзиньпин подписали Совместную декларацию об углублении отношений всестороннего стратегического партнерства [Официальный сайт]. Режим доступа: http://www.president.kg/ru/sobytiya/14361_prezident_sooronbay_gheenbekov_i_predsdtel_knr_si_czinpin_podpisali_sovmestnuyu_deklaraciyu_ob_uglublenii_otnosheniya_vsestoronnego_strategicheskogo_partnerstva (дата обращения: 22.02.2020)

5. Культурно-гуманитарное сотрудничество Кыргызстана с КНР [Текст]. Арх. Президента Кырг. Респ., ф. 1, оп. 1, д. 5109, т.25, л. 49-50.

6. Арх. Президента Кырг. Респ., ф. 1, оп. 1, д. 5090, т.6, л.21-22.

7. Каулбекова, Р. А. Сотрудничество стран-участниц Шанхайской Организации Сотрудничества в сфере культуры и образования [Текст] / Р. А. Каулбекова, А. Шаршенбек кызы // Социальная интеграция и развитие этнокультур в Евраз. пространстве. – 2021. – Т. 2, № 10. – С.120–126.

8. Совещания министров культуры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.sectesco.org/20190716/565332.html>. – Загл. с экрана.

9. Иманкулов Д. Д. Транснациональная серийная номинация «Шёлковый путь: сеть маршрутов Чанъань – Тянь-Шаньского коридора» как пример интеграции специалистов Китая, Казахстана и Кыргызстана [Текст] / Д. Д. Иманкулов // Наследие и современность. – 2018. – № 1 (21). – С. 31–36.

10. Сафронова, Е. И. К вопросу об актуальности и возможных направлениях гуманитарного сотрудничества стран-членов ШОС [Текст] / Е. И. Сафро-

нова // Шанхайская Организация сотрудничества: взаимодействие во имя развития. – М., 2006. – С. 131–148.

11. Второй фестиваль искусств государств - членов ШОС. Отчет Министра культуры Кыргызской Республики в Администрацию Президента Кыргызской Республики. [Текст]. Арх. Президента Кырг. Респ., ф. 1, оп. 1, д. 4332, т.2, л. 150–151.

12. Третий фестиваль искусств государств - членов ШОС. Справка Министра культуры Кыргызской Республики для Администрации Президента Кыргызской Республики. (справка) [Текст]. Арх. Президента Кырг. Респ., ф. 1, оп. 1, д. 5090, т.6, л. 231–233.

13. В Китае начались Дни культуры Кыргызстана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.azattyk.org/a/2478119.html>. – Загл. с экрана.

14. Китайский информационный Интернет-центр. В Пекине открылись Дни культуры Кыргызстана в Китае. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/international/txt/2016-11/12/content_39691176.htm. – Загл. с экрана.

15. Мисс- Великий шелковый путь. [Текст]. Арх. Президента Кырг. Респ., ф. 1, оп. 1, д. 4331, т.1, л. 165.

16. A New Engine for Cultural Exchange: "Shanghai Cooperation Organization (SCO) National Bookshelf" Expanding and Upgrading [Электронный ресурс] https://www.tradingview.com/news/reuters.com,2025-07-04:newsml_NFC78sZGj:0-a-new-engine-for-cultural-exchange-shanghai-cooperation-organization-sco-national-bookshelf-expanding-and-upgrading/

17. Генсек ШОС открыл в Витебске Фестиваль национальных культур [Электронный ресурс] <https://rg.ru/2024/07/12/gensek-shos-otkryl-v-vitebske-festival-nacionalnyh-kultur.html>

18. Планета Шелковый путь. Информационно-рекламная газета. Распространяется в странах-участницах ШОС. Язык: Китайский, русский [Текст]. Арх. Президента Кырг. Респ., ф. 1, оп. 1, д. 5089, т.5, л. 15.

19. Омурова, Ж. О. Кыргызстан жана Кытай: жакын коңшу жана стратегиялык өнөктөш [Текст] / Ж. О. Омурова, А. Шаршенбек кызы, А. Ы. Абирова // Изв. ВУЗов Кыргызстана. – 2023. – № 3. – С. 97-101.

20. Сопещания министров культуры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.sectesco.org/20190716/565332.html>. – Загл. с экрана.

21. Международный культурный форум Шелкового Пути завершил свою работу. Кыргызстанский культурный проект Silk Road Fest негласно был признан лучшим и очень заинтересовал представителей Китая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vesti.kg/obshchestvo/item/31475-mezhdunarodnyiy-kulturnyy-forum-shelkovogo-puti-zavershil-svoyu-rabotu.html>. – Загл. с экрана.

22. Международный Иссык-Кульский марафон ШОС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=38014>. – Загл. с экрана.

23. About Silk Road Mountain Race. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.komoot.com/user/silkroadmountainrace>. – Загл. с экрана.

24. Кыргызстан станет центром масштабных инициатив по культурной интеграции стран ШОС. [Электронный ресурс].-Режим доступа: <http://https://www.today.kg/news/371080/?hl=ru>. – Загл. с экрана.

25. Цин, Юйцай. Один пояс и один путь [Текст]: коммент. / Цин Юйцай, Чжоу Гупин, Ло Вэйдун; пер. с кит. Станченко Л.К. – М.: ООО Шанс, 2017. – 279 с.

Сведения об авторах:

1. **Омурова Жамыйкат Орозбековна**, д.и.н., профессор КНУ им. Ж. Баласагына института истории и регионоведения кафедра регионоведения и кыргызоведения, тел.: +996701656336, e-mail: temir2006@mail.ru

2. **Шаршенбек кызы Айпери**, к.и.н., доцент КНУ им.Ж. Баласагына института истории и регионоведения, кафедра регионоведения и кыргызоведения, тел.: +996554860621, e-mail: temirlan2409@bk.ru

3. **Ракыя Абдырасуловна Каулбекова**, к.и.н., доцент, кафедра регионоведения и кыргызоведения, Кыргызский Национальный университет

им. Ж. Баласагына, улица Фрунзе 547, Бишкек 720033 г. Бишкек, Кыргызстан,
+996550625245, kaulbekovar@gmail.com

УДК 94 (574)

Оралова А. А.

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы (Казахстан)

Oralova A. A.

Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, Almaty
(Kazakhstan)

РОЛЬ БАТЫРА КОЖАБЕРГЕНА ЖАНИБЕКУЛЫ В КАЗАХСКО- КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматривается роль батыра Кожабергена Жанибекулы между Империей Цинь и ноями ойрат, борьбы батыра за возвращение казахам пастбищных угодий Жетысуского и Тарбагатайского регионов.

Ключевые слова: Кожаберген батыр, граница, дипломатия, торговые отношения, армия.

THE ROLE OF THE BATYR KOZHABERGEN ZHANIBEKULY IN KAZAKH-CHINESE RELATIONS

Abstract. This article examines the historical role of the warrior Kozhabergen Zhanibekuly in the context of relations between the Qing Empire and the Oirat Noyans, focusing on his efforts to reclaim traditional Kazakh pasturelands in the Zhetysu and Tarbagatai regions.

Key words: Kozhabergen batyr, border, diplomacy, trade relations, army.

The Kazakh Khanate reached its peak during the reign of Khan Ablai in the second half of the 18th century – a period marked by remarkable achievements and military victories that have been inscribed in the annals of history. Ablai Khan

successfully preserved the independence and peaceful existence of the Kazakh Khanate despite its precarious geopolitical position between two major powers of the time: the Qing Dynasty of China and the Russian Empire. In this turbulent era, when the historical fate and freedom of the Kazakh people were under constant threat, Ablai Khan was supported by his trusted ally and military commander, Kozhabergen Batyr Zhanibekuly, the head of the Kerei tribe.

In the difficult period of the 18th century, at the crossroads of major states, Kazakh heroes such as Kozhabergen distinguished themselves with their military and diplomatic service in protecting the eastern borders of the Kazakh steppe from the enemy. Kozhabergen batyr fought against the enemy on the side of Ablai. Around 1757, the Kazakh hero Kozhabergen batyr surrendered to China, who had sided with the Dzungars together with Ablai Khan, wintered on the banks of the Ishil River and, as the senior officer of the Abak Kerei, led the Kerei in 1750 [1, 84].

In his work on the settlement of the Middle Zhuz Abak-Kerei tribe, Kraft, a researcher on the management of the Kirghiz (*auth.Kazakhs*) in the steppe regions, divides the descendants of Abak-Kerei into three groups: Abak, Gerei (Kerei) and Tarakly (Tarakly) [2, 16]. Russian historian G.N. Potanin states that the Kirghiz (*auth.Kazakhs*) occupied the steppe valley of the Black Irtysh, the northern slopes of the Tarbagatai and Saura ranges, and the southern region of Altai, and some Kirghiz (*auth.Kazakhs*) lived nomadic on the banks of the Kobda River. In his writings about the Kirghiz (*auth.Kazakhs*) of 1876-1877, he left information about the Abak-Kerei tribe, the origin of the hero Kozhabergen. “The lands of the Kirghiz (*auth.Kazakhs*) who inhabited the steppe regions of the Black Irtysh were owned by the Abak-Kerei and Kara-Kerei tribes: the former settled in the eastern part of the Irtysh-Zaisan lowland, the latter occupied the western region [3, 2].

After the establishment of Manchu-Chinese rule in Dzungaria, the land issue in the eastern part of Kazakhstan became more acute. The Chinese began to build military fortresses on the Ili River and Tarbagatai in order to prevent Kazakhs from settling in the territories liberated from the Dzungars. In August 1757, Kozhabergen

and Kara Barak (Kokzhal Barak) visited the Qing military camp, met with the Qing nobles, and demanded that they withdraw from the Tarbagatai region [4, 12].

However, the Qing authorities left this request of the hero Kozhabergen unanswered. Of course, when the Chinese authorities did not like this action of the heroes of the Kozhabergen family, they resorted to attacks on the Kazakhs and the robbery of their horses.

The history of the formation of the border has its own peculiarities and stages. The period before the annexation of the territories of the Middle and Lesser Zhuz tribes in Central, Southern and South-Eastern Kazakhstan to Russia is characterized by the efforts of the Kazakh Khanate to legally return the lands occupied by the Dzungar Khanate for some time. Some of these lands were already settled by Kazakh tribes when the Dzungar Khanate fell. This task was solved through negotiations with the new conqueror, the Qing Empire, which had taken over all of the Dzungar possessions, as well as by the voluntary order of the Kazakhs to resettle in the Northern Tien Shan, Tarbagatai and Mongol-Altai Mountain ranges without permission [5, 71].

Being a close associate of Sultan Ablai, Kozhabergen was at the center of Kazakh-Dzhungar and Kazakh-Qing relations. The Oirats often visited his villages, which is why the hero was sometimes mistaken for an Oirat. Kazakh elders and batyrs also entered into kinship relations with neighboring families of Dzhungar feudal lords or had kinship ties with Oirat batyrs. Oirat women were considered the most attractive prey for the Kazakh army at all times. Kazakh warriors often fought knightly battles with Kalmyk batyrs [6, 480].

Of course, the hero Kozhabergen fought together with the Dzungar princes in order to weaken the military power of the Qing government. This is evidenced by the statement of the vizier of the Chinese emperor Agui dated August 29, 1758. The message read: "I, the vizier of the emperor Agui, am sending this statement in connection with the following matter. On July 31, Bukuchagan and Khashoqi were captured by the Kazakhs. "...I crossed the river at night, then traveled 6 days, went to the Kazakhs, and met with Kozhabergen. Then, in that village, I learned that Nauan,

who had been chasing Bukuchagan, was among the Kazakhs. Then, Kozhabergen's younger brother Zholbasar (Zhaubasar) took me to Baibarak's house, where Bukuchagan lived, and met Bukuchagan. After that, I came with the Kazakhs who were bringing Nauan and Bukuchagan” - [7, 75-76].

It is said that the Dzungarian prince Amirsana went to the court of Ablai Khan, explained the situation, asked for help in the struggle for independence against the Chinese, and reached an agreement. However, at that time, news arrived that the Manchu army led by Hadakha, Dardana and Fude had crossed the Irtysh and Tarbagatai and was approaching the Kazakh border. Upon hearing the news, Ablai and Amirsana consulted with each other and decided to jointly fight against the Chinese army. Thus, Amirsana, together with Khozhabergen, gathered 3,000 troops against Dardana and Fude, and Ablai united another 3,000 troops for the battle with the Khadakha army [10, 110].

On August 2, 1756, Khozhabergen's army fought with the army under the command of Dardana and Fude near Yarla and Nura. The fierce battle lasted seven days. The troops of both sides suffered great casualties. However, another 5,000 Manchu soldiers were recruited as additional forces and joined Dardana's army, forcing the army led by Kozhabergen and Amirsana to retreat. Dardana, who noticed Amirsana fighting fiercely with Kozhabergen, was furious and wanted to capture her as soon as possible” [9, 334].

Even in the studies of Turkish and Mongolian historians, one can see that military-diplomatic relations between Kozhabergen Batyr and the Dzhungar noyans, including Amirsana, who has a place in history as one of the strongest Dzhungar princes, were highly developed. This political-diplomatic position and the art of war pursued by Kozhabergen Batyr can be called an advanced policy of that time.

In the report of October 17 of this year, Mr. Terpigarev reported to Frauendorf that the chief of the civil guard, Captain Felshman of Vologda, had received a message from the commander of the regiment: from the tower near the Irtysh River, the guards stationed in that fortress had seen unknown people on horseback from the bank and across the Irtysh River. And he said that if the hero and his army found a

suitable area near the Irtysh, they were ready to move here this winter. Later, we learn that the foreman Kozhabergen and his army camped for about a week, about four thousand miles from Akkol, and fifteen versts from the Yamyshev fortress. It is said that Sultan Ablai was in the Bayan Oblai gorge at that time, and the Mongol troops reported that Sultan Ablai had seen him in the Baranal gorge in Kalmyk territory two months ago. There is information that the number of troops who arrived here was six thousand, including about four thousand armed ones [10, OrRGA, F.1. In.1. C. 58. Sh. 410].

From this document, we can see that the hero Kozhabergen was one of the people who contributed to the development of Kazakh-Chinese trade. Kozhabergen, along with his fellow batyrs Kabanbai, Dauletbai, and sultans Abilpeyiz and Sultanmamet, worked to develop trade relations, to bring the Kazakh people to a peaceful life, and to improve their living conditions. In this matter, the main goal of the Qing government was to take up border trade and purchase and use Kazakh horse breeds for the development of new lands.

In conclusion, Kozhabergen Batyr, together with his contemporaries and fellow Kazakh leaders, played a crucial role in shaping both the military and diplomatic dimensions of Kazakh–Qing relations. His active involvement in trade negotiations, border defense, and diplomatic missions underscores the complex and strategic engagement of the Kazakh Khanate with the Qing Empire in the 18th century. The study discusses key issues related to territorial disputes between the Qing Empire and the Kazakh Khanate, as well as between the Dzungar Khanate and the Kazakh steppe.

References

1. Aristov N.A. Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen i narodnostey i svedeniya ob ikh chislennosti. Otdel'nyy ottisk iz Zhivoy stariny. Vyp. III i IV, 1896. S. Peterburg: Tip. S.N. Khudekova, 1897. №12. S. 84.
2. 1. Kraft I.I. Sbornik uzakoneny o kirgizakh stepnykh oblastey. Orenburg: Tipo-litografiya N. Zharinova, 1898. 532 s.
3. Potanin G.N. Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii. Vypusk II. Materialy etnograficheskoye. S. Peterburg: Tipografiya V. Kirshbauma, 1881. 181 s.]

4. Ejenkhanulı B. Qojabergen batır (1756-1767 jıldarda qalıptasqan Mänjw-Qıtay murağat qujattarı negizinde). Almatı: Arıs, 2017. 496 b.
5. Khafizova K.SH. Mnogomernyye granitsy Tsentral'noy Azii. Pod.red. M.B. Olkott i A. Malashenko; Mosk. Tsentr Karnegi. Moskva: Gendal'f, 2000. 97 s.
6. Khafizova K.SH. Stepnyye vlastiteli i ikh diplomatiya v XVIII-XIX vekakh. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK, 2019. 480 s.
7. Qazaq Khandığı men Cın patşalıgınıñ sayası-diplomatıyalıq qatınastarı twralı murağat qujattarı. T.I. Qujattardı awd.: B. Ejenxan. Almatı: Dayk-Press, 2009. 255 b.
8. Kalan E. Cungar Hanlığı'nın Siyasi Tarihi. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2008. 136 s.
9. Далай Ч. Ойрад Монголын Түүх. Тэргүүн боть. Улаанбаатар хот, 2002. 334 б.
10. Orenburg Regional State Archive. F.1. T.1. C.58. Sh.410.

Сведения об авторе: Акнур Амангелдыевна Оралова, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Казахстан), PhD-докторант, научный сотрудник <https://orcid.org/0000-0003-4979-4203>

УДК 94

Прохоров И.Р.

Национальный архив Республики Казахстан, г. Астана (Казахстан)

Prokhorov I. R.

National Archives of the Republic of Kazakhstan, Astana (Kazakhstan)

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КАЗАХОВ В СИБИРСКИЕ РЕГИОНЫ РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX В.

Аннотация. В условиях столкновения кочевой цивилизации казахов с земледельческими цивилизациями России и стран Центральной Азии все больше

число кочевников покидает традиционное общество, мигрирует в другие страны. Конец XVIII - начало XIX вв. - время активного переселения казахов в пределы Российской империи. Причинами тому стали нестабильная ситуация в казахских жузах, ослабление традиционных институтов власти и права кочевого общества, а также воинственная политика соседних государств. Российское государство старалось узаконить пребывание переселенцев в империи, создать для них приемлемые условия жизни и хозяйства.

Ключевые слова: казахи, Центральная Азия, Россия, Коканд, Средний жуз, кочевая цивилизация.

ON SOME REASONS FOR THE MIGRATION OF KAZAKHS TO THE SIBERIAN REGIONS OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 19TH CENTURY.

Annotation: In the context of the clash of the nomadic civilization of the Kazakhs with the agricultural civilizations of Russia and Central Asian countries, an increasing number of nomads are leaving their traditional society and migrating to other countries. The end of the XVIII - beginning of the XIX centuries was the time of active resettlement of Kazakhs to the Russian Empire. The reasons for this were the unstable situation in the Kazakh zhuzes, the weakening of traditional institutions of government and the rights of nomadic society, as well as the militant policies of neighboring states. The Russian state tried to legitimize the stay of immigrants in the empire, to create acceptable living conditions and farms for them.

Keywords: Kazakhs, Central Asia, Russia, Kokand, Middle Zhuz, nomadic civilization.

Среди важных причин переселения в Россию казахов следует назвать политику кокандского хана Алима (1799-1809 гг.). По его приказу был организован поход против казахов в окрестности Туркестана и Ташкента. «Войска, похожие на тигров, вихрем пронесли по казахской степи, чтобы замучить и разорить до тла казахов» [1, с.159].

В 1798 году значительная часть казахов Среднего жуза, бывших подвластных хана Аблая, через старшину Айходжу муллу Кочина обратилась с прошением на Высочайшее имя императора России о дозволении им кочевать между русских крепостей – Семипалатинской и Омской. Кочин добавлял, что и другие султаны, и старшины Среднего жуза со своими подданными желают вступить в российское подданство. Именным Высочайшим указом императора Павла I от 23 июля 1798 г. было разрешено сибирскому начальству дать убежище как Кочину с приверженцами, так и всем казахам, которые будут об этом просить. [2, с. 9-10].

Немаловажной причиной миграции казахов в Россию стали деформации политического устройства казахского общества. К примеру, сын хана Аблая, объединившего в конце XVIII в. все три казахских жуза, Вали обратился к российскому правительству с просьбой об утверждении его в ханском достоинстве. Просьба эта была принята, и в 1789 году Вали присягнул в Петропавловской крепости на верность Российской империи. Таким образом он получил власть над преданными России прилинейными казахами и, негласное право, так считает российский военный историк Михаил Терентьев, обирать их. «Вали притеснял подвластных ему казахов и вызвал, заодно с сибирскими казаками, беспощадными в степных поисках, переселение многих казахских семейств внутрь России» [3, с. 84].

В записке I-го Сибирского комитета от 21 февраля 1821 года, об иностранцах, переходящих в Россию через Сибирскую линию, говорилось, что казахи мигрируют в Россию в связи с крайней бедностью, родовыми междоусобицами, поиском лучших пастбищ, и, наконец, из честолюбия. [4, л. 3].

В этой связи, томский гражданский губернатор собрал сведения о кочующих вдоль пограничной линии казахах и представил (6 февраля 1817 г.) Сибирскому генерал-губернатору свое мнение, состоящее в том, чтобы провести перепись казахов, и по числу душ наделить их землями, обложить податями в виде ясака, учредить между ними постоянные волости, и определить им со стороны губернского начальства одного или двух комиссаров [4, л. 16 об. -17].

Казахи, перешедшие в российские границы, кочевали в Томской губернии по линии, начиная от редута Татарского по крепость Семипалатинскую и далее по редут Пьяногорский. «Число сих киргизцов [здесь и далее в документах речь идет о казахах, - автор] простирается до 9 тыс. человек мужского пола, они состоят в непосредственном заведовании военного пограничного начальства» [4, л. 12 об].

Часть переселенцев разместили вблизи Семипалатинска, с отводом им для хлебопашества и скотоводства достаточного числа земли [4, л. 13 об. -14].

По сведениям, полученным I-м Сибирским комитетом от военного начальства, в 1808 году числилось казахов по дистанциям: Железинской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской и Бухтарминской составляла: мужчин 2415, женщин - 2004 чел. Итого – 4419 чел. Однако, по сведениям, собранным гражданским начальством, в 1808 году насчитали только в Семипалатинской и Ямышевской дистанциях 15 тыс. человек. Из них верноподданных - 11 тыс., неверноподданных, то есть, находившихся на временной кочевке) – 4 тыс. чел. Сколько переселенцев кочевало в других российских административных единицах вдоль сибирской границы на тот момент (1808 г.) данных не было [4, л. 18].

В дальнейшем, одной из важнейших задач российской администрации стала борьба с острыми проблемами казахского общества: барантой, межродовыми распрями.

Следует учесть, что баранта в традиционном казахском обществе являлась частью обычного права, позволяла по степным обычаям мстить за обиды, не считалась кражей [5, с. 315].

Однако ряд исследователей ссылается на ослабление и деформацию института обычного права у казахов в XIX в. В частности, Шахматов В., Киреев Ф., приводят на этот счет доводы пристава Младшего жуза Горихвостова. Он считает, что казахи не имеют установленных законов, и, хотя вместо них и есть некоторые остатки преданий древних обычаев, но и они... изменились. Если и

наказываются иногда за преступления, то это касается только бедняков, «богатым же всюду вольно, и они в ответ никому не обязаны» [6, с. 214].

16 января 1836 года последовало высочайшее повеление об изъятии дел о тяжких обидах, наносимых сибирскими казаками инородцам, из ведомства уездных судов и о подчинении суду военно-судных комиссий. С другой стороны, высочайше утверждённым 12 декабря 1837 года положением Сибирского комитета было установлено: «сибирских киргизов [казахов] за преступления и проступки, учиненные ими в городах и селениях, подвергать суду по общим законам империи» [2, с. 43].

Для прекращения баранты, которая к тому же, как выяснилось, поддерживалась прилинейными жителями – казаками и крестьянами [под видом баранты совершались кражи, - автор], в 1854 году были утверждены следующие правила: «удаление в степь киргиз, кочевавших на землях казенных селений, отдача в солдаты тех из киргиз, которые изобличались в краже или приводе краденных лошадей и строгие наказания для сибирских казаков – укрывателей и сбытчиков краденного. Сибирские казаки за это предавались военному суду и прогонялись через строй. Специально для борьбы со скотокрадством были учреждены в Сибирском казачьем войске особые должности в числе 8 следственных приставов [2, с. 49-50].

Таким образом, правительство России стремилось защитить казахов-переселенцев от самоуправства и произвола, обид со стороны сибирских казаков.

Список литературы:

1. Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20-40 годы XIX века. Алма-Ата: «Қазақ университеті», 1992. 397 с.
2. Крафт И. И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург. Типо-литография Н.Н. Жаринова. 1898 г. 214 с.
3. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906. 510 с.

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп.1. Д. 320.

5. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии. Киргизы // Вестник Европы. 1821. Ч. 119. № 6. С. 314-321.

6. Шахматов В. Ф.; Киреев Ф. Н. Журнал полковника А. З. Горихвостова - пристава при хане Малого Жуза Ширгазы Айчувакове // Известия АН Казахской ССР. Серия истории, экономики, философии и права. Раздел истории, археологии и этнографии, Вып. 2 (5). 1957. С. 105-117.

Сведения об авторе: Прохоров Игорь Русланович. Научная степень: кандидат исторических наук. Должность: научный сотрудник. Место работы: Национальный архив Республики Казахстан. Сотовый: +7 701 212 3561 e-mail: Prohorov1974@mail.ru

УДК Тадж.: 9+902+993 (575.3)+908

Сафаров Р.

Таджикский национальный университет, г. Душанбе (Узбекистан)

Safarov R.

Tajik National University, Dushanbe (Uzbekistan)

ПОКОРЕНИЕ КАРЛУКАМИ СЕМИРЕЧЬЯ – ЦЕНТРА СТЕПНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация: Карлуки – древнетюркский народ алтайского происхождения, имеет сложную и богатую историю. Рано мигрировав на запад, оседали в центре Евразийских степей, где сближение их с автохтонными привели к преобразованию менталитета. После победы (751 г) в Атлахской битве на Таласе, они стали доминирующим в Семиречье – центра степной цивилизации. Благодаря мобильности и решительности карлуков, Семиречье и после падения тюркской империи осталось в руках тюркских народов и, не было завоевано ни арабами, ни китайцами. Каганы карлуков правили в Семиречье свыше 200 лет (756–992).

Ключевые слова: карлуки, Алтай, Семиречье, Кашгар, Согд, Мавераннахр, миграция, кочевье, каганат, караханиды, цивилизация.

THE CONQUEST OF SEMIRECHYE BY THE KARLUKS - THE CENTER OF THE STEPPE CIVILIZATION

Abstract: The Qarluqs are an ancient Turkic people of Altai origin, with a complex and rich history. Having migrated to the west early, they settled in the center of the Eurasian steppes, where their rapprochement with the autochthonous people led to a transformation of their mentality. After the victory (751) in the Battle of Atlakh on Talas, they became dominant in Semirechye - the center of the steppe civilization. Thanks to the mobility and determination of the Qarluqs, Semirechye remained in the hands of the Turkic peoples even after the fall of the Turkic empire and was not conquered by either the Arabs or the Chinese. The Qarluq Khagans ruled in Semirechye for over 200 years (756-992).

Keywords: Qarluqs, Altai, Semirechye, Kashgar, Sogd, Maverannahr, migration, nomadism, Khaganate, Karakhanids, civilization.

Каждый этнос, невзирая от его социального положения, статуса, численности, состояния, места и роли в современном мире, имеет свою, обычно довольно сложную и пёструю историю. Алтайская общность, в которую входят тюрки-карлуки, мигрировавшие тысячелетиями назад в земледельческие и культурные области Средней и Центральной Азии, представляли собой конгломерат тюркских племён, сочетавших разных укладов.

Место обитания карлуков и их племён, как засвидетельствуют памятники древнетюркской письменности на рунике, отмечено в степях Центральной Азии, в особенности Орхона-Енисея, Урянхайского края, Западного Алтая, Притяньшаня и Семиречья. «Семиречье после падения Тюркского каганата, находилось сначала в руках тюргешей, а затем со второй половины VIII в. — карлуков, которые считаются также выселенными из Алтая». [28; 1953, с.150]. Карлуки и их племена оказались на перекрестке древнейших цивилизаций ми-

ра, на пересечении транспортных артерий, социальных и экономических, культурных и идеологических связей между Востоком и Западом.

Исследования в этой области, хоть и проводилось в разное время разными учёными и исследователями, насколько бы они совершенными ни были, далеко не равномерны. И здесь, на наш взгляд, менее всего изучена этническая история народов степей Евразии, которым относятся и карлуки, этногенез которых по праву считают ареал Алтайских гор, а местом формирования – Семиречье и Притяньшанье.

Обратимся к тем временам, когда могущество этих племен процветало, когда «бурлящий котел Азии изверг из своих глубин беспокойные кочевые орды, прокатившиеся по южной окраине евразийских степей и, увлекшие за собой часть ее обитателей», именно *ту*, которой суждено было в конечном итоге сыграть определённую роль в формировании ряда народностей, как Азии, так и Европы. [27: 2000, с.98].

В момент своей наибольшей территориальной экспансии (576 г) Тюркский каганат простирался от Маньчжурии до Боспора Киммерийского (Керченского пролива), от Верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Таким образом, тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политическое и культурное наследие которой оказало существенное влияние на историю Восточного Туркестана, Средней Азии и Юго-Восточной Европы. [12: 1992, с.131-132].

С момента создания тюркского каганата в середине VI века западные тюрки всё время выделялись в самостоятельное политическое целое, хотя и входили как составная часть в государство тюрков. Обособленность западных тюрков объяснялась не только их местоположением, но и своеобразным характером экономического развития и этнического различия западных племён от восточных. По сообщению китайских источников, западные каганы имели свою ставку "в бывшей усуньской земле", т. е. на территории Тянь-Шаня. [11: 1950, с.341; 10: 1998, с.85].

Начиная с VI в. н.э. наступает важнейшая веха в истории Центральной Азии, связанная также с новой волной кочевников-тюрков и началом процесса тюркизации на всей этой огромной территории. В период господства тюрков, таким образом, районы Семиречья и Центрального Тянь-Шаня стали местом сложения особой синкретической культуры, которая сформировалась на основе кочевой и среднеазиатской под сильным влиянием китайской традиции. [3: 2013, с.255]. Однако, на юге Семиречья "сложилась синкретическая тюрко-согдийская культура, важную роль в становлении которой сыграли эталоны высокоурабанизированной культуры Согда, проявляющегося в материальной культуре, искусстве и идеологии". [1: 1966, с.43].

Семиречье было своеобразным районом. Подобно тому, как в Византии в синкретическом искусстве сплелись неразрывно искусство Запада (и не только Рима) и Востока (и не только халифата) и все это было осложнено влияниями кочевников севера – от хуннов до печенегов, так и в Семиречье и Тянь-Шане сплелись искусство Запада (особенно Согда и Ферганы) и Востока (прежде всего Северного Сындзяна), осложненное искусством Алтая и Енисея. И подобно тому, как в Византийском искусстве наблюдается традиция античности, породившая "византийский антик", – и в Семиречье чувствуется влияние сакского искусства, на основе которого и расцвело синкретическое искусство тюркского каганата VI-VIII веках. [25: 1952, с.150].

В этой ситуации тюрки сыграли определенную роль посредников. Появление единой державы оказалось фактором огромного значения для дипломатии, как самих тюрков, так и соседствующих с ними стран. Следовательно, есть основание утверждать, что в истории Семиречья период владычества тюрков имеет чрезвычайно важное значение. Центр кочевой империи всегда представлял большую притягательную силу для купцов из разных стран, находивших здесь выгодный сбыт своим товарам, особенно тканям, главному предмету ввоза к кочевникам как со стороны Китая, так и со стороны Западной Азии". [24: 1976, с.16].

В Семиречье росло и культурно-идеологическое влияние Тохаристана, связанное, в частности, с распространением манихейства среди западных тюрков. Духовный глава манихеев Семиречье ещё в I-ой половине VIII века имел резиденцию в Тохаристане могло бы быть оценено как естественное звено в цепи тохаро-тюркешских взаимоотношений VIII века. [18: 1964, с.143]. Отсюда, "вплоть до окончательного подчинения Тохаристана арабами (в 40-х годах VIII в.) не прерывались тесные политические связи тохаристанских тюрков с Западным каганатом. До конца 30-х годов VIII века тохаристанские ябгу (известные ябгу карлуков – С. Р.) продолжают рассматривать Семиречье как свой военно-политический хинтерланд". [19: 2005, с.143].

Нужно упомянуть, что на Центральном Тянь-Шане и в Семиречье под властью западного Тюркского, Тюркешского и Карлукского каганатов жили согдийцы, иммиграция которых из Согда в эти края началась ещё в V веке, но основная их масса переселилась в VII-VIII вв. [18: 1964, с.123]. Наряду с тюрками, в то же время значительная группа согдийского населения в VI–VIII вв. проживала в Семиречье. Они были расселены в городах и селениях, находившихся на торговом пути, идущем из Передней Азии в Китай. Согдийцы жили в окружении тюркского населения и поддерживали с ним тесные культурно-экономические контакты. Это способствовало ассимиляции семиреченских согдийцев с тюрками. [9: 1940, с.34-43].

Эти согдийцы хотя и утрачивали постепенно свои национальные особенности, но продолжали оказывать влияние на дальнейшее развитие ремесел, торговли и культуры местных народов. Согдийцы-переселенцы в городах жили совместно с карлуками. Впоследствии были отюречены, главным образом, тюркешскими и карлукскими родами.

Исходя из всего изложенного, как мы наблюдаем, что в Семиречье (юго-восточном Казахстане) образовались объединения тюрков-тюркешей (VIII в.), а затем карлуков (VIII–X вв.). При карлуках сюда переселилось много халаджей и аргынов, а также значительное количество уйгуров из Восточного Туркеста-

на. Западнее, в низовьях Сыр-Дарьи, карлуки соседствовали с огузами, сочетавших скотоводство с земледелием и имевших свои города.

Кратко резюмируя основных этапов карлуков в истории Средней Азии, укажем, что территория Семиречья, захватившая ими, в прошлом была ареной столкновения самых разнообразных конфессий и народов, развития многочисленных и разнообразных культур, стала страной и исторической родиной карлуков. Особенностью указанной территории является то, что Семиречье стоял на стыке двух цивилизаций – Запада и Востока.

Карлуки населяли территорию в Семиречье вдоль караванных путей, пересекающих земли таджиков из Ирана и Индии. При этом, они сопровождали торговые караваны среднеазиатских и тибетских купцов в столицу Киргизского государства, защищая их от нападения со стороны уйгуров. [11: 19501, с.347, 355]. Карлуки обеспечивали безопасность торговых дорог и караванных движений, создавая надлежащие условия купам и торговли.

В 40-х г. VIII века карлуки с их первоначальных мест обитания в Джунгарии – между Алтаем и Тарбагатаем начали передвигаться в сторону Семиречья. Для карлуков этого периода характерен не только переход к оседлости и смешение с аборигенами, но и вмешательство и участие в важнейших происходящих местных и региональных (военно-политических, этнических, культурных, религиозных и социальных) процессах.

В середине VIII в этнополитическая ситуация была весьма сложной: карлуки оказались между трениями тюргешей, натиска арабов и угрозы имперцев. Переселение на Тянь-Шань и в Семиречье новых значительных масс центрально-азиатских кочевников-карлуков и союзных с им чигилей и йагма (746-766) привело не только к смене правящей группировки тюркской аристократии, но и весьма серьёзным этническим переменам. [15: 1993, с.33-41].

Судьба сердцевины Евразии решилась столкновением двух великих держав в битве в Атлахе на реке Талас. "В 751 г. арабская армия Зияда б. Салиха в союзе с карлуками нанесла танскому полковдцу Гао Сяньчжи сокрушительное поражение под Таласом. Территория Семиречья была очищена от войск импе-

рии Тан". [12: 1992, с.141]. Китайская армия бежала, арабы вернулись в Хорасан, а карлуки обосновались в Семиречье, и со временем окончательно утвердив свою власть между Сырдарьей и Верхним Иртышом.

Так, благодаря мобильности и решительности карлуков, "Семиречье и после падения тюркской империи осталось в руках тюркских народов и не было завоевано ни арабами, ни китайцами. Вмешательство Китайцев в дела Западного Туркестана прекратилось после поражения, нанесённого им в 751 г. арабским полководцем Зиядом ас-Салихом. В конце 8 в. арабы ограничились вытеснив карлуков из Ферганы; на северо-востоке мусульманские завоеватели, насколько известно, никогда не заходили дальше Таласа". [4:1943, с.20].

Битва в Таласе вошла в историю Центральной Азии как одно из наиболее значимых военных столкновений, давших мощный импульс историческим трансформациям в регионе. После битвы, карлуки укрепили свою позицию в Семиречье. Показано влияние и вклад карлуков в формирование, развитие и достижение могущества в Центральной Азии.

В результате сражения тюркские племена Семиречья и близлежащие центрально-азиатские территории стали развиваться в мусульманском тренде. Особо следует отметить, что Таласская битва стала апофеозом и триумфом карлуков, которые стали доминировать среди местных тюркских народов в Семиречье и Тенгир-Тоо. [29: 2021, с. 99].

В 756 г. вождь карлуков "нечувствительно усилился и вступил в состязание с хойху (уйгурами – С. Р.). Он овладел бывшими землями хана Десяти родов и взял города Хынлос и Суйечен (Талас и Суяб)". [11: 1950, с.347]. Однако, в Семиречье карлуки встретили сопротивление не мелких тюркешских княжеств, ставших союзниками и вассалами ябгу, а ожесточённое сопротивление огузских племён, обитавших со времён Тюркского каганата и обосновавшихся за несколько веков от их восточной ветви (токуз-огузов). [20, 2009, с.133].

Память о пребывании в Семиречье сохранилась и в сказании огузов, по которому местопребыванием мифического Тюрка, сына Яфета были берега Иссык-Куля. [4: 1943, с.21]. Согласно легенде, передаваемой Гардизи, Йафет, сын

Ноя, начертал имя всемогущего бога на камне, будто бы вызывавшем дождь (как тут не вспомнить об Аврааме, сообщившем некое сокрытое имя бога своим сыновьям, отправляющимся в изгнание!). После, смерти Йафета за обладание этим камнем между его потомками разгорелась борьба. Хотя по жребию камень должен был достаться Халлуху (карлуку – С. Р.), им продолжали владеть огузы, передавшие Халлуху поддельный, а не настоящий камень. В результате началась многолетняя война. [7: 1968, с.42] и вытесненные карлуками, огузы покинули Семиречье.

Так, становится явным, что основные ветви карлуков переселились в Семиречье, где между 746-766 гг. захватили политическую власть, создали свою государственность. Этот регион пересекали десятки торговых маршрутов, где происходили важнейшие этнические процессы, активное взаимодействие культур, осуществлялись масштабные торговые операции, заключались дипломатические договоры и военные союзы. [30: 2022, с.45].

Все эти сведения убеждают в том, что "главенство в Семиречье во второй половине VIII в. перешло к народу карлуков, главная масса которых теперь выселилась из Алтая (передовая ветвь карлуков ещё в начале столетия достигла берегов Аму-Дарьи), в 766 г. карлуки заняли Суяб и перенесли сюда свою столицу; их государь носил титул джабгу, несомненно, тождественный с часто встречающимся в орхонских надписях титулом ябгу". [4: 1943, с.20-25].

В начале IX в. попытки карлуков соперничать с Уйгурским каганатом на востоке окончились неудачей, но на Западе они распространили свое влияние до городов-государств Средней Сыр-Дарьи и захватили часть Ферганы. Так окончательно сложилась та территориальная основа, на которой возникло государство Караханидов. Владения карлуков впервые соприкоснулись с частью хорасанского наместничества Аббасидского халифата — Мавераннахром. [21: 1970, с.84].

Миграция в Тенгир-Тоо и Семиречье значительной части карлукской популяции и близких ей родоплеменных структур сформировала особый этнический ландшафт. Выдавливая и в определённой части поглощая племена тюрк-

ского корня, в конце VIII и первые десятилетия IX вв. карлукские племена эволюционным путём добились доминирующего статуса в Тенгир-Тоо и прилегающем ему Семиречья. [29: 2022, с.27].

В VIII – первой половине IX веков карлуки разместились на огромном расстоянии от озера Балхаш и Джунгарских Алатау до среднего течения берегов Сырдарьи. Те группы кочевых племён, которые принимали ислам, легко могли поселиться в присырдарьинских степях, а также в приграничных с ней оазисах и земледельческих областях Мавераннахра.

На обширной территории Казахстана от среднего течения Сырдарьи и до Карлукских (Джунгарских) ворот – Алатау расселились карлукские племена. А также они поселились между озёрами Иссык-Куль и Балхаш, в отрогах Тянь-Шаня, в долинах р. Талас, Чу, Или.

Согласно сведениям Закария ал-Казвини: «Тараз – город на границе ислама, ибо за его пределами вступаешь в карлукские кочевья (*харкават алхарлухия*)». Стойбища карлуков располагались в Мерке, Кулане. Между Балхашом и Иссык-Кулем лежали города: Атракана, Барак, Салуния, Джинкар, Карлукия. Озеро Балхаш явилось естественной границей между карлуками и кимаками. [14: 1979, с.84].

Формирование карлукской конфедерации протекало на значительной территории от Семиречья до Кашгарии и Ферганы до Саурана – среднего течения Сырдарьи. Основу каганата составляли тюркоязычные кочевые племена При Тяньшанья: карлуки, ягма, чигили, тухси и остатки орхонских древних тюрков, которые вошли в карлукский племенной союз. [19: 1994, с.39]. Вместе с тем поражения, понесенные карлуками в Джунгарии, и поход уйгурского кагана в Фергану и Семиречье заставили карлуков, если не практически, то теоретически считать свое государство лишь западной областью уйгуров в Монголии. События 840 г. — падение Уйгурского каганата и крушение Отюкена как центра степной империи (разгромившие уйгуров кыргызы остались на своих прежних землях) — создали во всей Восточной Азии новую политическую ситуацию. [21: 1970, с.84].

Именно карлуки стали наследниками тюргешей и Тюргешского каганата в Семиречье и основали свой Карлукский каганат (766–840 гг.), а впоследствии их илекханы переросли и создали Караханидское государство (840-1210 гг.) [22: 2021, с.305-323]. Так, после 840 г. по ряду причин ябгу карлуков со столицей в городе Орду объявил себя полноправным потомком властителей степей. (Pritsak. *Die Karachaniden*, 1950, s.23) [16: 1983, с.65].

Исходя из этого, первая половина IX в. для карлуков Семиречья, в том числе Тараза и Испиджаба была сравнительно переломной датой. Однако, политическое возвышение карлуков в 840 г. обеспокоили соседнего государства Саманидов. Отсюда, саманид Нух ибн Асад предпринял большой поход против карлуков. Испиджаб был завоеван ещё Нухом ибн-Асадом в 840 году. Тогда же по его распоряжению были возведены длинные стены вокруг округа [5: 1963, с.270]. В том же 840 г, то есть в начале второй половины IX в. Наср I Ахмед завоевал Шавгар [5: 1963, с.198]. К области Испиджаба, завоёванный Исмаилом в 893 г., относились все местности, включая Талас и Тараз (Джамбульская обл.), а на севере-западе пространство до Сабрана или Саурана. Тараз, считался пограничным пунктом мусульманского мира и оказался в вассальной полувассальности.

Из дома Саманидов трижды совершены крупные военные походы на земли карлуков: один из первых правителей Нух в 840 г. захватил Испиджаб, спустя полвека Исмаил Саманид одержал победу над Огулчаком, захватив Тараз и пленив множество карлуков. Однако, саманиды не смогли перейти р. Талас, так как карлуки оказали их войскам упорное сопротивление. Семиречье впредь не завоевано и в состав саманидского государства не вошло, несмотря на их сильное влияние на захваченных ими территориях.

Середина IX в., несмотря на утери культурных областей, завоеванных Саманидами, явилась переломным моментом в жизни тюркских племён Средней Азии. К этому времени у тюрков-карлуков и подвластных им племён, населявших Семиречье, Восточной Туркестан, Ферганскую долину, усиливается процесс развития феодальных отношений.

Для тюркских племён середины IX века такой силой явилось, несомненно, карлукское государство, образовавшееся в 840 году. Оно объединяло, как оседлое, так и кочевое населения областей по обе стороны главного хребта Тянь-Шаня, включая северные районы Ферганской долины. [33: 1981, с.33]. Данное карлукское государство Караханидов, имевшего северную ставку в Суябе (Хафтруде), т. е. Еттису (Семиречье – С. Р.) и южную в Кашгаре, относительно успешно сдерживающегося саманидского натиска, никак не мог быть вассалом далёкого оазисного княжества". [23: 2014, с.310]. Семиречье в X в., несмотря на натиск Саманидов, принадлежало карлукам, но столица их, если верить Ибн Хордадбеху и Кудаме, находилась не в Чу, а у Аулие-Ата. [6: 1964, с.289, прим.177].

В то же время в Центральном Тенгир-Тоо и Семиречье произошли значительные изменения, развились производительные силы. Ускорился процесс оседания кочевых народов. Были широко распространены ремесла, этнокультура, внутренние и внешние торговые связи. Процветали многие большие и малые города. [2: 1998, с.99–161].

Содержательная характеристика тюркских племён даётся в персидском сочинении "Китаб Худуд-ул-алам мин ал-машрик ила-л-мағриб" (перс. حدود العالم من المشرق الى المغرب) "Книга о пределах мира от востока к западу"), она нам знакома как "Худуд ул-алам" / "Пределы мира" (372 / 982-983 гг.). [31: 1930, 78 с; 1983, 132 с; 31: 2008, 212 с.]. В ней есть раздел "Слово об области Халлух и её городах" (л.176) и ряд упоминаний в др. разделах, где содержатся прямые упоминания о карлуках и об их племенах, городах и поселениях.

"Худуд ул-алам" ("Пределы мира") делит стран, лежащие к северу от экватора на 45 областей и на 42-ом месте помещает области "Халлух", то есть страну карлуков. Область карлуков считалась самой населённой и богатой из турецких областей; среди карлуков, кроме звероловов и кочевников, были также земледельцы, были деревни и города; среди других турок карлуки выдавались красотой и высоким ростом. [31: 2008, с.53-54].

Согласно «Худуд-ул-алам», в стране карлуков насчитывалось 25 городов и поселений: Тараз, Кулан, Мерки, Атлалиг, Тузун, Балиг, Барсхан, Сикуль, Талгар, Тонг, Пенчуль и др. [31: 2008, с.53-57]. Столица и многие города карлуков находились на Великом шёлковом пути, которые имели большое значение, не только как дипломатический и торговый тракт, но и как путь культурных и духовных связей. Правящие знатные карлуки владели не только огромными пастбищами, обширными угодьями, но и городскими центрами. Сами карлуки жили не только в селениях, но и в городах (Кулан и Мерке и имели достаточно высокий уровень культуры). По роду хозяйственной деятельности они занимались звероловством, кочевым и полукочевым образом жизни, скотоводством, земледелием.

Итак, «в условиях кочевого и полукочевого быта, после перехода к оседлой жизни в Семиречье была создана новая своеобразная и самобытная культура, занявшая своё место в мировой культуре человечества. Из всех тюркских народов наибольшему влиянию мусульманской культуры, конечно, подвергнутся карлуки». [4: 1943, с.39; 7: 1963, с.39].

В силу того, что политическое господство в Семиречье принадлежало карлукам, мы называем период со второй половины VIII в (766 г) до появления караханидов в конце X в. (992 г) карлукским периодом, в основной своей части соответствующим саманидскому периоду в Средней Азии. Особенностью этого периода является усиление реальной связи кочевников-карлуков с оседлыми поселениями, в связи с этим и явный рост последних. [10: 1998, с.286].

Нарративные источники VIII–IX вв. отмечают локальные группы карлуков, обитавшие на Памире, в Хорасане, Тохаристане, Бадахшане и Систане, вплоть до северных областей Индии. Китайские, арабские и персидские исторические источники, описывая события IX–XI вв. в Кашгарии, Семиречье и Средней Азии, говорят исключительно о карлуках, имя которых, надо думать, было в тот период у всех на слуху. [26: 1970, с.249-259].

В начале X в. нарушается единство и согласие между карлуками Семиречья и Тянь-Шаня, начинаются внутренние распри, что в итоге приводит к рас-

паду централизованного государства. Таким образом, многое в истории правящей династии Карлукского каганата – последовательность правлений князей (ябгу), годы их царствования и даже их общее число государей – остаётся неизвестным. Период в тысячу лет заполнен с большими лакунами. [12: 1992, с.142].

В течение XI века из Семиречья в Мавераннахр переселились многочисленные группы карлуков, чигилей, халаджей, ягма, аргу, тухсы и другие тюркские племена. Они разместились в оазисах и степях Среднеазиатского междуречья. Но часть их всё ещё оставалась в Семиречье. Следы происходивших в этот период этнических процессов являются сохранявшиеся до недавнего времени родоплеменные названия *карлук*, *каньли*, *кипчок*, связанные с крупными племенными объединениями, существовавшими в XI—XII вв. в Семиречье, степях Приаралья и в Дешти-Кыпчаке. [34].

Бартольд предложил отнести замену владычества карлуков Караханидами в Чуйской долине в 940 г. при этом, автор предлагает что карлуки удалились в северную часть Семиречья. Впоследствии они оттуда угрожали г. Баласгун, а в битве в степи Катвана отличались на стороне киданей против самаркандского хана Махмуда. [6: 1964, с.38].

Таким образом, в 40-е годы X века владения карлуков вошли в состав Караханидского каганата. Некоторые историки считают к этому именно времени относится падение Карлукского каганата и установление господства династии Караханидов в Чуйской долине, в результате чего часть карлуков ушла в Семиречье, где образовала небольшое владение с центром в городе Каялык. Его правители находились в номинальном подчинении от Караханидов. [14: 1979, с.86].

Дальнейшая же историческая судьба карлуков связана из рода караханов Сатук Богра-хана, который в 942 г. захватил столицу Карлукского каганата Баласагун и принял титул кагана, заложив новые государственные традиции в регионе. Карлуки же перенесли столицу в г. Кайлык в долине реки Или. И в том же, 940 г. отделилось и стало "наиболее известно карлукское владение в север-

ной части Семиречья, мусульманские правители, носившие титулы арсланханов, традиционные для одной из ветвей дома Караханидов". [7: 1963, с.547-548]. Так, династия владетелей Алмалыка [см. Barthold, Kuldja; <наст.изд., т. III, с.470] также, возможно, была карлукской. Арслан-хан, мусульманин (Джусджани, изд. Нассау-Лиса, 343; пер. Раверти, II, 1004) владел северной частью Семиречья с городом Каялыком (около нынешнего Копала); по свидетельству Абулгази, эти карлуки занимались скотоводством и земледелием. [6: 1964, с.295].

Во второй половине IX — XII вв. политическое главенство в Семиречье и Южном Казахстане и Средней Азии захватили вначале Саманиды, а затем Караханиды. В целом это было время расцвета экономики, культуры, роста оседлости, городской жизни. Саманидские таджики вели с тюрками оживлённую торговлю. Стремясь упрочить своё влияние, их правители старались насадить среди семиреченского населения, особенно карлуков, принесённую арабами в Среднюю Азию религию ислам, “но самое главное, занялись культуртрегерской миссией в её широких просторах”. [23: 2021, с.166].

Усилившиеся же в Семиречье после 746 года карлуки к 766 году покончили с враждовавшими между собой тюркешскими вождями, и карлукский ябгу создал здесь своё государство, подготовившее рождение Караханидского каганата". [12: 1992, с.141]. Каганы карлуков правили в Семиречье около 200 лет (756–940 гг.), где происходило развитие феодальных отношений. Семиречье вошло в состав нового государства, названное Караханидским. [13: 1957, с.62-64]. Семиречье покорено карлуками и в течение последующих 200 лет доминировали другая династия карлуков – илекханы (хаканиды).

Караханиды появились на исторической арене не вдруг, выступили не из неизвестности, как это представлялось ещё совсем недавно. Возникновение Караханидского каганата было естественным следствием развития древнетюркской государственности, носителями которой стали карлуки. Они унаследовали Западно-тюркский каганат и восстановили ту систему, которая сложилась, в основных чертах, ещё в VI в. Власть в Караханидском каганате оказалась раз-

делённой между знатью двух карлукских племён: чигилей и ягма. Внешне это выразилось в разделе империи на две части: восточную и западную во главе со своим каганом. Верховным считался восточный каган из чигилей, со ставкой в Баласагуне (Куз-орду) и носивший титул Арслан Кара-хакан. [21: 1970, с.84]. Западный же, младший каган, из племени ягма, носил титул Богра Кара-хакан и имел ставку в Таразе, а позднее — в Кашгаре. [21, 1970, с.85].

Мы не будем освещать подробно вопросы возникновения Караханидского государства, связей с другими государственными образованиями, внешней и внутренней политики, хозяйства и культуры. Сам факт, гегемония карлуков и господство в Семиречье и дальнейшие этнополитические процессы привели их к смене власти, заменившей династией Караханидов. Сперва в захвате власти, а потом и в управлении государством Караханидов активную роль сыграло несколько тюркских племён, среди которых особо выделялись карлуки, занявшие привилегированное положение в этом государстве.

Караханидское государство, сменившее в X веке в Семиречье правление тюркских племён карлуков, а в Мавераннахре династию Саманидов, было первым кочевым феодальным государством на территории Центральной Азии. Этот период был периодом экономического и культурного подъёма. Племенной союз ягма, чигилей, карлуков, а затем и уйгуров преобразовался в середине X века в государственно племенную организацию – каганат караханидов [34: 1961, с.17], а по заключению Бартольда, империю Караханидов.

Несмотря на политический нажим со стороны носителей и представителей ислама, Карлукский каганат к моменту своего заката представлял собой развитый комплекс культурных и городских центров, станет государственной основой новой Караханидской империи, созданной ими. На последующем этапе эволюции карлуков в этническом, культурном и социально-политическом контекстах главным событием является их доминирование в регионе, развитие ими торговых, хозяйственных, религиозных, межкультурных, а т. ж. лингво- и этносициальных связей и строительства городов.

Важным достоинством исследуемого периода является то, что это было восхождение и "золотой век" в этнополитической истории карлуков. Каганат в 992-999 гг. расширяется, соединив древнюю Согдиану. Объединив её, Кашгарию, Семиречье и Мавераннахр и, образовав мусульманскую тюркскую империю, в междуречье "оседание карлуков и слияние их с таджиками продолжались достаточно интенсивно". [17: 1976, с.164].

Даже, когда пошатнулись устои государственности – во время образования империи кара-китаев (вскоре после 1130 г.) – владения хана Баласагуна были ещё самым северным мусульманским княжеством в этой области; ко времени падения этой империи мусульманские княжества были и севернее Или, именно карлукское владение в Каялыке и княжество в Алмалыке, около современной Кульджи, основатель которого также был из этого племени. [8: 1968, с. 590]. Как видно из этого сообщения, карлуки, помимо того, что были основным объединяющим племенем государства Караханидов, тем не менее, часть их продолжала воцаряться на севере Или с отдельным владением. Они сохранили свой сюзеренитет во время восшествий кара-китаев и чингизидов [8: 1968, с.622].

На рубеже XIII в. события в Семиречье разворачиваются стремительно. Карлукскому ханству с севера начали угрожать языческие кара-китаи (Елюй Даши), найманы (Кучлук) и монголы, а с запада – мусульманские хорезмшахи. Это привело к неизбежному расколу карлуков и их владычества. Согласно Рашид ад-Дина и Джувейни, единое ханство расколосось на два отдельных ханства: восточное со столицей в Каялыке и западное со столицей в Алмалыке, сохранившие те же системы осколков кочевых империй правления.

По сообщению историков, в конце XII века началась гражданская война в самом ханстве. Правитель Алмалыка Бузар-хан объявил себя Карлукским ханом и, тем самым, объявил войну карлукскому хану Арслан-хану, но война ничего не изменила, все осталось по-прежнему. Тогда, усилившись кара-китаи, вступили с севера во владения карлуков, далее в восточные ханства государства

Караханидов. Опасаясь вторжению Елюй Даши, оба хана карлуков объединились против внешнего врага кара-киданов, став самостоятельными.

Когда Кучлук восстал против гурхана, карлуки северной части Семиречья оказали ему поддержку и помогли одержать победу. [7: 1963, с.420]. Однако впоследствии правитель илийских карлуков Арслан-хан, при появлении на севере в его владениях Хубилая, предпочёл примкнуть к монголам, изъявив полную покорность Чингизхану.

Под угрозой исчезновения, "как и прочие князья этих районов, правитель Алмалыка вступил в связь с Чингиз-ханом. Сын и преемник Озара, Сукнак (или Сугнак)-тегин, получил в жены внучку Чингиз-хана (дочь Джучи); после его смерти (651\1253-54 г.; см.: Джувеини, изд. Казвини, I, 58; у Джемаля Карши – 648\1250-51 г.) ему наследовал его сын, имя которого (Данишманд-тегин), как и имена остальных правителей этой династии, упоминает только Джемаль Карши". [5: 1963, с.140].

Из истории известно, что осенью 1219 г. Чингиз-хан, как известно, двинулся против хорезмшаха Мухаммеда в сторону Отрара. В Семиречье к Чингисхану присоединился со своими отрядами идикут (правитель) Бешбалыка и крупный феодал Сугнак-тегин из Алмалыка. В свите Чингисхана находился тоже эмир города Койлыка [13: 1957, с.115].

При завоевании Средней Азии им пришлось воевать и со своими соплеменниками, во множестве служившими в войсках хорезмшаха. За верную службу сыну Арслан-хана были пожалованы в удел Узген и Фергана, кроме того илийским карлукам было позволено вернуться на те земли, с которых они были согнаны кара-китаями. [32, 1964, с.12-35].

На этом история могущественного государства Караханидов завершилась. Но в 940 г., выделившее "небольшое карлукское княжество в Алмалыке — реликт докараханидского государства карлукских ябгу" продолжали до 60-х гг. XIII века. Дальнейшее "покорение карлуков произошло при прямой угрозе завоевания" от полчищ и орд Чингисхана.

Так, нам становится очевидным, что Арсланхан – «князь карлуков в северной части нынешнего Семиречья (1-ый мусульманский князь, который присягнул монголам), позднее (после 1261 г) также владетель Алмалыка в долине Или» во второй половине XIV в. [8: 1968, с.622] был удельным ханом в улусах сыновей Чингизхана после ими завоевания.

Следует отметить, что часть карлуков ещё в XIV веке продолжала жить в степях. Дашти Кипчака – они были в числе племен, на которые опирался Абулхайр-хан, дед Шейбани-хана. Однако, позже значительная часть их, вероятно, ушла вместе с Шейбани-ханом в Мавераннахр (или Моголистан). Оставшиеся же полностью растворились среди казахов и киргизов, ибо в генеалогиях этих народов этнонима «карлук» нет. [17: 1976, с.187].

Подытоживая важный период в этнополитической истории карлуков и покорения ими Семиречья, отметим, что степная цивилизация, существовавшая на территории Карлукского каганата ещё до прихода династии Караханидов, усовершенствовалась ими и всецело послужила толчком процессу слияния оседлой и кочевой культур. Карлуки противостояв и, добровольно приняв ислам, распространили его среди кочевников.

Уникальная государственная модель, объединявшая тюркское наследие с другими институтами, многообразие и мультикультуральность была поистине образцовой в тот период степной цивилизации. Создав полиэтническую империю с высоким уровнем веротерпимости, включив представителей разных этнических и конфессиональных групп, правящая элита завладела не только пастбищами, но и важными городами, придерживаясь идеи разнообразия, синтеза двух миров, изменившие вектор истории в регионе.

Список литературы:

1. Байпаков, К. М. Город и степь Южного Казахстана и Семиречья в эпоху средневековья. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.); Отв. ред. К. Акишев. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 256 с.

2. Байпаков, К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. — Алматы: Гылым, 1998. — 216 с.
3. Баринова, Е. Б. Этнокультурные контакты Китая с народами Центральной Азии в древности и средневековье. — М.: ИЭА РАН, 2013. — 419 с.
4. Бартольд, В. Очерк истории Семиречья. Карлуки. — Фрунзе: Киргосиздат, 1943. — 104 с.
5. Бартольд, В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч. — Т. I. — М.: Востлит, 1963. — 761 с.
6. Бартольд, В. В. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Очерк истории Семиречья. — Сочинения. — М.: Наука, 1964. — Т. II/2. — 661 с.
7. Бартольд, В. В. Очерки истории Семиречья. — Т. II/1. Карлуки. — М.: Востлит, 1963.
8. Бартольд, В. В. Двенадцать лекций. — Сочинения. — Т. V. — М.: Наука, 1968. — 757 с.
9. Бернштам, А. Н. Согдийская колонизация Семиречья \ \ Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. — М.-Л., 1940. — С. 34-43. — Вып. VI.
10. Бернштам, А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. — Т. II. Сост.: К. Ташбаева, Л. Ведутова. — Бишкек: Айбек, 1998. — 704 с.
11. Бичурин, Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии.... — Т. 1. — М.-Л., 1950.
12. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии / Под ред. академика АН Таджикской ССР Б. А. Литвинского. — М.: ГВЛР «Наука», 1992. — 687 с.
13. История Казахской ССР. — Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1957. — Т. 1. — 610 с.
14. История Казахской ССР с древнейших вр. до наших дней. — Т. 2. — Алма-Ата, 1979. — 423 с.

15. Камалиддинов Ш. С. "Китаб ал-ансаб". – Ташкент: Фан, 1993. – 210 с.
16. Караев, О. К. История Караханидского каганата (X–нач.XIII вв.); Отв. ред. М. Б. Джамгерчинов, В. П. Мокрынин. – Фрунзе: Илим, 1983. – 302 с.
17. Кармышева, Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. АН СССР. – М.: Наука, 1976. – 323 с.
18. Кляшторный, С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 216 с.
19. Кляшторный, С., Савинов, Д. Степные империи древней Евразии. – СПбГУ. –2005. – 346 с.
20. Кляшторный, С. Г. Султанов, Т. И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. – СПб, 2009. 3-е изд., исправл. и доп. – 432 с.
21. Кляшторный С. Эпоха «Кутадгу билиг». Советская тюркология. – №4, 1970. – 82-86 с.
22. Кубарёв, Г. В. Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным // Творец культуры. Сб. науч.ст. –Труды ИИМК РАН. – Т.LVII. – СПб, 2021. – С.305-323 (756 с).
23. Мамадазимов, А. М. Открытый мир таджиков: Стратегия Саманидов; кн.1. – Душанбе: Илм, 2021. – 368 с.
24. Марков, Г. Е. Кочевники Азии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 320 с. С.16
25. Материалы и исследования по археологии СССР. –М.:Л.: Изд.АН СССР, 1952. – 347 с.
26. Насилов, Д. М. Карлуки у Махмуда Кашгарского. // Тюркологический сборник. — М.: Востлит, 1970. – 249-259 с.
27. Овчинникова, Б. Б. Тюркоязычные народы на просторах евразийских степей в эпоху средневековья. // Известия УрГУ. – №16, 2000. – 98-105 с. С.98
28. Потапов, А. П. Очерки по истории Алтайцев. – М.-Л., 1953. – 446 с.

29. Садирова, З. Т. Роль карлуков в этнических и этнокультурных процессах Тенгир-Тоо и Семиречья в 8-10 вв. Вестник КРСУ, 2022. – Том 22. – №10. – С.26-31.

30. Сафаров, Р. И. Карлуки на Великом шёлковом пути. // Историко-культурная центральность Центральной Азии и наследие больших и малых караванных дорог. (Коллективная монография). Самарканд, 25.05.2022 г. Отв. ред. Д. В. Сапрынская. – М.: РАС, 2022. – 328 с.

31. Худуд-ал-алам / Рукопись Туманского: изд. с введением и указателями В. Бартольда. – Л., 1930. – 78 с.; Худуд-ул-олам. Избранные. – Душанбе: Адиб, 2008. – 212 с. (тадж. яз); Худуд-ул-олам; отв. ред. и автор предис. А. Мухтаров. – Душанбе: Дониш, 1983. –132 с. (тадж. яз).

32. Шаниязов, К. Узбеки–карлуки (историко-этнографич. очерк). – Ташкент: Фан, 1964. –195 с.

33. Шаниязов, К. О роли карлукского компонента в этногенезе узбекского народа. ОНУ. – №6, 1981.

34. Щербак, А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. – М.:Л.: Изд. АН СССР, 1961. – 204 с.

35. Источник: электронный ресурс <https://greecehist.ru/drevnij/drevnie-uzbeki.html>

Сведения об авторе: Рахмоил Сафаров, кандидат исторических наук, доцент, Таджикский национальный университет, г. Душанбе; тел. +992 918 697 691, эл. почта: rahmoil.safarov@mail.ru, tajikconsult@mail.ru

УДК 94(574)

Талгатбек М.О.

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г.Алматы
(Казахстан)

Talgatbek M.O.

Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Almaty (Kazakhstan)

**ИСТОРИЯ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КИМАКО-КЫПЧАКСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА)**

Аннотация. Падение Кимакского каганата способствовало усилению кыпчакских племен на обширной территории степного пояса от Алтая на востоке, до Карпатских гор – на западе. Тюркоязычные племена были известны по письменным источникам соседей под разными названиями. Так, в арабо-персидских манускриптах кочевники фигурировали под именем кипчаков, тогда как в русских летописях их называли половцами, а в Западной Европе – куманами. В данной статье предлагается краткий обзор проблем этимологии имен кипчаков. Целью данной статьи является выявление особенностей в работах исследовавших политическую, этническую историю, культуру, религию и язык коман-кипчаков. Труды, опубликованные по теме исследования, систематизированы на основе анализа письменных исторических источников. Был сделан вывод о том, что команы, кипчаки и кимаки – родственные племена. На основе изучения родоплеменного состава и языковой принадлежности кипчаков было выявлено влияние кыпчакского компонента на этническую историю тюркоязычных народов, таких как: казахи, узбеки и башкиры. Главным достижением в кипчаковедении стало введение в научный оборот письменных источников. На основе письменных источников исследовались родоплеменной состав кипчакского объединения, территория, культура, мировоззрение, история взаимоотношений с соседними народами.

Ключевые слова: кимаки, команы, кипчаки, половец, средний век, историография, исследования.

HISTORY OF THE TURKIC STATES OF EURASIA IN THE MIDDLE AGES (BASED ON THE MATERIALS OF THE KIMAKO-KYPCHAK ETHNOGENESIS)

Abstract. The fall of the Kimak Khaganate contributed to the strengthening of the Kipchak tribes in the vast territory of the steppe belt from Altai in the east to the Carpathian Mountains in the west. The Turkic-speaking tribes were known from the written sources of their neighbors under different names. Thus, in the Arab-Persian manuscripts the nomads appeared under the name of Kipchaks, while in Russian chronicles they were called Polovtsians, and in Western Europe – Cumans. This article offers a brief overview of the problems of the etymology of the names of the Kipchaks. The purpose of this article is to identify the features in the works of those who studied the political, ethnic history, culture, religion and language of the Komans-Kipchaks. The works published on the topic of the research are systematized on the basis of the analysis of written historical sources. It was concluded that the Komans, Kipchaks and Kimaks are related tribes. Based on the study of the tribal composition and linguistic affiliation of the Kipchaks, the influence of the Kipchak component on the ethnic history of Turkic-speaking peoples such as the Kazakhs, Uzbeks and Bashkirs was revealed. The main achievement in Kipchak studies was the introduction of written sources into scientific circulation. On the basis of written sources, the tribal composition of the Kipchak association, territory, culture, worldview, history of relations with neighboring peoples were studied.

Key words: Kimaks, Komans, Kipchaks, Polovtsian, Middle Ages, historiography, research.

В истории евразийских степей кимаки и кыпчаки сыграли одну из генеральных ролей в сложении современной этнической картины. Как и с самого начала изучения этого крупнейшего племенного союза предмонгольского времени проблематика этногенеза этих народов до сих пор остаётся незакрытой и актуальной. Так, в изучении происхождения кимаков и кыпчаков были использованы исторические, лингвистические и археолого-этнографические группы

источников. Наиболее разработанными из них являются исторические и лингвистические материалы. Письменные источники подробно рассмотрены Кумековым Б.Е.[1] в монографии «Государство кимаков по арабским источникам» и Ахинжановым С.М.[2] в книге «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана». Несмотря на кажущуюся многочисленность письменных источников о кимаках и кыпчаках конкретных сообщений в них немного. Обрывочность информации и описание жизни племен на разных территориях и в разное время усложняет исследование и требует комплексного подхода в изучении кимаков и кыпчаков как по отдельности, так и в составе объединения. Важно отметить, что эти два племени были различными и по происхождению (версия Ахинжанова С.М. о протомонгольском происхождении кимаков), и территориально, а не единым племенем как считали многие исследователи, различая их «чисто хронологически»[2, с. 293].

Вопросы же сложения кимако-кыпчакского союза изучены лучше и наиболее полно освещены в работах Савинова Д.Г.[3] и Кляшторного С.Г.[4], Плетневой С.А.[5], Кумекова Б.Е.[6], Ахинжанова С.М.[7]. В виду сложившихся историко-географических причин сведения о кочевых соседях имеются в китайских источниках.

Историограф Сыма Цянь в своих «Исторических записках» (II в до н.э.) пишет о покоренных гуннами племенах «цюйще, динлинах, гэгуней (кыргызы)». Б.Карлгреном хуннское племя «цюйще» было определено как кыпчак, а в последующем Бернштам А.Н. поместил их на территорию Северо – Западной Монголии. Этой версии придерживались такие исследователи как Потапов Л.П., Гумилев Л.Н., Шаниязов К.М.[8, с.15.] Однако, теория была опровергнута, и Кляшторный С.Г. в связи с этим пишет, что «попытка реконструировать название упомянутого Сыма Цяня племени цюйше как кыпчак ... не оправдана фонетически»[8, с. 16-17.]. Одними из самых важных для данной темы являются упоминания кимаков и кыпчаков в мусульманских источниках IX-XIII вв. С XIX в. начинается их активная разработка и введение в научный оборот. Благодаря этим материалам, которые содержатся в работах В.В. Григорьева, Г.Юля,

А.Шпренгера и А.Вамбери, удалось выявить сведения о локализации кимаков и кыпчаков и внешне- и внутривосточной ситуации, а также сведения этнографического характера и т.д. В этих упоминаниях кимаки и кыпчаки значатся как многочисленные и сильные племена, именем которого названа вся Великая степь. Нет, однако, ни одного повествования того времени, где рассказывается об их прошлом. Даже легенды о происхождении кыпчаков, которые должны объяснить сам этноним, возникли, по словам Бартольда В.В., «в более поздней народной и учёной этимологии»[8, с. 18.]. Еще сложнее ситуация с кимаками: известны были государство кимаков, их города и их взаимоотношения с соседними государствами, однако этническое подразделение с таким этнонимом в кимако – кыпчакском союзе отсутствует. Для племени, которое к концу IX в. занимало обширные земли Верхнего и Среднего Прииртышья, Алакольскую долину, северо- восточное Семиречье и доходило до Джунгарского Алатау ситуация нехарактерная. Л.Амбис, а позже более подробно Зуев Ю.А., отождествляют племя яньмо в китайских источниках с йемеками арабских сведений XII в. Средневековый филолог и знаток тюркской истории Махмуд Кашгарский на местах расселения кимаков, т.е. на Иртыше, в своем труде «Диван лугат ат – турк» 1074 г. упоминает только йемеков и племя кай. Согласно И.Маркварту, этноним «йемек», образован от kīmak - iki imak – «два племени имаков»[9, с. 151.]. Не раз эта гипотеза подвергалась критике и окончательно подтвердилась благодаря открытию П.Пелью и Хасана Эрена, опираясь на который Кумекон Б.Е. «считает окончательно решенным вопрос о фонетическом отождествлении обоих слов. Таким образом, этноним йемек является фонетической (диалектной? хронологической?) разновидностью имени кимак» [6, с. 10.]. Соглашаясь с этим, Плетнева С.А. пишет «Йемеки – основное племя, название которого составляет основу этнонима кимаки...» [5, с. 213.]. В тюркском происхождении кимаков вышеназванные исследователи не сомневаются. Происхождение племен кимаков в другом русле рассматривает Ахинжанов С.М. По его версии йемеки — это тюркоязычное племя, проживавшее совместно с кыпчаками – сяньто на территории Верхнего Иртыша и в районе Алтайских гор уже с V в. н.

э. Кимаки же, под этнонимами кумак у ал – Бируни и каи у Махмуда Кашгарского, а в китайских источниках кумоси – кумохи или уранкаи, пришли на эти территории с Северо-Восточной Монголии и западной части Маньчжурии, где они были впервые зафиксированы Тамимом ибн Бахром под названием кимаки[7, с.212.]. В связи с падением Уйгурского каганата и начавшейся моровой язвой в степях Центральной Монголии племена кимаков вынуждены были сменить места обитания. Но эти миграции происходили не единой волной, а несколькими, что зафиксировал Гардизи в легенде о происхождении кимакского союза. Исходя из того, что кимаки обитали на территории населенной большей частью монгольскими племенами, автор делает вывод о их нетюркском происхождении и что они уже на новых местах, т. е. в Верховьях Иртыша и у Алтайских гор, отторчались аборигенным населением – йемеками и кыпчаками. Версия интересная, но маловероятная «...учитывая общую этнолингвистическую ситуацию в западных районах Центральной Азии»[10, с.51.].

Переходя на тему происхождения этнонима кыпчаков, следует сказать, что окончательно проблема не разрешена, но многие исследователи, в том числе Савинов Д.Г., Ахинжанов С.М., Горбунов В.В., Евстигнеев Ю.А. соглашаются с версией Кляшторного С.Г. Самым первым упоминанием имени «кыпчак» в мусульманских письменных источниках было сообщение в «Книге путей и провинций», написанной 846 – 847 гг. Ибн Хордадбехом. Используя некий документ VIII в., он включил в «Книгу» перечень тюркских народов – после страны тогузгузов в списке значится «страна кимаков», а где - то в конце списка, перед малоизвестными арабам «кыргызами, у которых есть мускус», названы «кипчаки» [10, с.52.].

Так, более тысячи двухсот лет назад в мусульманских источниках начинают появляться сведения о кимаках и кыпчаках. То, что до VIII – IX веков о кыпчаках не было никаких упоминаний кажется странным и заставляет предположить, что такого рода информация содержится в зашифрованной форме уже в известных источниках. С.Г.Кляшторный достаточно убедительно доказывает, что действительно, этноним кыпчак не мог употребляться ранее обозначенного

периода, т.к. возник после 744 года²⁷. Исследуя стелу с руническим текстом «Надпись из Шине Усу» или «Селенгинский камень» в котловине Могон Шине Усу, южнее р. Селенги, вслед за Г.Рамстедом читает в полуразрушенной строке северной стороны стелы: «Когда тюрки – кыпчаки властвовали над нами пятьдесят лет...». Японский учёный Т.Мориясу попытался ревизовать чтение Г.Рамстедом этого места надписи при изучении стелы. Автор, предлагает читать и переводить фразу следующим образом: «Я слышал, что тюркские каганы сидели на троне пятьдесят лет». Но эта интерпретация оказалась ошибочной. Так, прочтение надписи Г.Рамстедом является наиболее правомерной, что было проверено и впоследствии доказано С.Г. Кляшторным. Однако, предложенное Г.Рамстедом слитное чтение «тюрки – кыпчаки» хоть и грамматически верное, но вряд ли приемлемо. С.Г. Кляшторный пишет об «отсутствии случаев слияния или отождествления в унитарном написании этих двух этнонимов. Более того семантика (т.е. смысловое содержание) каждого этнического имени строго определена и не имеет расширительного значения» Поэтому следует разделять этнонимы «тюрки – кыпчаки» и читать как самостоятельные имена согласно обычному чтению рунических текстов [4, с.152.].

По версии Кляшторного С.Г. господствующая группа племен, названная в тюркских памятниках «тюрками и сирами», в уйгурских рунических надписях именуется «тюрками и кыбчаками». Из этого был сделан вывод, что при обозначении одного и того же племенного союза, в некоторой степени делившие власть с тюрками, тюркские источники использовали этноним сир, в то время как уйгурские – этноним кыбчак (кывчак). В свою очередь, сирь уверенно идентифицируются с крупным телеским племенем – сеяньто, которые во второй половине I в. бытовали на территории восточной части центральной Азии и в китайских документах обозначены под именем се. Так отыскивались ранние следы кыпчаков и теперь их этно – политическую жизнь следует рассматривать как историю племени сеяньто. Таким образом, одно племя в разновременных и разноязычных источниках обозначены под разными именами. Все этнонимы тождественны, но в чем же причины различного употребления?

В 646 году огузские племена, страдавшие от притеснений сирского кагана Бачжо, обратились за помощью к Тайцзуну. Они жаловались на то, что Бачжо «жесток и беззаконен, и не способен быть нам господином». Так, тогуз - огузы заключили военный союз с танской империей. В июне 646 года тогуз – огузы под руководством «вождя уйгуров, «великим эльтебером» Тумиду, напали на сиров и нанесли им тяжелое поражение». Бачжо пытался бежать, но был пойман уйгурами. «Хойху (уйгуры) убили его и истребили весь его род»³⁰. Для полного уничтожения сеяньто правящие круги китайской империи предприняли решительные действия, отправив генерала Ли Цзы с двумя туменами уйгурской конницы добить их остатки, пребывавшие у северного хребта Отюкен и «порубили до 5000, в плен взяли до 30 000 стариков и детей и так уничтожил его...» [10, с.52.]. Таким образом, Сирский каганат (630–646 гг.) прекратил свое существование, попытка же восстановить его была подавлена Китаем в 668 г. Такая внезапная гибель могучего государства породила среди оставшихся сиров легенду о вмешательстве сверхъестественных сил. Она объясняла трагические события в племени и была известна во всей степи. В китайской историографии сохранился вариант легенды весьма близкий к первоначальному. «Прежде, перед тем как сеяньто были уничтожены, некто просил еды у их племени. Отвели гостя в юрту. Жена посмотрела на гостя – оказывается, у него волчья голова (волк считался прародителем уйгуров). Хозяин не заметил. После того, как гость поел, жена сказала людям племени. Вместе погнались за ним, дошли до горы Юйдугунь (Отюкенская чернь). Увидели там двух людей. Они сказали: «Мы духи (боги). Сеяньто будут уничтожены». Преследовавшие испугались, отступив, бежали. Из – за этого потеряли их. И вот теперь (сеяньто) действительно разбиты под этой горой». Ясно, что появление нового этнического термина связано с гибелью могучего государства сиров – Сирского каганата в 646 году, когда уйгуры и китайцы массово истребляли сиров, что вызвало гибель их государства и правящего рода. Естественно, что это событие, коренным образом повлиявшее на историю народа, отразилось в семантике, т.е. в смысловом содержании нового племенного названия. Слово *quvsaq* – *quvraq* с

языка древних тюрков переводится как неудачный, злополучный, злосчастный, несчастный, и употребляется в устойчивом сочетании кывчак ковы – кыпчак кобы – кыбчак кобы. Семантика этнонима понятна, но неясны причины становления названия: связано ли это с изменением этнического самосознания или старый этноним со временем потеснился полученным извне, из обихода другой племенной группы? Кляшторный С.Г. объясняет явление универсальной особенностью религиозно – магического мышления – представлением о неразрывной связи между предметом и его наименованием: «...появление нового этнического термина связано с примечательными и всем известными обстоятельствами – являлось ответом на события, коренным образом повлиявшее на судьбу сирских племен» [11, с. 89.]. Н.Л. Жуковская пишет следующее: «До сих пор встречается, хотя и редко, когда – то широко распространенный обычай замены первоначального имени на иное, новое имя. Первое имя предается забвению. Обычно это связано с выздоровлением после тяжелой болезни и осмысливается как перерождение личности. Кроме того, новое имя должно было ввести в заблуждение «злые силы», которые вызвали тяжелую болезнь» [12, с. 112.]. Например, у алтайцев, в этногенезе которых участвовали кыпчаки, поныне существует этот обычай. Приобретение нового имени – оберега с уничижительным значением стало средством спасения племени сиров.

Прошло немало времени с появления названия кыбчак, забылись и причины его смены, и семантика, мало приемлемая для этнического самоназвания. Появилась новая легенда для объяснения этнонима. Она отобразилась в эпосе огузов. Согласно легенде, Кыпчак был сыном одного из соратников Огуз – кагана, называвший себя «уйгурским каганом», духовным покровителем которого был сивый волк, и дарующий своим ближним бекам имена, ставшие, по легенде, эпонимами огузских племен, в число которых Рашид ад – дин включил и кыпчаков. Однажды во время неудачного похода огузов на племя ит – барак нашли мальчика в дупле дерева, и Огуз – каган назвал его Кыпчаком. Слово кыпчак – это производное слова кобук, в тюркском языке помимо вышеупомянутого перевода, означает «дерево со сгнившей сердцевиной». Существует и

вторая версия легенды: во время переправы через реку в лесистой местности родился мальчик. Огуз – хан сказал ему: «О, будь ты так же князем, как и я, и пусть имя твое будет Кыбчак». Примечательно, что в обоих вариантах легенды неизменным атрибутом появления кыпчаков являются деревья. В связи с этим исследователи Ахинжанов С.М., Кляшторный С.Г. и Кумекон Б.Е.- предполагают, что кыпчаки «происходили из той местности, в которой лес постепенно сменяется степью, т. е. в лесо-степной зоне» [13, с. 25.].

Таково происхождение этнонима «кыпчак» по версии Кляшторного С.Г., однако есть исследователи несогласные с ней. Гаркавец А.Н. в своей статье «Откуда есть пошли кыпчаки и кимаки?» оппонирует Кляшторному С.Г. в вопросах прочтения рунической надписи из Шине Усу и отождествлении сиров /сеяньто с кыпчаками, также датировке их упоминаний в мусульманских источниках. Спорную четвертую строку северной стороны Селенгинского камня, которую Кляшторный С.Г. вслед за Г.Рамстедом читает как *türk [qïb] čaq*, т.е. тюрки и кыпчаки, Гаркавец А.Н. читает *Tür[k-si]r*, т. е. тюрки сир, написание которых имеет аналогии в других рунических надписях, и рассматривает термин сир по отношению к термину тюрк лишь как «атрибутивное, при самостоятельном же употреблении – заместительное, но во всех случаях значение у термина сир одно: «сирский, табгачский, китайский подданный» и продолжает «особого – отличного от тюрков – «сирского племенного союза» не существовало. Иначе хоть какой –нибудь из многочисленных надписей, повествующих о судьбах, больших и малых победах и поражениях тюрков, воображаемые нетюрки – сир, иллюзорные тюрки – кыпчаки непременно оказались бы в качестве их конкретно поименованных союзников или же врагов, тем более что ни призрачных союзников – теней, ни безымянных врагов – призраков история вообще и, в частности, история древних тюрков не знает». Это значит, что сиров, как отдельное племя, вообще не существовало и отождествление сеяньто / сир / кыпчак по Кляшторному С.Г. в корне неверно [14, с. 52.].

Многие исследователи аргументируют существование кимаков и кыпчаков в древнетюркское время опираясь на мусульманские источники. Однако, они

упускают из виду тот факт, что датировка сообщений в большинстве случаев не соответствует времени жизни авторов или времени его составления, т.к. многие документы имеют компилятивный характер и оригиналы у большинства отсутствуют. Так, обстоит и с «Книгой путей и провинций» Ибн Хордадбега. Ссылаясь на специфику его службы «начальника почты и осведомления», некоторые исследователи полагаются на достоверность сообщений, забывая о том факте, что оригинал не сохранился, а существующие его списки моложе на два – три века, в течение которых в сочинение могли добавляться актуальные факты, удаляться или изменяться на усмотрение копииста [15, с. 128.].

На данном этапе изучения вопросы истории этногенеза кимаков и кыпчаков может решить только открытие новых письменных источников. Это открывает широкое поле для новых исследований и открытий.

Список литературы:

1. Кумеков Б.Е. Об этнонимии кипчакской конфедерации Западного Дешт-и Кипчака XII – начала XIII в. //Изв. НАН Республики Казахстан (серия обществ. наук). Алматы, 1993. №1.
2. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. 293 с.
3. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
4. Кляшторный С.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Фил. фак-т СПбГУ, 2005. 346 с.
5. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. С. 213–222.
6. Кумеков Б.Е. Об этнонимии кипчакской конфедерации Западного Дешт-и Кипчака XII – начала XIII в. //Изв. НАН Республики Казахстан (серия обществ. наук). Алматы, 1993. №1. С. 6-10.
7. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. 293 с.

8. Илюшин А.М. Западные и восточные кыпчаки по материалам археологии //Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43).15-19 с.
9. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л. : Наука, 1958. № 62. 151 с.
10. Пилипчук Я.В. Быт и хозяйство кыпчаков. //Археология и культурная антропология. 2014 г. 51 с.
11. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. Москва: Наука. 1964. 256 с.
12. Жуковская Н.Л. Судьба кочевой культуры. Москва: Наука. 1990. 112 с.
13. Голден П. К вопросу о происхождении племенных названий кыпчаков. //Кыпчаки Евразии: история, язык и письменные памятники. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 1100-летию Кимекского государства в рамках Дней тюркской письменности и культуры. Астана, 2013. 25.с.
14. Гаркавец А.Н. Две новонайденные армяно-кыпчакские рукописи //Тюркологический сборник. М., 1981. 252 с.
15. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. //Восточная литература РАН, 2004.- 128. с.

Сведения об авторе: Талгатбек Манаш Ойратулы, преподаватель КазНПУ им.Абая, кафедра всемирной истории сотовый телефон, 87774352293 e-mail: dukenbaevazo@mail.ru

УДК 94. (575.2)

Токтогулова Г.Т.

Джалал-Абадский государственный университет имени Б.Осмонова, Джалал-Абад (Кыргызстан)

Toktogulova G.T.

Jalal-Abad State university named after B.Osmonov, Jalal-Abad (Kyrgyzstan)

**ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
(В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА)**

Аннотация: В данной научной статье исследованы характерные особенности языковой ситуации в кыргызском обществе в первой половине XX века, предприняты попытки анализа языковой ситуации того времени. Основной целью исследования было объективное изучение языковой ситуации в кыргызском обществе периода первой половины XX века. В качестве основных источников были использованы труды, написанные и сохранившиеся до Октябрьской революции, и литература, относящаяся к теории языка. В результате исследования были представлены исторические факты, скрытые в старой истории и архивных страницах, научные взгляды с новой точки зрения, анализы, исследования, сделана попытка выяснить место языковой ситуации в кыргызском обществе в история.

Ключевые слова: культура, письменная культура, языковая ситуация, языковая эволюция, письменное наследие, арабский алфавит, билингвизм, латинское письмо, русская кириллица, национальная графика.

**LANGUAGE SITUATION IN KYRGYZ SOCIETY IN THE FIRST HALF
OF THE XX CENTURY**

Abstract: This scientific article investigates the characteristic features of the language situation in Kyrgyz society in the first half of the XX century, attempts to analyze the language situation of that time. The main goal of the research was to objectively study the language situation in Kyrgyz society in the first half of the XX century. The main sources used were works written and preserved before the October Revolution and literature related to the theory of language. As a result of the study,

historical facts hidden in old history and archive pages, scientific views from a new point of view, analyses, studies were presented, and an attempt was made to find out the place of the language situation in Kyrgyz society in history.

Key concepts: culture, written culture, language situation, language evolution, written heritage, Arabic alphabet, Bilingualism, Latin script, Russian Cyrillic, national script.

Язык-это особенность, присущая каждому этносу, которая продолжает и будет сопровождать человеческую жизнь в целом как насущный вопрос. Поскольку национальная идентичность также характеризуется наличием языка, нет никаких сомнений в том, что каждая нация пытается сохранить свой национальный язык. Процесс глобализации, который превращает слабые страны в жертвы сильных, также приводит к исчезновению многих языков в мире. Такие явления испытывали не только этнические группы, живущие в рамках глобализации, но и наши предки с незапамятных времен. Возвращаясь к периоду XIX века, когда Средняя Азия, в том числе Кыргызстан, привлекла внимание двух великих держав и в итоге оказалась под властью России. Столкнувшись с таким явлением, кыргызское общество пережило политику русификации, а затем и процесс большей склонности к русскому языку.

В целях анализа положительных и отрицательных сторон такого явления, с которым столкнулся кыргызский народ, в качестве основной проблемы был поставлен анализ языковой ситуации начала XX века в историческом аспекте, для вывода которого были использованы исторические труды, источниковедческие данные, материалы российских путешественников, ученых в области Туркестановедения, востоковедения, кыргызоведения, языковой политики, языкостроения, языковой ситуации. работы исследовались с научной точки зрения.

При исследовании языковой ситуации в кыргызском обществе использовались историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный методы. Для сопоставления исторических трудов официальной и

неофициальной точек зрения, отражающих административную политику колониальной России в Кыргызстане, для исследования точек зрения применялись историко-сравнительный, логический и другие научные методы, позволяющие сделать обоснованную логическую сделку с реальным историческим мышлением.

Нынешние рамки глобализации привели к значительным изменениям в национальном языке, который является единым языком многих наций, иногда даже вызывая проявления полного исчезновения. Такие явления свидетельствуют о том, что каждому государству необходимо тщательно продумать судьбу, перспективы проблемы национального языка. В конце концов, глобализированная структура состоит из вмешательства в международные проблемы. По мнению исследователей языкового вопроса, правильно установлено, что “язык является неотъемлемой частью государственной политики и состоит из теории и практики языка, языкового планирования, хода языкового развития, целенаправленности функционирования существующих языков, создания и совершенствования новых языковых средств общения” [1, с. 254].

Язык-сложнейшее общественно-политическое явление, несущее большую функциональную и ролевую нагрузку, один из факторов оптимизации культурно-коммуникативных процессов, обеспечивающий устойчивое развитие отдельного этнического социума, регулирующий национальную безопасность и межэтническую культуру. Язык является основным объектом, на который ориентируются национальная идеология и национальные чувства, и он является основным отличительным признаком этносов, явлением, которое подвергается концептуализации не только как средство коммуникации. В зависимости от характера соотношения языка и политики исследователи различают два аспекта, в одном из которых язык действует как инструмент, а в другом-как объект политического влияния. Если в первом случае мы имеем дело с воздействием языка или “манипулированием языком” на сознание адресата для достижения определенных политических целей, то во втором-фактически

“языковая политика” является составной частью национальной политики, обуславливая развитие языковых процессов не только нормального нормативного воздействия государства и его компетентных органов, но и связанных с языком этнополитических ситуаций, конфликтов, языковых конфликтов. является частью политического контроля над ситуацией. Несмотря на то, что языковая политика является одним из давно сложившихся направлений деятельности современных государств, в основном из-за различий в значениях, заложенных в это понятие в различных научных школах мира, термин “языковая политика” до сих пор остается неясным. Об этом свидетельствует большой список квазисинонимических иноязычных терминов, входящих в семантическое поле концепции “языковая политика” - language development, language modernization, planification linguistique и другие, - их перевод кажется нецелесообразным, поскольку их мнение о том, что за каждым из них стоит своя собственная культурная реальность, перекликается с мнением Э.Д.Сулеймановой [2, с. 6-7].

Наряду с “языковой политикой” в социолингвистике существуют понятия “языковое конструирование”, “языковое планирование” и “языковая ситуация”. Во второй половине XIX-начале XX века в целях создания национальных алфавитов для таких бесписьменных языков, как кыргызский, казахский, развития делопроизводства, изданий на национальных языках, национального образования, впервые появился в 20-30-е годы в СССР в отношении государственных работ по развитию языков национальных меньшинств (в соответствии с решением съезда РКП(б) от 1921 года). Термин “языковое планирование” был впервые использован в 1959 году американским лингвистом Эйнарсом Хаугеном в его работе о языковых конфликтах в Норвегии и для обозначения языковых ситуаций в странах третьего мира. "Там, где есть языковые проблемы, требуется исследование ЯП (языкового планирования)." - писал исследователь. – <...> В одной из моих предыдущих работ я определил ЯП как “работу по подготовке нормативной орфографии,

грамматики и словарного запаса для членов разнородных речевых сообществ, чтобы направлять письмо и разговорный язык”, - говорит он [3, с. 8].

Обычно термины “построение языка” и “языковое планирование” использовались для обозначения конструктивных действий, направленных на укрепление коммуникативных и социальных возможностей конкретных языков. В то же время использование термина “языковая политика” оказывает на язык влияние, которое предпочтительнее в позитивных и деструктивных обобщениях, а именно – его можно понимать как запрет или ограничение сферы его применения. Термин “языковая ситуация” был впервые введен в научное употребление известным французским лингвистом Антуаном Мейе. Автор в своей работе “языки новой Европы” определяет следующее: “под языковой ситуацией мы подразумеваем совокупность языков и функциональных стилей, которые служат связующим звеном в административно-территориальном единстве и этнической общности” [4, с. 45,79]. Этот термин широко использовался в 20-30-х годах прошлого века в работах иностранных лингвистов, изучавших языки народов Азии и Африки, таких как Д. Вестерман, К. Лопез, К. М. Доу и другие. Существуют и другие определения термина “языковая ситуация”. Известный лингвист А. Д. Швейцер говорит: “... что языковая ситуация может быть определена как модель социально-коммуникативных систем и подсистем”. Термин “языковая ситуация” употреблялся многими учеными по-разному, в его основе лежат языки и их носители, духовная культура народа, совокупность жизненных форм (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимодействии и их взаимодействия с другими языками во всех сферах жизни конкретной этнической общности рассматривается как совокупность форм жизнедеятельности языка (языков, территориальных и социальных диалектов), обслуживающих континуум общения в определенной этнической общности или административно-территориальном объединении.

Ярким событием XIX века в формировании многообразной этно-языковой ситуации Кыргызстана является процесс вхождения в состав России,

неоднократные пересмотры границ в ее рамках, особенности государственно-политического устройства и чрезвычайные события, коренное изменение общественной системы. В современном кыргызском обществе существует более ста языков [5]. Поскольку кыргызский народ является глубоко коренным народом, страницы истории свидетельствуют о том, что у кыргызов издавна был свой язык, свой менталитет, письменность. Кыргызский народ в свое время был народом, создавшим свой собственный каганат, который то враждовал с соседними народами, то зависел от них, то жил как свободный народ. Одним из таких ярких событий в истории кыргызского народа является вхождение Кыргызстана в состав России. Это событие, объединившее историю национального и языкового строительства кыргызского народа с историей русского народа, стало известно в истории как эпоха советов.

Основы национальной политики в советское время были заложены в 1922 году, и эта политика также включала языковой вопрос некоторых национальностей. В то же время русский язык считался языком союзных республик. Ряд исследователей также отмечает, что в 1920-е годы на всей территории Советской республики был введен курс по максимально широкому вовлечению местного населения в административную деятельность с последующим переводом делопроизводства на местные языки [6, с. 37]. В то время как мнение И.А. Бодуэн де Куртэ о том, что "ни один язык не является государственным и обязательным для всех образованных граждан", оставляет впечатление, что оно выражает одну из причин изменившейся языковой ситуации в кыргызском обществе [7, с. 8], сведения об этно – языковой структуре кыргызского общества можно найти в работах В.В. Бартольда [8, с. 562].

А когда в 1924 году в Средней Азии был проведен процесс территориальной сегрегации, на первый план вышла лингвистическая составляющая, предполагающая создание литературных языков для каждой нации. Такой процесс происходил и в соседних странах, и первой проблемой, с которой столкнулись ученые при построении каждым народом своего

национального языка, была графика языка. Народы, населяющие Среднюю Азию, в том числе и кыргызы, исповедуют мусульманство, поэтому в качестве носителя используют арабский алфавит. Несмотря на то, что в кыргызском обществе арабская письменность в 1925 году была реформирована и некоторое время использовалась, в 1927 году она была заменена латинским алфавитом, что приводило к различным причинам поддержки этой идеи, но основным мотивом была политика ориентации на запад. Существенным преимуществом латинского алфавита считался его международный характер. Затем в 1939 году кыргызское общество перешло на русскую кириллицу. Языковые реформы были восприняты представителями ранней интеллигенции кыргызского народа в ряде случаев противоречиво.

Были случаи, когда представители кыргызской интеллигенции привлекались к ответственности за совмещение языковых вопросов с национальными интересами, многие репрессировались на почве националистической, буржуазной и иной пропаганды. В советское время для дальнейшего развития партийно-государственного аппарата и решения культурно-образовательных вопросов требовались новые кадры, для подготовки которых создавались отрасли, поддерживающие советскую систему. Такое явление Е.Д. Поливанов описывал по-следующему: "можно сказать, что он получил образование как представитель русского языка и остался "простым человеком" как представитель родного языка" [9, с. 227]. Такая позиция "простого человека", отмеченная Е.Д. Поливановым, объективно обоснована. Несмотря на то, что в национальных автономиях как следствие репрессий на повестку дня ставились вопросы о высоком уровне языка этноса, численность и престиж представителей национальной интеллигенции продолжали стремительно снижаться. Новые образованные слои национальных меньшинств иными словами, особенно представители первобытной интеллигенции кыргызского народа, хотя и двуязычны, но родной язык используется только в повседневном контексте, ограничен в бессознательном. Такой процесс встречается и у казахского населения, и в работе Д.А.Аманжоловой показано,

что этнический казак С.А.Асфендияров следующим определением так четко обозначил исторический процесс: любой казак скажет, что я лучше выучу русский язык, чем свой, с радостью отдаст своего кыргызского ребенка на изучение русского языка [10, с. 156]. Таким образом, анализируя задачи национальной политики советского периода, можно сделать вывод, что развитие местных культур и языков не было приоритетным. В 1930 году на XVI съезде ВКП (б) мнение И.В.Сталина: "возникновение социалистических культур как по национальной форме, так и по содержанию <...> чтобы объединить их в одну общую социалистическую культуру, когда пролетариат побеждает во всем мире" [11, с. 369] также подтверждает вышеупомянутую сделку. Реально то, что общественное сознание и объективные интересы государства того времени требовали от граждан кыргызского общества знания русского языка. Во второй половине 1930-х годов, несмотря на то, что использование латинского алфавита, с одной стороны, и русского языка, с другой стороны, было одной из потребностей общества, необходимость склоняться к одному из двух привела к трудностям в продуктивном овладении русским и местными языками. Так кыргызский народ перешел на русский алфавит с 1941 года и пользуется им до сих пор. Важность знания русского языка особенно проявилась в годы Великой Отечественной войны, когда граждане союзных стран, в том числе кыргызского народа, со знанием общенационального русского языка в союзе с представителями одной нации одержали победу. Недавние исследования начали подтверждать, что особенно в послевоенные годы, когда русский язык использовался в повседневной жизни и на государственном уровне, занимал все сферы жизни общества, когда политическая ориентация страны поддерживала равенство всех языков и народов, начался необратимый процесс возвышения русского языка как единого консолидирующего языка многонационального государства-победителя, и в итоге стал рабочим языком других международных объединений стран социалистического лагеря, то что в конце 1940-х годов во всех союзных республиках и на национальных территориях увеличились темпы урбанизации и индустриализации, массовое перемещение промышленного

пролетариата из центра в отдаленные регионы способствовало неизбежной русификации городов, этот процесс был особенно очевиден в Казахстане и Кыргызстане в результате широкого освоения неосвоенных земель, русский язык был распространен среди всех этносов, и во второй половине 1950-х годов советская власть приняла закон "об укреплении связи школы с жизнью", что, хотя это и не имеет прямого отношения к языковому конструированию, оно оказывает значительное влияние на судьбу языкового ландшафта регионов, поскольку в соответствии с этим законом родители имеют право выбирать школу для обучения своих детей, что в основном связано с выбором языка обучения [12, с. 50].

В Кыргызстане в этот период наблюдается такая же тенденция, когда в детских садах, школах, средних и высших учебных заведениях обучение ведется только на русском языке. В общественном сознании кыргызского народа сформировались такие понятия, как "русский язык-единственный язык высшего образования". Общество отмечает, что русский язык, который в свое время приобрел авторитет и занял общественную жизнь, сегодня имеет серьезные последствия. Правильно с одной стороны, были допущены такие ошибки, стало очевидно, что государственный язык выходит из употребления, государственный язык дошел до такой степени, что нуждается в защите и использовании, с другой стороны, русский язык, русская культура, наука, образование не только не оставили позади население, живущее в его составе, но, в свою очередь, способствовали распространению просвещения, формированию научной сферы, освоению культуры народов мира.

Подводя итоги можно сказать, что изучая языковую ситуацию в кыргызском обществе, можно заметить, что в советское время государственный язык кыргызского народа был вытеснен на второе место в своей стране, начиная с ранней интеллигенции, политическая элита кыргызского народа имела привычку передавать свои мысли, идеи на русском языке, только бытовые вопросы, повседневное общение велось на его языке. Такое явление особенно актуально после периода окончательного перехода с латиницы на русский

алфавит, когда детские сады, школы, средние профессиональные училища, высшие учебные заведения кыргызского языка стали проводиться на русском языке.

Список литературы:

1. Сулейменова Э.Д. Словарь социолингвистических терминов. — Астана: Арман-ПВ, 2019. — С. 254.
2. Сумарокова О.Л. Эволюция языковой политики Российской империи в Туркестанском крае (По материалам Киргизстана) Бишкек 2015. С.6-7.
3. Хауген Е. Планирование литературного языка в современной Норвегии // Антропологическая лингвистика. (Haugen E. Planning for a standard language in modern Norway // Anthropological Linguistics). 1959. № 8. С. 8.
4. Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика: Теория и проблемы / Л. Б. Никольский. -М. : Наука, 1976. -168 с.
5. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/39/> (Дата обращения: 20.07.2023)
6. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. — М.: Крафт+, 2000. — С. 37.
7. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Проект основных положений для решения польского вопроса. — СПб: тип. "Труд и польза". —1906. — С. 8.
8. Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. — М.: Наука, 1964. — С. 562.
9. Поливанов Е. Д. О литературном (стандартном) языке современности // Родной язык в школе. - М.,1927. - № 1. -С.227.
10. Аманжолова Д. А. Цит. по: Аманжолова Д. А. Форматирование советскости: национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР, 1920-1930-е гг. — М.: Собрание, 2010. — С. 156.
11. Сталин И. В. Сочинения: в 18 томах. - М.: государственное издательство политической литературы, 1949. -Т.12. - С. 369.
12. Алымова А.С. Эволюция языковой политики Казахстана: проблемы и перспективы.

https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/100855/1/m_th_a.s.alymova_2021.pdf. (Дата обращения: 20.07.2023)

Сведения об авторе: Токтогулова Гулжамал Тыныбековна, кандидат философских наук, доцент ЖАГУ им. Б.Осмонова, город Жалал-Абад, Кыргызстан toktogulova.72@mail.ru

УДК 902/904(574.1) 13/15

Ужкенов Е. М.

Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова, Алмата (Казахстан)

Uzhkenov Y. M.

R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty (Kazakhstan)

УПАДОК ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА НА ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТАХ: СПЕЦИФИКА И ХРОНОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Данная статья посвящена одной из малоизученных аспектов Золотой Орды, а именно проблеме хронологии функционирования золотоордынских городов на территории Западного Казахстана. Несмотря на свою периферийность, данные города, продолжали свое существование довольно долго несмотря на крах существовавшей централизованной империи. Имперский импульс оказался настолько мощным, что позволил городам и дальше выполнять свои функции, даже в пределах других государств, таких как Ногайская Орда или Казахское ханство. Используемые карты помогают уточнению хронологических данных, служат основой для реконструкции существования оседло-земледельческой культуры.

Ключевые слова. Средневековье, Золотая Орда, Западный Казахстан, город, кочевники, оседлость, культура, история.

Благодарность. Данная статья подготовлена в рамках выполнения научного проекта АР23489009 «История оседлых поселений Западного Казахстана в

золотоордынский период: реконструкция материальной культуры повседневности».

THE DECLINE OF THE GOLDEN HORDE CITIES OF WESTERN KAZAKHSTAN ON HISTORICAL MAPS: SPECIFICS AND CHRONOLOGY OF THE PROBLEM

Abstract. This article is devoted to one of the little -studied problems of studying the Golden Horde, namely the problem of the chronology of the functioning of the Golden Horde cities in Western Kazakhstan. Despite its peripherality, the data of the city, judging by the information of European maps, could continue their existence for quite some time despite the collapse of the existing centralized empire. The imperial impulse turned out to be so powerful that it allowed the cities to continue to fulfill its functions, even within other states, such as the Nogai Horde or the Kazakh Khanate. Despite the scarcity of written sources, the maps help clarify the chronological data, thereby compensating for the absence of written information and can serve as the basis for the reconstruction of the existence of a saddles' crops.

Keywords. The Middle Ages, the Golden Horde, Western Kazakhstan, the city, nomads, settling, culture, history.

Acknowledgement. The reported study article is part of project AP23489009 «History of sedentary settlements in Western Kazakhstan during the Golden Horde period: reconstruction of material culture of everyday life».

Введение. Историческое прошлое до сих пор подвергается изучению и анализу. Многие узловые моменты нашей истории пересматриваются благодаря новым данным и применению новых способов изучения. Применение новых технологий позволяет как можно более полно восстановить древние географические условия, которые во многом помогают более объективно реконструировать исторический фон и контекст. Также важным условием для переосмысления определенных моментов прошлого является и современные тенденции, которые устраняют или меняют общую направленность мифов и стереотипов в отношении отдельных исторических событий. Так, таким малоизученным, но огромным рубежным событием нашей истории является распад Золотой Орды

– империи, которая на протяжении не менее двух веков влияла на общий ход мировой истории. Сложившееся в исторической науке СССР формационный подход во многом predetermined необходимую «конечность» любого исторического периода. Так, гибель Римской империи стала основой для деления двух формаций – от рабовладельческого строя к феодальному. При этом в советской историографии IV – VI вв. все же воспринимались как переходные [1, с. 316] или даже до VII века [2, с. 47]. В целом, именно эта традиция стала основой для деления истории мира от Античности до Средневековья, которая позднее была воспринята и казахстанской научной школой. Будучи основана выходцами из советской школы, в казахстанской исторической школе до сих пор есть деление на древний и средневековый периоды, хотя тот же экономический базис для всех государств кочевников оставался неизменным – кочевое скотоводство. Не менялся и общественный строй кочевников, что побуждает историков поставить под сомнение необходимость такого деления на периоды. Изменилась лишь форма политической организации, хотя она произошла далеко от принятой даты – империя гуннов, государства Кангюй и Усунь сложились задолго до VI в. И хотя земледельческие общины были уже давно инкорпорированы в ранние сакские общества и вышеуказанные государства, лишь только Золотая Орда практиковала строительство новых населенных пунктов в массовом объеме. Если города Южного Казахстана были в монгольское время лишь восстановлены, то массовое строительство городов в традиционно аридной зоне – явление новое для истории Казахстана. Можно лишь предположить, что природно-климатические условия вполне позволяли занятию земледельческим трудом, однако не всегда и не везде.

Большие потоки рабской рабочей силой, так или иначе должны были привести к строительству необходимых сооружений, а торговля награбленными трофеями позволила перенаправить основные торговые артерии в новый столичный домен – Нижнее Поволжье. Необходимость обеспечения новых торговых маршрутов привела к активизации градостроительной практики властей новой Империи. Первыми оседлыми жителями стали военнопленные из числа

жителей среднеазиатских городов, что и стало основой для облика новых городов, которые стали калькой прежних мест проживания переселенцев. Обеспечение бесперебойной торговли ремесленными изделиями стало основой благосостояния жителей западноказахстанских населенных пунктов. Учитывая, что известны сведения о переезде ремесленников из Европы в золотоордынские города, можно предположить, что условия для особо ценных специалистов были намного лучше. Однако и основная масса ремесленников вполне неплохо себя чувствовала, так как в централизованном государстве могла продавать свою продукцию далеко за привычные ранее пределы [3, с. 34]. Помимо ремесленников, дополнительным источником дохода являлся и избыточный урожай, получаемый, по-видимому, с огородов и приусадебных участков. Сохранившийся арсенал аграрных орудий, особенно в Нижнем Поволжье указывает на то, что большой ассортимент земледельческих продуктов был одним из основных элементов ежедневного питания. Однако необычайно низкая цена на скотоводческие продукты позволяли кормить оседлое население ранее недоступной мясной продукцией. Эти сравнительно лучшие условия для оседлого населения позволяли им наладить постепенный демографический рост, а приток новых рабов обеспечивал дешевую рабочую силу, что и стало стимулом к росту городского населения. Именно население городов и оседлых центров стало основой для центростремительных сил Золотой Орды. Не имея даже защитных сооружений, оседлое население становилось легкой добычей для противостоящих кочевых группировок. Начавшаяся «Великая замятня» продемонстрировала всю слабость основы оседло-земледельческой культуры в регионе, когда без поддержки центрального правительства, города стали зависимыми от различных группировок. Помимо этого, отлаженная прежде система поставки продуктов питания также ослабляла позиции местных элит в населенных пунктах, а прекращение торговли не позволяла реализовывать свою продукцию в обмен на муку и мясо.

Материалы и методы исследований. Для изучения проблемы упадка золотоордынских городов Западного Казахстана в настоящем исследовании были

использованы разнообразные материалы и методы, позволяющие реконструировать хронологию и специфику функционирования оседлой культуры в регионе. Основным источником данных послужили исторические карты, созданные европейскими картографами в период с XV по XVII века. Среди них особое внимание уделено следующим картографическим произведениям: «Карта мира» Фра Мауро (Fra Mauro, 1459), «Первая карта Московии» Сигизмунда Герберштейна (1549), карта «Новое полное описание Руси, Московии и Тартарии» Энтони Дженкинсона (1562), карта Генриха Хондиуса «Карта Россия по оригиналу Исаака Массы (1634), карта Джона Спида «Новая карта Тартарии» (1627), а также карта Пьер Дюваля «Великий континент» (Le Grand Continent) (1684). Эти карты были проанализированы с целью выявления упоминаний городов Западного Казахстана, таких как Сарайчик, Lajsk, Risan, Cosmai и Olgaria, а также для определения изменений в их статусе и локализации во времени.

В качестве дополнительного источника привлечены письменные свидетельства, включая русские летописи, в частности Типографскую летопись, содержащую сведения о походе вятчан на Сарай в 1471 году, а также данные из русских источников XVI–XX веков о событиях в регионе. Несмотря на скудность письменных материалов, они использовались для подтверждения и уточнения информации, извлеченной из картографических источников. Кроме того, в работе учтены результаты археологических исследований, проведенных в рамках проекта АР23489009 «История оседлых поселений Западного Казахстана в золотоордынский период: реконструкция материальной культуры повседневности», что позволило дополнить картографические данные материальными свидетельствами оседлой жизни.

Методологический подход исследования базируется на сравнительном анализе картографических источников разных периодов с целью выявления динамики упоминаний золотоордынских городов и их постепенного исчезновения с карт. Для интерпретации данных применялся историко-географический метод, который позволил сопоставить топонимы, указанные на картах, с современными географическими реалиями, такими как реки Урал и Жайык, а также с

известными археологическими объектами, например, городищем Тендыкское. Особое внимание уделено критическому анализу картографической информации, учитывая возможные ошибки и субъективность авторов карт, обусловленные ограниченностью их знаний о восточных территориях бывшей Золотой Орды.

Для оценки численности населения городов, таких как Сарайчик, использовался сравнительный метод, основанный на данных о южно-казахстанских городах, исследованных К.М. Байпаковым. Площадь городища Сарайчика (16 га) была сопоставлена с аналогичными параметрами средневековых городов Южного Казахстана, что позволило предложить обоснованную оценку численности его населения в диапазоне 2200–2500 человек. Кроме того, применялся междисциплинарный подход, объединяющий исторические, археологические и географические данные, что способствовало более полной реконструкции условий существования и причин упадка оседлой культуры в Западном Казахстане.

Методологическую основу статьи составили принципы историзма, объективности и системного подхода, что позволило объединить различные методы анализа и синтеза. Рассмотрение Золотой Орды как единой государственной организации через призму системного подхода помогает выделить западноказахстанские города как важную часть единого целого, что позволяет установить их роль и значение в истории мира и региона. Синкретичный метод позволяет рассматривать многоаспектность истории и теории повседневности. Принцип объективности помогают охватить весь библиографический массив знаний о истории оседло-земледельческих поселений в эпоху средневековья, позволяя проанализировать весь спектр доступных источников, сосредоточившись тем самым на по теме исследования. Принцип историзма позволил учесть специфику конкретных времени и места при изучении статистических сведений разных эпох. Доступный исследователями спектр методов научного познания позволил проанализировать исторический базис, на основе которого возникли и функционировали городские центры на территории Западного Казахстана, а также причины его упадка.

Таким образом, сочетание анализа исторических карт, письменных источников и археологических данных с применением сравнительного и историко-географического методов позволило обеспечить комплексный подход к изучению проблемы, компенсируя недостаток прямых письменных свидетельств и раскрывая новые аспекты истории золотоордынских городов региона.

Результат. Окончательный удар по оазисам оседло-земледельческой культуры, как принято считать, нанес Великий Хромец, Тамерлан, который в результате своих походов полностью разорил столичный регион, чем подорвал торговые маршруты, кормившие золотоордынскую казну, и заставил купцов искать обходные пути через Самарканд. Логическое завершение развития оседлой культуры портят другие данные. Хорошо известно, что после разгрома столицы Золотой Орды – Сарая, столица вновь была подвергнута новому разгрому в 1471 г., когда вятчане совершили рейд на Волжский Сарай и в то же лето вернулись домой. Об этом походе есть сообщения в летописях: *«...Того же лета, в тоу же пороу, идоша Вятчане Камою на низъ и въ Волгоу в соудехъ и шедше взяша градъ царевъ Сарай на Волзе и множество Татаръ изсекоша, жены ихъ и дети в полонъ поимаша и множество полоноу взявшие, возвратишися. Татарове же Казаньстии переняше ихъ на Волзе, Вятчане же бившеся с ними и проидоша здравии съ всемъ полономъ, и многие тоу отъ обоихъ падоша»* [4, с. 191]. По сути, эти данные свидетельствуют не только о слабости центральных властей, но и продолжении существования оседлой культуры в регионе. Помимо столицы продолжали свое существование и другие города, так по данным «Карты мира» Фра Мауро (1459), где помимо Сарайчика, указаны и другие населенные пункты, хотя уже и без подписей. В описании карты «Нижнее Поволжье по карте космографа XV в. Фра Мауро» указывается, что: *«...Что касается Яика (fluta laipcho), то на картѣ Фра-Мауро недалеко отъ его устья поставленъ безъименный городъ, который судя по надписи между нимъ и сосѣднимъ намятникомъ, sepulchra imperial" и представляетъ собственно гор. Сарайчукъ. если не признать послѣдняго въ ниже лежащемъ близъ ираваго берега Лика города Suburzam. Выше по Яику около пункта, означеннаго круж-*

комъ, авторъ нарисовалъ гору и сдѣлалъ приписку: «здесь добываютъ много соли». Очевидно это место соответствует! - нынешнему Илецку» [5, с. 4].

На основании вышеизложенного, следует предположить, что на протяжении всего XV века Сарай и другие города бывшего столичного домена продолжали существовать, хотя уже и не в прежнем величии. Однако с падением престижа центральных властей и окончательной потерей столичного статуса Нижним Поволжьем, функции торговой и политической столицы бывшей кочевой империи все больше сосредотачиваются на берегах Казахстанского Урала, где столичный статус все более приобретает Сарайчик. Здесь необходимо заметить, что отдельные населенные пункты могли временами «исчезать» с отдельных карт, а впоследствии вновь появиться, что связано скорее всего с возвышением отдельных товаров, времен года или авторитета местного правителя и поэтому их отсутствие на картах не следует воспринимать однозначно. Ведь как известно, только отдельные европейские путешественники продолжали искать новые рынки на восток от хорошо известных им центральных районов бывшей империи. Так, например сведения о золотоордынских городах восточнее столицы отсутствуют на «карте Московии» путешественника Герберштейна (1549 год), тогда как на карте «Новое полное описание Руси, Московии и Тартарии» работы известного путешественника и купца Энтони Дженкинсона, на территории Ногайской Орды указан город Сарайчик как крупный административный центр. В принципе, данное обстоятельство вполне объяснимо, так как бывший наемник Иосиф Герберштейн не был на бывших восточных окраинах Золотой Орды, а следовательно, мало знал о Волго-Уральском междуречье, а несомненное присутствие Сарайчика практически на всех исторических картах указывает на его авторитет и главенство.

Господство ногайской конницы в регионе подтверждается многими сведениями, среди которых упоминание Сарайчика как столицы Ногайской Орды продолжается вплоть до ее распада. Несмотря на известные сведения об окончательном разгроме Сарайчика казаками в 1580 году, по-видимому, эти сведения являются свидетельством слабости Ногайской Орды, но оседлые жители

сохранялись. Об этом свидетельствуют русские источники, в которых отмечается разгром калмыками в 1622 году ногайцев в сражении при Сарайчике [6, с. 267]. Однако приход новых групп кочевников не привел к затуханию оседлой культуре в регионе, о чем свидетельствуют исторические карты. В частности, на карте Генриха Хондиус «Карта России (1634 год)», в числе городов значится не только столица региона, Сарайчик, но и ряд других оседлых посёлков, ранее не встречавшихся на более ранних карт [7, с. 1605]. В числе других городов указаны такие пункты Lajck, Risan и Cosmai. Эти поселения довольно часто встречаются на картах более позднего периода, в первой половине XVII века. Схожесть топонима Lajck с более ранним названием Лаэти, которое весьма спорно было прочитано Л.Л. Галкиным и возможно было названием реки Жайык. На данной карте городище Lajck обозначено на западе от реки Урал. Учитывая, что городище ныне носит название «Тендыкское», возможно, что это городище могло быть руинами Risan или Cosmai. Вследствие того, что Урал много раз менял свое течение, можно также предположить, что жители вполне могли переселиться на новое место меняя тем самым названия поселения. Перенос городов вследствие плохого расположения, природных катаклизмов или же скудности ресурсов – дело хорошо известное в мировой истории.

Интересно, что на карте английского картографа Джон Спида «Новая карта Тартарии» (*A Newe Mape of Tartary Augmented by Iohn Speede*) (1627) изготовленной чуть ранее, отражена иная реальность. Сарайчик локализован в Волго-Уральском междуречье, что свидетельствует скорее всего о потере интереса к этому региону или является ошибкой картографа.

Самой последней по времени картой, где можно проследить историю региона, на сегодня является карта Пьер Дюваля «Великий континент» (*Le Grand Continent*) (1684). Эта карта наглядно свидетельствует об упадке оседлой культуры, и лишь Сарайчик нашел свое обозначение, а на месте Lajck, Risan и Cosmai обозначен лишь только город Olgaria (Олгария). Этот населенный пункт неоднократно встречается как в ранних, так и более поздних картах, однако трудности с его географической локализацией, не позволяют делать более

определенные выводы. Есть карты, где он расположен где-то на Эмбе или в устье Урала, так что вполне возможно, что под ним понимался крупный город Ургенч, а географическая ошибка была вполне допустимой для карт того времени.

Произошедший упадок городской культуры должен был произойти постепенно. Вероятнее всего отдельные группы населения последних городов искали уже знакомые им места и центром их притяжения становились относительно крупные города, такие как Сарайчик. Вопрос о его численности является одним из наиболее дискуссионным и в отечественной литературе имеет крайне большой разброс в оценке численности, от 2500 до 50 тысяч. Последняя оценка представляется надуманной, но следует учитывать, что это число появилось на заре независимости и представляло скорее эмоциональную окраску наиболее значительных эпизодов в своей истории. За неимением других сведений приходится опираться на другие имеющиеся сведения, хотя напрямую сравнивать города Южного Казахстана не слишком корректно, так как их история насчитывала уже не одно столетие, тем не менее учитывая их генезис и расположение вблизи от степных зон можно взять их численность как точку опоры. Поэтому наиболее достоверной представляется данная К.М. Байпаковым оценка: *«В Испиджабе – крупнейшем городском центре региона в шахристане площадью 28 га проживало в 210 кварталах 8400-10080 человек и на 600 га рабада 30000 жителей, а всего в городе было около 40000 населения. Усбаникет, центр округа Кенджида, насчитывал около 7000 человек, из них 5000 жили в шахристане и 1850 в рабаде. В столице округа Шавгара, находящегося на месте Чуйтобе, проживало 4250 человек. В Сыгнаке численность населения составляла 5800 человек, в Янгикенте было 4000 жителей. Таким образом, столичные центры и наиболее крупные города насчитывали от 4000 до 10000 человек, а Отрар и Испиджаб, соответственно, 16000 и 40000 жителей. В средних городах насчитывалось 1500-3000 человек и в городках до 1500 жителей. Всего же в городах Южного Казахстана проживало, по нашим подсчетам, 150000-160000 человек»* [8, с. 179]. Учитывая площадь Сарайчика в 16 га, следует предполо-

жить, что его численность была 2200-2500 человек. Эту оценку мы высказывали и раньше [9, с. 137]. При всей кажущейся незначительности приведенных чисел, следует принять во внимание тот факт, что само городище находится на территории господства резко-континентального климата, и тот факт, что период активного функционирования по сути ограничивались рамками существования самой кочевой империи, Улуса Джучи, то есть Сарайчик по меркам региона вполне мог претендовать с таким количеством жителей на звание полноценной столицы региона.

Заключение. Уже к исходу XVII века исчезают с европейских карт и другие ранее известные города, такие как Risan или Cosmai. Данное обстоятельство указывает на постепенное затухание городских анклавов в Западном Казахстане. Сарайчик, продолжал жить и функционировать как столица Ногайской Орды вплоть до русской колонизации. Однако он стал, наверное, не причиной, а следствием общего упадка оазисов оседло-земледельческой культуры в регионе. Ногайская Орда, как и Казахское ханство, будучи наследниками золотоордынской цивилизации не смогли, да и не нуждались в реинкарнации всех его атрибутов. Потеря городов Южного Казахстана была гораздо большим ущербом для торговых и политических амбиций и связей для первых правителей, чем дело поддержания жизни в угасающих оседло-земледельческих оазисах. Ногайская орда, в начале своей истории претендовавшая на центральную власть в бывшем столичном регионе, не имела на то ресурсов, а возврат к натуральному обмену привел к отказу от прежней системы поддержки городов. Слабая заинтересованность в ремесленных продуктах не могла более стимулировать жизнедеятельность городов, что и привело к их угасанию. Картографические материалы наглядно демонстрируют комплекс факторов (политический, экономический и конечно же экологический) по тенденции упадка золотоордынских городов Западного Казахстан.

Список литературы:

1. История Древнего Рима. *Под ред. Кузищина В.И.* 2-е изд., перераб. и доп. – Москва.: Высшая школа, 1982. – 336 с.

2. Дьяконов В.Н., Никольский Н.М. (ред.) История древнего мира. – Москва: Учпедгиз, 1952. – 791 с.

3. Краморовский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. – СПб., Евразия, 2012. – 496 с.

4. Типографская летопись. ПСРЛ. Т. 24) // Подробнее на сайте «Родная Вятка»: <https://rodnaya-vyatka.ru/blog/5197/112712>

5. Чекалин Ф.Ф. Нижнее Поволжье на карте космографа XV в. Фра-Маура // ТСУАК. Т. II., Вып. 2. – Саратов, 1890. – 412 с.

6. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Том 1. – Алматы, Дайык-Пресс. 2005 г. – 704 с.

7. Ужкенов Е., Шотанова Г., Морякова М., Кораблев А.А. Жизнедеятельность золотоордынского городища на территории Западного Казахстана: этапы и причины упадка (на примере городища Актобе) // *Vylye Gody*. 2023. 18(4). – С. 1569–1634. DOI: 10.13187/bg.2023.4.1596.

8. Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга II Урбанизация Казахстана в IX–начале XIII в. – Алматы, 2013. – 514 с.

9. Ужкенов Е., Шотанова Г., Морякова М. Феномен жизнедеятельности оседлой культуры в кочевой среде (на примере функционирования золотоордынского городища Актобе). // *Отан тарихы*. №4 (96). 29.12.2021 г. – С. 230–238.

Сведения об авторе: Ернар Муратович Ужкенов, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова, Республика Казахстан, 050016, г. Алматы, улица Курмангазы 29, e81g@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-2577-1373, e81g@mail.ru. ORCID ID: [0000-0002-3641-5668](https://orcid.org/0000-0002-3641-5668)

УДК:331.556.4(575.2)(04)

Чодолдоева Г. Ж.

Ж.Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети, Бишкек (Кыргызстан)

Chodoldoeva G. J.

G. Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

XIX КЫЛЫМДАГЫ ТЕҢИР-ТОО КЫРГЫЗДАРЫНЫН СОЦИАЛДЫК ЖАНА САЯСИЙ АБАЛЫН ИЗИЛДӨӨ

Аннотация Бул макалада XIX кылымдагы Теңир-Тоо кыргыздарынын социалдык жана саясий абалы изилденет. Авторлор тарыхый булактарга таянып, аймактагы кыргыз элинин тагдыры Кокон хандыгы, Цинь империясы жана Орусиянын кызыкчылыктарынын түйүшүндө калыптанганын белгилешет. Макала төрт мезгилдеги (1917-жылга чейинки, советтик доор, эгемендүүлүк мезгили жана диссертациялык изилдөөлөр) тарыхнаамалык эмгектерге таянып жазылган. П.А. Словцов, А.И. Левшин, Ч. Валиханов сыяктуу авторлордун эмгектери, советтик жана учурдагы илимий изилдөөлөр талданып, Теңир-Тоо кыргыздарынын коомдук түзүлүшү, тарыхый инсандары жана саясий-экономикалык мамилелери баяндалат. Изилдөөдө жаңы методологиялар колдонулуп, бул багытта мындан аркы терең анализдер зарыл экени көрсөтүлөт.

Ачкыч сөздөр: Теңир-Тоо кыргыздары, социалдык жана саясий абал, Кокон хандыгы.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛО- ЖЕНИЯ КЫРГЫЗОВ ТЕНИР-ТОО В XIX ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассматривается социальное и политическое положение кыргызов Тянь-Шаня в XIX веке. Исследование основано на исторических источниках, охватывающих четыре периода: дореволюционный, советский, постсоветский и диссертационные работы. Особое внимание уделено влиянию Кокандского ханства, Цинской империи и России на регион. Анализируются труды П.А. Словцова, А.И. Левшина, Ч. Валиханова и других. Также рассматриваются исследования советских и современных ученых, касающиеся

феодално-родовой структуры, национального самосознания и исторических личностей. Автор подчеркивает сложность и многослойность истории кыргызов этого региона и необходимость дальнейшего изучения с применением новых методологических подходов.

Ключевые слова: Кыргыз Тенир-Тоо, социальное положение, политическая история, Кокандское ханство, историография, Тайлак батыр, Ормон хан.

A STUDY OF THE SOCIAL AND POLITICAL SITUATION OF THE KYRGYZ OF TENIR-TOO IN THE XIXTH CENTURY

Abstract: This article explores the social and political conditions of the Tien Shan Kyrgyz people in the 19th century. Based on historical sources across four periods—pre-1917, Soviet era, post-independence, and dissertation research—it highlights the region’s strategic significance amid the interests of the Kokand Khanate, Qing China, and Russia. The works of scholars and explorers such as P.A. Slovtsov, A.I. Levshin, and Ch. Valikhanov are analyzed alongside Soviet and modern Kyrgyz research. Key themes include tribal structure, historical figures, national identity, and socio-political relations. The study concludes that the history of the Tien Shan Kyrgyz is complex and calls for continued research using updated methodologies.

Keywords: Kyrgyz Tenir-Too, social status, political history, Kokand Khanate, historiography, Tailak Batyr, Ormon Khan

Азыркы учурда, коомдук-саясий, экономикалык жана идеологиялык өзгөрүүлөрдүн, эгемендүүлүктүн натыйжасында, тарыхчыларга көз карандысыз Кыргызстандын тарыхын жазып, анын негизинде өткөн мезгилге объективдүү баа берүү милдети жүктөлдү. Ошондуктан, Кыргыз Республикасынын Президенти Садыр Жапаров Кыргыз Республикасынын “Улуттук дем – дүйнөлүк бийиктик” уңгужолун бекитүү жөнүндөгү Жарлыгы республиканын тарыхчылары үчүн идеологиялык багыттагы кеңири мүмкүнчүлүктөрдү берди [34.].

XIX кылымдагы кыргыз элинин социалдук абалын изилдөө кененирээк, жаңыча көз караштагы тактоолорду талап кылат. Анткени, Кыргызстандын тарыхы белгилүү бир деңгээлде боордош, алыс жана жакынкы элдер менен тыгыз байланышта болуп, саясий-экономикалык, маданий өнүгүүсүндө бири-бирине, өз ара таасирин тийгизгени талашсыз.

Теңир-Тоо системасы (тилкеси) Кыргызстандын аймагынын көпчүлүк бөлүгүн камтыйт. Анын кыргызча өз аты Теңир-Тоо же Ала-Тоо (теңир, асман – кытайча тянь, тоо- кытайча шань, башкача айтканда асман тиреген бийик тоо дегенди билдирет). Тоонун азыраак чыгыш бөлүгү Кытай ээлигинде, көбүрөөк борбордук жана батыш бөлүгү негизинен Кыргызстанга тиешелүү.

Азыркы Кыргыз Республикасынын аймагынын көпчүлүк бөлүгүн Теңир-Тоо системасы (тилкеси) ээлейт. Бул системаны чечмелеп айтсак, географиялык аталыштагы Теңир-Тоо аймагы – чыгыш бөлүгү кытай ээлигинде (Чыгыш Түркстан), түштүк-чыгышынан Казакстанды, Кыргызстанды жана Өзбекстандын чыгыш булуңун камтыган зор мейкиндик болуп саналат.

Кыргыздар XVIII-XIX кылымдарда үч мамлекеттин: Кокон хандыгынын, Орусиянын жана Цинь Кытайынын экономикалык кызыкчылыктарынын объектисине айланган. Ошондой эле бул тарапка дагы колониалдык умтулуусун Улуу Британия да жашырган эмес.

Ошондуктан Борбордук Теңир-Тоо кыргыздарынын XVIII к. экинчи жарымы - XIX к. 60-жылдарындагы социалдык абалы Кыргызстандын тарыхынын орчундуу проблемасы катары, XVIII кылымдын экинчи жарымынан баштап азыркы күнгө чейин изилденип келе жатат.

Бул изилдөөлөрдү жана эмгектерди дооруна жараша шарттуу түрдө үч мезгилге бөлүп кароого болот: 1. XVIII к. экинчи жарымынан XX к. башына чейин же 1917-жылга чейинки жарыяланган макалалар жана иликтөөлөр; 2. Совет доорунда жаралган эмгектер; 3. Кыргызстан эгемендүүлүк алгандан кийинки илимий изилдөөлөр.

I.Биринчи мезгил – бул мезгилдеги иликтөөлөрдүн алгачкы башаты XVIII кылымдын экинчи жарымы же жунгар хандыгы кулагандан кийин орус тарыхчылары жана чыгыш таануучуларынын эмгектеринен башталат.

XIX кылымдын башында орус изилдөөчүлөрдүн тобу кыргыздардын саясий алакаларынын маңызын бир аз тереңирээк иликтей баштады. Алардын бири полковник Ф.К.Шубиндин отряды менен кошо Жети-Сууга келген дарыгер Ф.К.Зибберштейн болгон. Ал кыргыздар тууралуу маалымат берет. Ал эми А.И.Левшин 1832-жылы жарык көргөн өз монографиясында кыргыздардын сабаттуу адамдарды сыйлай турганын, жылуу маанай, конок күтүү каадасы сыяктуу түшүнүктөр касиеттүү парз экенин, кыргыздар ич ара жана башка коңшулаш элдер менен да сый алакада жашап жатканын далилдүү түшүндүрүп берген. Андан тышкары Абылайдын кыргыздарга кол жыйнап аттанып барганы тууралуу алгачкы маалымат ушул эмгекте айтылат [20]. Мындан тышкары П.А.Словцовдун [29], Н.А.Северцовдун [28], В.В.Вельяминов-Зерновдун [9], Ч.Валихановдун [8.], А.П.Федченконун [32], Л.О.Костенконун [18] ж.б. атайын эмгектеринде, чакан макалаларында кыргыздар боюнча анын ичинде Теңир-Тоолук кыргыздардын турмушу боюнча да маалыматтар белгилүү деңгээлде чагылдырылган.

XIX кылымдын биринчи жарымынан кийин Түркстан жерине, кыргыз элине ар кыл кесиптин ээси болгон орустун окумуштуулары, чиновниктери келип, ар түрдүү изилдөө иштерин жүргүзүшкөн. Мазмуну менен көлөмү, алдына коюлган максаттары боюнча баскынчылык саясатка кызмат кылганына карабай, алардын эмгегинде тарыхый фактылар көп учурап кыргыз элинин саясий, социалдык, коомдук турмушун ар тараптан изилдөөгө жардам берет. Бул багытта А.И.Макшеевдин [21], Орусиянын таланттуу географы Н.А.Северцовдун [28] эмгектерин белгилөөгө болот.

Кыргыздар тууралуу кызыктуу маалыматтар Н.И.Гродековдун [10]., Н.Зеланддын [15]., В.П.Наливкиндин [22]., Н.И.Потаниндин [25] эмгектеринде арбын жолугат. Алардын ичинен кыргыз элинин Кокон хандыгындагы орду жана алардын өз ара байланышы тууралуу көрүнүктүү чыгыш таануучу

В.П.Наливкиндин “Кокон хандыгынын кыскача тарыхы” аттуу китебинде көптөгөн кызыктуу маалыматтар бар. Кокон хандыгынын тушундагы кыргыз элинин саясий-коомдук жана экономикалык абалы абдан терең иликтенген бул эмгек азыркы мезгилге чейин өз маанисин жогото элек.

Демек, колониалдык доордогу тарыхый адабияттарда чет элдиктер жана орус саякатчылары “Азия элдерине биз европалык маданиятты, цивилизациялык түзүлүштү алып келдик” деген амбициялык көз караштарын таңуулоого аракет кылгандыгын көрөбүз.

II. Каралып жаткан маселе экинчи мезгилде же советтик тарыхнаамада үч этапка бөлүнөт: 1) XX кылымдын 20-30-жылдарындагы; 2) 40-жылдардан 50-жылдардын аягына чейинки; 3) 50-жылдардан 80-жылдардын аягына чейинки изилдөөлөр.

1. Кыргызстандын тарыхын изилдеген алгачкы тарыхчыларыбыздын бири Белек Солтоноев болгон. Автордун эки китептен турган “Кызыл кыргыз тарыхында” XX кылымдын 30-жылдарындагы советтик тоталитардык система күч алган мезгилде жазылып бүтсө да, (1895-1934-жж) камтылган маалыматтарында кыргыз элинин тарыхы так жана калыс баяндалган. Эмгекте, кыргыз элинин байыркы доордон тартып, XX кылымдын 30-жылдарына чейинки тарыхынын урунттуу учурлары, окуялар тарыхый материалдардын негизинде өтө ынанымдуу, жатык тилде кыскача баяндалган. Өзгөчө, Тайлак баатыр менен Циндик кытайлардын, Теңир-Тоолук кыргыздар менен Кокон хандыгынын ортосундагы боштондук үчүн болгон күрөштөр таасирдүү берилген [30].

Ал эми орус окумуштуулары В.В.Бартольд [7.] жана С.М.Абрамзон [1] Кыргызстандын тарыхын булактарга таянуу менен изилдеп жазышкан. Академик В.В.Бартольддун “Кыргыздар” аттуу тарыхый очерки маанилүү тарыхый булактардын негизинде жазылган алгачкы илимий эмгек болуп эсептелет. Анда байыркы доордон тартып XIX кылымдын ортосуна чейинки кыргыз элинин тарыхы камтылган.

20-30-жылдардагы жогорудагы иликтөөгө алынган илимий эмгектер Кыргызстанда улуттук тарыхнааманын калыптанган учуруна туш келип, кыргыз элинин XIX кылымдагы саясий тарыхын, ички жана тышкы саясий мамилелерин изилдөөдө жаңы сапаттык деңгээлге көтөрүлгөн.

2. XX кылымдын 40-50-жылдарында, Кыргызстандын тарыхынын олуттуу окуяларын, кыргыз элинин коомдук, социалдык-саясий абалын, кыргыз – кокон, кыргыз – орус байланыштарын көрүнүктүү окумуштуулар Б.Д.Джамгерчинов [11,12]., А.Х. Хасановдор архивдик материалдарга таянуу менен терең изилдешип өз салымдарын кошушту.

А.Хасанов, кыргыздардын Кокон хандыгы жана Орусия менен болгон мамилелерин ар тараптуу изилдөөгө алып, Теңир-Тоодогу саяк, черик, борукчу урууларынын Кашкар, Кытай, Кокон хандыгы жана Орусия менен болгон байланыштарын, мамилелерин, алардын Орусия менен алгачкы алакаларын терең иликтеди [33].

3. Советтик тарыхнааманын 50-80-жылдарында жарыяланган эмгектери өзүнчө каралды. Кыргыз тарыхчыларынын ичинен жогорку эки окумуштуудан айырмаланып, тарыхчы К.У.Усенбаев Кокон хандыгынын мезгилиндеги кыргыз элинин социалдык-экономикалык абалын “Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (до присоединения Киргизии к России)” (Фрунзе–1961) деген эмгегинде абдан таасын ачып көрсөткөн. Автордун башка эмгектеринде да Борбордук Теңир-Тоолук кыргыздарга тиешелүү баалуу маалыматтар бар.

Изилденип жаткан проблеманы тереңдеп билүүдө академик В.М.Плоскихтин эмгектеринин да орду бар. Ал алгачкылардан болуп, кыргыз-орус мамилелеринин башатын архивдик маалыматтардын маалыматтарына таянып изилдеген [24. 91-б].

80-жылдары жарык көргөн тарыхчы окумуштуу Д.Б.Сапаралиевдин [26] XVIII-XIX кылымдардагы кыргыз элинин коңшу элдер менен болгон байланыштарына арналган эмгектери жарык көргөн. Автордун “Взаимосвязи киргизского народа с народами России, Средней Азии и Казахстана (конец

XVIII-XIX в)” аттуу эмгегинен XVIII кылымдын экинчи жарымынан - XIX биринчи жарымына тиешелүү маалыматтарды ала алдык.

3. Кыргыз Республикасы эгемендүүлүктү алгандан кийинки мезгилдеги окумуштуулардын изилдөөлөрү. Кыргызстандын эркиндик алып, эгемендикке жетиши калкыбыздын улуттук аң-сезимин ойготуп, түпкү теги, мурунку-кийинки бабаларыбыздын тарыхта калар орду, алыс-жакын эл менен карым-катнаш жасоо жолун билүүдө жаңыча методологиялык негиз түзүп берди.

Көз каранды эместиктин шарттарында, эгемендүү Кыргызстандын постсоветтик өнүгүүсү тарыхнаамага жаңыча көз караштарды жаратып, ага олуттуу бурулуш киргизди. Кыргыз тарых илиминин өсүп-өнүгүшү үчүн жакшы мүмкүнчүлүктөр түзүлдү, анын коом алдындагы милдети өзгөрдү. Кыргыз тарыхына эмгеги сиңген окумуштууларыбыз тарыхты жаңыча көз караш менен карап, тоталитардык доордо айтууга, жарыкка чыгарууга мүмкүн болбогон тарыхый фактыларды изилдөөгө шарттар түзүлдү. **Улуттук тарыхнааманын өкүлдөрүнүн ичинен**, окумуштуулар К.У.Усенбаев [31.48-85-бб.], С.Аттокуров [5,6.], Т.Н.Омурбеков [23], Т.Кененсариев [17], Ж.Б.Алымбаев [2], Ж.Жакыпбеков [13], Р.Жолдошев [14] өз эмгектеринде XVIII к.экинчи жарымынан XIX кылымдын 60-жылдарына чейинки кыргыз элинин тарыхын ар тараптан изилдешкен. Бул эмгектерден Теңир-Тоолук кыргыздар тууралуу кенен маалыматтарды алууга болот.

Белгилей турган нерсе, профессор К.У.Усенбаевдин “Ормон хан” деген китебинде Кенесарынын кыргызга жасаган чабуулун хандын кол башчылыгы астында мизин кайтаргандыгын “Ормон хан Кенесарынын чабуулун талкалоодо” деп мүнөздөгөнү кыргыз тарыхнаамасындагы сейрек көрүнүш деп айтсак болот [31. 48-85-бб].

Ал эми С.Аттокуровдун «Кыргыздар XVIII кылымда», “Кыргыздар XIX кылымда” деп аталган эмгектеринде кыргыз элинин XVIII, XIX кылымдардагы тарыхы жаңыча көз караштын талабына ылайык, кийинки мезгилде жарыяланган архивдик материалдар жана жарык көргөн илимий

эмгектердин негизинде жазылган. Бул эмгекте кыргыздардын Цинь империясы, Кокон хандыгы жана орус оторчуларына каршы күрөшү жана коомдук-социалдык түзүлүшү, экономикалык жана маданий абалы баяндалган. Автор инсан таануу багытында дагы изилдеп, “Тайлак баатыр” аттуу эмгегин жараткан. Эмгекте эл аралык абал, уруулук жана феодалдык бытырандылык сүрөттөлөт. Китепте Циндик кытай менен Кокон хандыгынын башкаруучуларынын кыргыздарга каршы багытталган басып алуучулук саясаттарына каршы элдик баатыр Тайлактын жана анын жигиттеринин баатырдык күрөшү баяндалат. С.А.Аттокуровдун бул окуу куралы архивдик материалдарга, жарыяланган илимий эмгектерге жана эл оозунда сакталган кабарларга негизделип жазылган.

Жогорудагы С.А.Аттокуровдун аталган китебинен айырмаланып, профессор Т.Н.Өмүрбеков өзүнүн иликтөөлөрүндө XVII кылымдын ортосунан-XX кылымдын башына чейинки Кыргызстандын саясий абалы, кыргыздардын коомдук турмушундагы орчундуу окуяларга арналган эмгектери да бизге теманын мазмунун ачууда көмөк көрсөттү. Автордун “Улуу инсандардын Кыргызстандын тарыхындагы ролу жана орду (XIX кылымдын ортосу- XX кылымдын башы)” деп аталган монографиясында Кыргызстандын тарыхында олуттуу роль ойногон улуу инсандардын коомдук-саясий жана мамлекеттик ишмердиктери комплекстүү изилденген. Ал эмгекте биздин проблемага тиешелүү маселелер: Ормон хандын, Ажыбек баатырдын ж.б. өмүр жолу, кыргыз элине кылган кызматы тарыхый так даректердин негизинде баяндалган.

Ал эми, тарых илимдеринин доктору, профессор Ж.Б.Алымбаев XVIII-XX кылымдардагы кыргыздардын коомдук-саясий турмушунун тарыхнаамасын изилдеген окумуштуу катары илимий чөйрөдө белгилүү. Анын “Общественно-политическая жизнь кыргызов в Российской историографии второй половины XVIII – начала XX вв” деп аталган эмгеги Кокон хандыгынын саясий турмушундагы кыргыз элинин ролу, Орусиянын Борбордук Азияга кирүү жараяны жана Орусиянын Кыргызстанды басып алуусу тууралуу маселелерге арналып, орусиялык авторлорго тарыхнаамалык анализ берилген. Ошондой

эле автор революцияга чейинки орус тилдүү авторлордун эмгектерин классификацияга бөлүп, кыргыздардын коомдук-саясий турмушунун алар тарабынан иликтенишинин негизги этаптарын көрсөткөн.

Бүгүнкү күндө кыргыз тарыхнаамасында жаңыча көз караштардын негизинде көп маселелер кайра каралып жаңы концептуалдык багыттар жана түшүнүктөр келип чыгууда. Андай маселелердин бири: кыргыз мамлекеттүүлүгүнүн башаты, анын өнүгүү этаптары, азыркы мезгилдеги абалы жана келечеги болуп эсептелет. Ушул өңүттөн алып караганда кыргыз элинин Кокон хандыгынын мезгилиндеги саясий абалы жана мамлекеттүүлүк маселеси талаш-тартыштуу маселелердин катарында турат. Тарыхчы окумуштуулардын бир тобу (К.С.Молдокасымов., Т.Кененсариев ж.б.) мамлекеттүүлүк деген илимий категориянын негиздерине таянышып, XVIII кылымдын башынан – XIX кылымдын 70-жылдарына чейин Орто Азиянын чөлкөмүндөгү Кокон хандыгын ушул аймакта жашашкан бардык элдердин орток хандыгы болгондугун жазышкан. Бул концепцияны негиздөөдө алар төмөнкү аргументтерге кайрылышат: “бир чөлкөмдө канатташ жашап келишкен эки элдин мамилелери, Кокон хандыгынын мамилелери, Кокон хандыгынын мезгилинде өзүнүн өнүгүшүнүн жаңы баскычына көтөрүлгөн. XVIII кылымдын биринчи жарымында Фергана өрөөнүндөгү кыргыз, кыпчак, өзбек элдеринин жакындашуулары орток мамлекет Кокон хандыгынын түптөлүшүнө өбөлгө түзөт” [17]; “Кокон хандыгы “сартыйянын” да, “илатийянын” да саясий режими, бириккен мамлекети болгондугун, демек, өзбектердин да, кыргыздардын да, тажиктердин да мамлекеттүүлүгү болгондугун айтып турат. Мына ушул талашсыз материалдарга таянып, Кокон хандыгы кыргыз мамлекеттүүлүгүнүн бир формасы экендигин таасын белгилөөгө болот”-деп белгилешет [17. 27-б].

Ал эми совет мезгилиндеги тарыхчы окумуштуулар Джамгерчинов М.Б [11,12]., Хасанов А.Х [33]., Усенбаев К.У [31]., Плоских В.М. [24] ж.б. өз эмгектеринде Кокон хандыгы Орто Азиядагы Бухара эмирлиги, Хива хандыгы сыяктуу эле феодалдык мамлекет экендигин жана бул хандык Кыргызстанды

баскынчылык жол менен каратып алып, аларды эзген деген концепцияны иштеп чыгышкан.

Биздин пикирибизде Кокон хандыгынын ээлигинде жашаган бардык элдердин орток мамлекети болгон деген көз караш илимий сындын деңгээлинен алып караганда толук далилдене элек.

Кыргыз элинин XVIII кылымдын экинчи жарымы-XIX кылымдын 60-жылдарындагы саясий тарыхынын орчундуу окуялары, т.и.к., доцент Р.Жолдошевдин “Ормон хан баяны” аттуу көлөмдүү макаласында бүгүнкү күндүн талабына ылайык концептуалдуу багытта элибиздин патриархалдык-уруучулдук түзүлүштүн доорундагы социалдык-экономикалык жана коомдук-саясий турмушу олуттуу түрдө изилденген. Автор архивдик документтерди жана тарыхый булактарды ырааттуу пайдалануунун негизинде Ормон хандын борбордук мамлекет түзүү үчүн жүргүзгөн иштерин анын хан болуп аталышын ар тараптуу баяндап келип, эмгегинин жыйынтыгында “Ормон Ниязбек уулунун ишмердүүлүгүн, тарыхый ордун, жеке инсандык сапаттарын изилдөө-келечектин иши”- деп белгилейт [14. 51-82 бб.].

XVIII кылымдагы чыгыштан батышка, түндүктөн түштүккө карай кеңири географиялык мейкиндикте жашаган кыргыздар мал чарбачылыгы менен, ал эми Фергана аймагында дыйканчылык менен кесиптенишип, көчмөн жана жарым көчмөн турмушта жашашкан. Ошондуктан аталган мезгилдеги элдин жалпы саны жөнүндөгү статистикалык маалыматтар так эмес, ал гана эмес жокко эсе десек да болот.Ошого карабастан профессор Д.Б.Сапаралиевдин бул маселе боюнча жарыяланган маалыматтары бар. Анын өз методикасы боюнча иштеп чыккан маалыматына таянсак, XVIII кылымда кыргыздардын жалпы саны 350-450 миң адамга жеткен [27. 64-65-бб].

4. Диссертациялык изилдөөлөр. Биз изилдеп жаткан проблемага тиешелүү, А.Койчубевдин [16], Ж.Б Алымбаевдин [2], Т.И.Асановдун [4], диссертациялык эмгектеринде XVIII кылымдын аягы XX кылымдын башындагы жана кыргыз элинин, анын ичинде Теңир-Тоолуктардын социалдык-экономикалык жана саясий турумушун ар тараптан изилденген.

Алсак, профессор.Ж.Б.Алымбаев “Общественно-политическая жизнь кыргызов второй половины XVIII-начала XX вв. Проблемы истории и историографии” деген докторлук диссертациясында орус тилиндеги булактарды изилдөөнүн негизинде, XVIII кылымдагы кыргыздардын социалдык-экономикалык жана саясий турмушун кенен ачып бере алган [2].

Т.И.Асанов XVIII-XIX кылымдардагы кыргыздардын этносаясий түзүлүшүнүн жана тарыхый байланыштарынын санжырада чагылдырылышын булактардын негизинде таасын чагылдырган [4].

Ал эми А.Койчубеков араб жазмасындагы жергиликтүү документ булактардын негизинде XIX кылымдагы Түндүк Кыргызстандын калкынын тышкы саясий мамилелерин: Орусиянын курамына кирүү процессин изилдеген [16].

Жыйынтыгында, изилденип жаткан проблемага тиешеси бар тарыхнаамалык материалдардын көп экендигин эске алып, бул маселеге түздөн-түз тиешеси бар гана илимий эмгектерге анализ берүүгө аракет кылынганын белгилемекчибиз.

Пайдаланылган адабияттардын жана булактардын тизмеси

1. Абрамзон, С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи [Текст] / С.М.Абрамзон. –Фрунзе: “Кыргызстан”, 1990. – 480 с.
2. Алымбаев, Ж.Б. Общественно-политическая жизнь кыргызов в российской историографии второй половины XVIII – начала XX вв. [Текст / Ж.Б.Алымбаев. – Бишкек: 2009. -288 с.
3. Алымбаев, Ж.Б. Общественно-политическая жизнь кыргызов второй половины XVIII-начала XX вв. Проблемы истории и историографии [Текст]: дисс.на соискание ученой степени доктора исторических наук.Специальности: 07.00.02 - отечественная история, 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования/ Ж.Б. Алымбаев. –Бишкек, 2010. -336 с.
4. Асанов, Т.И. Кыргыздардын этносаясий түзүлүшүнүн жана тарыхый байланыштарынын санжырада чагылдырылышы[Текст]: канд. дисс.

даражаны алуу үчүн талаптанып жаз. канд. дисс. / Т.И. Асанов. – Бишкек, 1999. - 200 б.

5. Аттокуров, С.А. Кыргыздар XVIII кылымда [Текст] / С.А.Аттокуров. - Бишкек: [б.и.], 2002. -152 б.

6. Аттокуров, С.А. Кыргыздар XIX кылымда [Текст] /С.А.Аттокуров. – Бишкек: [б.и.], 2003. -306 б

7. Бартольд, В.В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана [Текст] / В.В Бартольд. –Бишкек: Шам, 1996. – 608 с.

8. Валиханов, Ч.Ч. Собр.сочинений в пяти томах [Текст] / Ч.Ч.Валиханов. - Алма-Ата: Гл.ред.Каз.Сов.Энц., 1985. –Т.2. - 416 с.

9. Вельяминов – Зернов, В.В. Исторические известия о Кокандском ханстве от Махомед-Али – хана до Худояр хана [Текст] / В.В.Вельяминов-Зернов // Труды Восточного отделения русск. арх. – СПб., 1856. – Ч.II.- С. 329-370.

10. Гродеков, Н.И. Киргизы и каракиргизы Сырь-Дарьинской области в 2-х т. Юридический быт [Текст] / Н.И.Гродеков. – Ташкент: Типо-литография С.И.Лихтина, 1889. -Т.1. – 298 с.

11. Джамгерчинов, Б. Очерк политической истории Киргизии XIX века. (первая половина)[Текст] / Б.Джамгерчинов. – Фрунзе:Илим, 1966. -189 с.

12. Джамгерчинов, Б. Киргизы в эпоху Ормон-хана (Из истории феодально-родовых войн киргизов XIX в.) [Текст] / Б.Джамгерчинов. –Бишкек: АЛЛ Пресс, 1998. – 62 с.

13. Жакыпбеков, Ж. Кыргыз историографиясынын айрым маселелери (XIX – к.) [Текст] / Ж.Жакыпбеков. – Бишкек:“Дастан”, 1995. – 46 б.

14. Жолдошев, Р. Осмон датка-орус оторчулугуна каршы күрөшүүчү кыйын кезендин арстандары: Тайлак баатыр жана анын уулу Осмон датка [Текст] Р.Жолдошев. – Бишкек: Бийиктик, 2013. -160 б.

15. Зеланд, Н. Киргизы [Тест]: Этнологический очерк] / Н.Зеланд. -СПб.: [б.и.], 1885. - 78 с.

16. Койчуев, А. XIX к. Түндүк Кыргызстандын калкынын тышкы саясий мамилелери: араб жазмасындагы жергиликтүү документ булактардын

негизинде [Текст]: Ата Мекен тарыхы адистиги тарых илим. канд.окумуштуулук даражасын алуу үчүн жазылган диссертация.07.00.02 / А. Койчуев.–Бишкек,1996. – 195 б.

17. Кененсариев, Т. Кыргызстандын XIX кылымдын 50-70-жылдарындагы саясий өнүгүүсү [Текст] /Т.Кененсариев. – Бишкек: Бийиктик,2009. – 392 б.

18. Костенко, Л.О. Туркестанский край: Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России [Текст] / Л.О.Костенко.-СПб.: Тип.А.Траншеля”,1880.- Т.1.- 452 с.

19. Кылычев, А. XIV-XV кылымдардагы Теңир-Тоо жана ага чектеш аймактардын тарыхы [Текст] / А.Кылычев. – Бишкек:[б.и.], 2004. -216 б.

20. Левшин, А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей [Текст] /А.И.Левшин; Под общ. ред.акад. М.К.Козыбаева). – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.

21. Макшеев, А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских [Текст] / А.И.Макшеев. – СПб.: Воен.типография, 1890. – 380 с.

22. Наливкин, В. Краткая история Кокандского ханства [Текст] / В.Наливкин. - Казань:Тип. Императорского Университета. – 1886. –215 с.

23. Омурбеков, Т.Н. Улуу инсандардын Кыргызстандын тарыхындагы ролу жана орду (XIX кылымдын ортосу- XX кылымдын башы) [Текст] / Т.Н.Омурбеков. – Бишкек:Бийиктик, 2003. -288 б.

24. Плоских, В.М. Киргизы и Кокандское ханство [Текст] / В.М.Плоских. – Фрунзе:Илим,1977. – 368 с.

25. Потанин, Н.И. Киргизские степи и Кокандское ханство в нач. XIX столетия [Текст] / Н.И.Потанин.- Омск:[б.и.], 1916 .-237с.

26. Сапаралиев, Д.Б. Взаимоотношения кыргызского народа с русским и соседними народами в XVIII в [Текст] / Д.Сапаралиев. –Бишкек: Илим, 1995, - 152 с.

27. Сапаралиев, Д.Б. Некоторые сведения о численности кыргызов в XVIII в. [Текст] / Д.Сапаралиев // Молодые обществоведы 60-летнему юбилею Советского Кыргызстана. - Фрунзе: Илим, 1984. - 108 с.

28. Северцов, Н.А. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Русского географического общества [Текст] / Н.А.Северцов. – СПб.: [б.и.], 1873.- 461 с.

29. Словцов, В.А. Историческое обозрение Сибири с 1742 по 1823 год [Текст] / В.А.Словцов. – СПб.: [б.и.], 1844. – Кн. II. - 524 с.

30. Солтоноев, Б. Кызыл кыргыз тарыхы [Текст] / Б. Солтоноев. – Бишкек: [б.и.], 1993.- 1-китеп. – 208 б.

31. Усенбаев, К. Ормон хан [Текст] / К.Усенбаев. – Бишкек: Алл-Пресс, 1999. – 104 б.

32. Федченко, А.П. Путешествие в Туркестан в Кокандском ханстве: От императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии [Текст] / А.П.Федченко. -СПб., Москва.: Типография М.Стасюлевича, 1875. - Т.1.- Ч.2.- Вып.7.-161 с.

33. Хасанов, А. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50-70 годах XIX века [Текст] / А.Хасанов. –Фрунзе: Киргосучпедиздат, 1961. – 183 с.

34. Кыргыз Республикасынын Президентинин Жарлыгы. 2024-жылдын 18-декабры ПЖ № 369 "Улуттук дем - дүйнөлүк бийиктик" уңгужолу <https://cbd.minjust.gov.kg/230019498/edition/23327/kg>

Сведения об авторе: Чодолдоева Гулзат Жусуповна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Азии и Африки института истории и регионоведения КНУ имени Жусупа Баласагына, телефон +996770 384 589, e-mail jusupovna7878@mail.ru

УДК: 94 (575.2) +011/016

Шейшеканов Т. Б.

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

Sheyshekanov T. B.

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

**АКАДЕМИК Б. ДЖ. ДЖАМГЕРЧИНОВ – ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ
КЫРГЫЗСКО – СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Аннотация: В новейшей истории Кыргызстана научные труды академика Б. Дзамгерчинова занимают свое важное место. 1940-е годы историки Кыргызстана начали писать “Истории Кыргызстана “. В 1940-е годы автором опубликованы статьи: “Киргизы в эпоху Ормон-хана (Из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX веке)” и ”К вопросу о присоединении Киргизии к России”. Во второй половине 50-х годов академик Б.Д. Дзамгерчинов опубликовал свою монографию «Присоединения Киргизии к России ». В 1963 году вторично вышла монография академика Б.Д.Дзамгерчинова под названием “Добровольное вхождение Киргизии в состав России”. А в 1966 году выпустил свой двух томник под названием “Очерки политической истории Киргизии XIX века”. Автор, в своих работах используя исторические источники показывал историческую объективность стремлений кыргызов к присоединению в состав России.

Ключевые слова: историк, наука, статья, монография, присоединение, добровольное вхождение, источники.

**ACADEMICIAN B. J. DZHAMGERCHINOV – ONE OF THE
FOUNDERS OF THE KYRGYZ-SOVIET HISTORICAL SCIENCE**

Annotation: In the modern history of Kyrgyzstan, the scientific works of Academician B. Dzhamgerchinov occupy an important place. In the 1940s, historians of Kyrgyzstan began to write “Histories of Kyrgyzstan”. In the 1940s, the author published the articles: “The Kirghiz in the era of Ormon Khan (From the history of feudal-clan wars of the Kirghiz in the 19th century)” and “On the issue of the

annexation of Kyrgyzstan to Russia". In the second half of the 50s, Academician B. D. Dzhamgerchinov published his monograph "The Annexation of Kyrgyzstan to Russia". In 1963, the monograph of Academician B. D. Dzhamgerchinov was published for the second time under the title "Voluntary entry of Kyrgyzstan into Russia". And in 1966 he published his two-volume work under the title "Essays on the political history of Kyrgyzstan in the 19th century". The author, in his works, using historical sources, showed the historical objectivity of the aspirations of the Kyrgyz to join Russia.

Key words: historian, science, article, monograph, accession, voluntary entry, sources.

В новейшей истории Кыргызстана научные труды академика Б. Джамгерчинова занимают свое важное место. С середины 30-х годов XX века историческая наука в бывшем СССР вступила в новый этап развития. Особенности этого этапа заключались в том, что ученые проявили повышенный интерес к проблемам дореволюционной истории. В то же время работа историков в 30-50-е годы осложнялось парадоксальными явлениями. Суть их состояла в том, что при изучении основных проблем истории народов СССР, исследователи находились под жестким контролем партийной цензуры. Партийно- идеологические ориентиры вторгались в истории, литературы и искусство, политизировалось вся творческая деятельность людей надолго определяя характер и направленность работы советских обществоведов. Но несмотря на это, даже самые политизированные директивные указания содержали элементы целесообразности, которые способствовали развитию научных учреждений, определению важных направлений исследовательских работ.

Как известно, в Кыргызстане подготовка специалистов-историков началась с 30-х годов. 13 января 1932 г. СНК Киргизской АССР принял постановление об открытии во Фрунзе (Бишкек) педагогического института, а 5 ноября состоялось официальное открытие Киргизского педагогического института.

1936 г. стал знаменательным в истории высшего образования Кыргызстана - состоялся первый выпуск пединститута. Он составил 46 педагогов, в том числе 13 кыргызов. Многие из них в последующем стали видными специалистами. Это доктор исторических наук, академик НАН КР Б.Д. Джамгерчинов, заслуженные учителя республики А.А. Джолдошева, У. Боотбаева, член-корр. НАН КР К. Шатемиров и др.

1940-е годы историки Кыргызстана начали писать “Истории Кыргызстана” и параллельно предполагалось начать публикацию исторических документов республиканского архива. Была начата работа по систематизации и обобщению результатов археологических и этнографических экспедиций прошлых лет, разработка перспективных планов археологических исследований на ближайшие годы. Вся деятельность историков Кыргызстана подчиняется одной задаче – “созданию в течение ближайших лет “Истории Киргизии”, которая должна была написана на высоком теоретическом уровне.[1, с.31-32].

Но, осуществлению всех этих работ помешала Великая Отечественная война. Необходимо отметить, что в годы войн потенциал исторической науки в республике не ослаб, а наоборот усилился за счет эвакуации в Ташкент и Алматы ученых института истории АН СССР, сыгравших роль катализатора в развитии историографии Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Кыргызский филиал АН СССР, созданный в 1943 году явился тем центром, который объединил усилия ученых республики на разных стратегических направлениях развития науки в республике. В 40-е годы приоритетным направлением исторических исследований явились проблемы классовой борьбы, социально-экономические и политические вопросы дореволюционного кыргызского общества, международное положение кыргызского народа. В 1945 году Б. Д. Джамгерчинов написал статью под названием: “Киргизы в эпоху Ормон-хана (Из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX веке)”. Автор, в своей статье опираясь на источники анализировал международное положение кыргызского народа в XIX веке и осветил социально-экономическое положение кыргызского общества. При этом он на основе классовых позиций

писал “ общественно-экономический строй кыргызов в середине XIX века носил патриархально-феодальный характер”. [2, с. 113].

Развивая эту мысль, Б.Д. Джамгерчинов поясняет, что условия кочевников-скотоводов-постоянные перекочевки и связанная с этим разбивка общин на айылы обуславливали непрочность территориальных связей, кыргызская община делилась на племена, племена на роды, роды на пастбищах расселялись по айылам, ядро которых состояло из кровных родственников. Следует заметить , что при определении общественных отношений кыргызов, Б.Д. Джамгерчинов ссылался на тезисы И.В. Сталина по национальному вопросу к X съезду РКП(б), где отмечено что уряда народностей Средней Азии и Кавказа общественные отношения носили патриархально-феодальный характер. [3, с. 52-53].

Б.Д. Джамгерчинов придерживаясь классового принципа изучения общественных отношений, отмечал, что за всеми этими формами патриархальнь-родовых отношений в действительности скрывались классовые феодальные отношения и явное экономическое неравенство между членами одного того же рода. Он утверждал, что кыргызское общество состояло из двух противоположенных классов: эксплуататаров-баев, манапов и эксплуатируемых – букары. Автор статьи, анализируя историческую роль и место Ормон хана в жизни кыргызского общества утверждал, что создание им централизованного государственного образования кыргызов в противовес родовой раздробленности выступает как прогрессивный фактор. Однако, эти прогрессивные мысли Б.Д. Джамгерчинова в 40-50-е годы были подвергнуты необоснованной критике на статьях историков как “ буржуазно-националистические извращения “. На XI пленуме ЦК КП (б) Киргизии было отмечено: “ ...Профессор Джамгерчинов в своей работе “ Киргизия в эпоху Ормон хана” идеализирует его, истории Киргизии середины XIX века по существу свел к истории правления Ормон хана”. [4,11 июня]. Таким образом, в 30-50-е годы процесс развития исторической науки в Кыргызстане шел довольно противоречиво и неравномерно.

В 1947 году Б.Д.Джамгерчинов написал статью под названием «К вопросу о присоединении Киргизии к России» В статье отмечено, что “ кыргызы стояли тогда перед выбором: попасть под власть феодального Китая, или такого же отсталого Кокандского ханства, или же попасть под власть русского государства с более прогрессивной экономикой и более передовой культурой, ...Главной причиной обоащения кыргызских племен к России были внешние факторы, т.е. опасность порабощения со стороны Китая и Коканда. В отношении северокыргызских племен в действительности имело место не завоевание Россией, а присоединение к ней. [5, с.38-39].

Как видно, автор здесь применил сталинскую формулировку о “наименьшем зле” относительно ориентации кыргызов к России в конце XVIII –XIX вв. Как известно, со второй половины 40-х годов в советской историографии существовало формула «абсолютное зло» и «наименьшее зло», подразумевавшие характер завоеваний русским царизмом Средней Азии, в том числе Кыргызстана, были сначала подвергнуты сомнению, а затем окончательно выкорчеваны. Долгое время в советской историографии, получив добро, существовал термин о добровольном присоединении Кыргызстана к России.

В истории кыргызской историографии первые монографические труды по проблемам присоединения Кыргызстана к России появились во второй половине 50-х годов. Академик Б.Д. Джамгерчинов и профессор А.Х Хасанов опубликовали свои монографии. Б.Д. Джамгерчинов в монографии « Присоединении Киргизии к России » отмечал: « Основные формы зависимости и эксплуатации в киргизском обществе накануне присоединения Киргизии к России носили феодальный характер. Манап имел большую власть, ... манапам принадлежало право верховного владения основными средствами производства общинной, пастбищной и пахотной землей. Упрочения феодальных отношений у кыргызов происходило таким образом, на основе утверждения монопольной собственности феодальной аристократии на землю». [6, с. 63]. Как видно, автор в решении данного вопроса придерживался традиционной точки зрения.

В обобщающих работах этого времени мы наблюдаем половинчатое решение вопроса о характере национальных движений в Средней Азии. Это объяснялось тем, что в это время было сильным влияние дискуссии 50-х годов на развитие исторической науки, а также политическая конъюнктура, оказывающая отрицательное влияние на исследовательский процесс ученых историков. Б.Д. Джемгерчинов в указанной монографии всесторонне раскрывает социально-экономические причины этих движений, их движущие силы, лозунги и характер. Отмечая особо жестокое отношение Худояра хана к кочевому населению, автор обращал внимание на тот факт, что чрезмерное увеличение налогов встречало сопротивление народа. На основе классового подхода к данной проблеме, Б.Д. Джемгерчинов сделал вывод, о том, что основной движущей силой восстания являлись мелкие и средние скотоводы и дыйкане, испытывавшие на себе всю тяжесть грабительской политики Кокандского ханства, а само восстание носило антифеодальный, народно-освободительный характер. Однако, автор народные движения 1873-1876 гг. рассматривал как два отдельных восстания в духе выводов Фрунзенской научно-теоретической конференции 1953 года. При этом, первый этап восстания 1873-1874гг он считал антифеодальным, прогрессивным, а за вторым этапом видел «феодально-монархическую» тенденцию. [7, с. 63]. В 60-70-е годы историки республики в специальных монографических исследованиях, начали исследовать политическую историю Кыргызстана и академик Б.Д. Джемгерчинов в 1966 году выпустил свой двух томник под названием “Очерки политической истории Киргизии XIX века”. Автор используя исторические источники показывал историческую объективность стремлений кыргызов к присоединению в состав России. В первой части монографии освещал политические события 50-70-х годов XIX века. Вторая часть книги начинается с освещения кыргызско-русских отношений в середине XIX века. В работе подробно анализируется политическая история Кокандского ханства, в том числе феодальные раздоры, дворцовые перевороты и окончательное падение ханства. Автор, изучая процесс развития кыргызско-русских отношений в начале 60-х годов и падения Кокандского ханства

отмечает, что “ наиболее неблагоприятным для Кокандского ханства его борьбе за удержание господства на севере Киргизии был 1860 год. Именно в этом году военные столкновения России и Коканда, в Кастеке, на Иссык-Куле, в Чуйской долине и в Узун-Агаче привели к тому, что Кокандское ханство все более утрачивало свои позиции и влияние на северных кыргызов. [8, с. 162].

Автор касаясь проблемы восстания чуйских кыргызов 1862 года, направленного против Кокандского ханства, одним из первых среди историков, раскрыл роль и место Байтика Канаева. Необходимость утверждения России в Центральном Тянь-Шане, автор работы связывал с ее интересами в развитии торговых связей с Восточным Туркестаном. Он также анализировал политические события 60-70-х годов в Цинской империи, которые оказали заметное влияние на политическую жизнь Северного Кыргызстана. Кроме этого анализируется политика лавирования Российской империи между Среднеазиатскими феодальными государствами. Определяя роль и место отдельных кыргызских феодалов в этом процессе, Б.Д. Джамгерчинов охарактеризовал их действие в негативном плане. Например, автор пишет, что “ действие Балбая не были вызваны каким-либо серьезными причинами. Необузданный, привыкший издавна к буйной, разбойничьей жизни, проведенной всю свою жизнь в грабительских набегах на саяков, сарыбагышей, казахов и калмыков и завоевавшей себе “славу” на этом порище, он теперь не мог примириться с мирной, спокойной жизнью, которую предписывали ему русские власти. Именно это обстоятельство и было причиной его откочевки в горы, вглубь Текеса ”. [9, с. 272].

Б.Д. Джамгерчиновым также рассмотрен процесс присоединения Южного Кыргызстана к России, которое привело к падению Кокандского ханства и принятию русского подданства южными кыргызами. При этом он отмечает, что присоединение Южного Кыргызстана к России протекало в очень сложных и противоречивых условиях. Анализируя в целом процесс присоединения Кыргызстана к России Б.Д. Джамгерчинов приходит к заключению о том, что этот процесс “объективно сыграло в истории кыргызского народа как в

экономическом, так и в культурно- политическом отношении важную прогрессивную роль”. Многоплановое исследование проблем присоединения Средней Азии к России в 60-80-е годы способствовало определению мотивов продвижения русского царизма вглубь Средней Азии в середине XIX вка. Б. Д. Джамгерчинов и другие историки в своих исследованиях обосновывали тезис о том, что интерес царизма к Средней Азии был вызван вступлением России на капиталистический путь развития и ее потребностью в расширении рынков сбыта и получении источников сырья. [10, с. 134].

Все эти выше перечисленные исторические факты в 70-80-е гг. историками Кыргызстана были оценены как “добровольное вхождение Северного Кыргызстана в состав России”. Этот термин нашел свое применение в научной литературе после постановления ЦК КП Киргизии в 1963 году “ О 100-летию добровольного вхождения Киргизии в состав России ”. Так, в 1963 году вторично вышла монография академика Б.Д.Джамгерчинова под названием “ Добровольное вхождение Киргизии в состав России ”. Анализируя в целом процесс присоединения Кыргызстана к России академик Б. Дж. Джамгерчинов приходит к заключению о том, что этот процесс “ объективно сыграло в истории кыргызского народа как в экономическом, так и в культурно-политическом отношении важную прогрессивную роль.

Таким образом, академик Б. Дж. Джамгерчинов – первый доктор исторических наук в республике, является одним из первых профессиональных исследователей основных проблем истории Кыргызстана второй половины XIX – начале XX вв. Он изучая проблемы присоединения Кыргызстана к России социально-экономическую и политическую истории Кыргызстана, опубликовал более ста работ, которые являются ценным вкладом в историографию Кыргызстана.

Список литературы:

1. Табышалиев С.Т. Кузница подготовки кадров. Фрунзе, 1945, с.31-32.

2. Джамгерчинов. Б. Д. Киргизы в эпоху Ормон-хана (Из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX веке)//Труды ИЯЛИ Кир. ФАН СССР вып. 1, 1944, с. 113.
3. Жакыпбеков Ж. Социально-экономическое и политическое развитие Кыргызстана во второй половине XIX начале XX веков: историография проблемы. Бишкек, 2003, с. 52-53.
4. Советская Киргизия. 4.06.1952.
5. Джамгерчинов Б.Д. К вопросу о присоединении Киргизии к России // Известия КирФан СССР. Вып. 7. Фрунзе, 1947, с.38-39.
6. Джамгерчинов Б.Д. Присоединение Киргизии к России. М.: 1959, с. 63.
7. Джамгерчинов Б.Д. Присоединение Киргизии к России. М.: 1959, с. 63.
8. Джамгерчинов Б.Д. Очерки политической истории Киргизии XIX века. Фруне, 1966, с. 162.
9. Джамгерчинов Б.Д. Очерки политической истории Киргизии XIX века. Фруне, 1966, с. 272.
10. Жакыпбеков Ж. Социально-экономическое и политическое развитие Кыргызстана во второй половине XIX начале XX веков: историография проблемы. Бишкек, 2003, с. 134.

Сведения об авторе: Шейшеканов Турдубек Бейшенакунувич, к.и.н., профессор, КНУ им. Ж. Баласагына (г.Бишкек, Кыргызстан), turdudek.sheyshekanov@mail.ru +996500908550

УДК: 94 :903.18. (575.2)

Шейшеканов Т. Б.

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

Sheyshekanov T. B.

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

ГОРОДА И ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ КАРАХАНИДОВ

Аннотация: В этой статье, анализируется развитие городов и городская культура в эпоху Караханидов. Благодаря Великому Шелковому пути, города Караханидского каганата стали процветающими центрами торговли, ремесла и культуры. На территории каганата возникает целый ряд новых городских центров. X-XII вв. был временем подъема городской жизни и культуры в каганате. В этот период в государстве шел процесс исламизации, который прежде всего охватил городскую среду. Рядом с городами появлялись мусульманские мавзолеи, мечети, формировались культовые ансамбли. Дошедшие до нас памятники материальной культуры, в том числе городской культуры эпохи Караханидов, нам показывает о высоком уровне городской культуры.

Ключевые слова: караханиды, каганат, город, культура, исторический источник, торговля, ремесло.

CITIES AND URBAN CULTURE IN THE KARAKHANID ERA

Annotation: This article analyzes the development of cities and urban culture in the Karakhanid era. Thanks to the Great Silk Road, the cities of the Karakhanid khanate became prosperous centers of trade, crafts and culture. A number of new urban centers emerged on the territory of the khaganate. The 10th-12th centuries were a time of rise of urban life and culture in the khaganate. During this period, the state underwent the process of Islamization, which primarily affected the urban environment. Muslim mausoleums, mosques appeared near the cities, and religious ensembles were formed. The monuments of material culture that have come down to

us, including the urban culture of the Karakhanid era, show us the high level of urban culture.

Key words: Karakhanids, Khaganate, city, culture, historical source, trade, craft.

Караханидский каганат – первое тюркское государство, которое возникло в середине X века на территории Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана. Образование государства Караханидов связано с политическими событиями, происходящими на обширной территории от Семиречья до Испиджаба на западе и до Кашгара на востоке, а также с распадом Карлукского каганата. В период существования Караханидского каганата (940-1212гг) произошли значительные сдвиги и изменения в политической, социально-экономической, культурной и этнической жизни каганата. Приход Караханидов к власти вовлечение тюркской аристократии в управление земледельческим оазисом, установление тесных экономических и культурных связей между кочевым тюркским и оседлым ираноязычным населением в рамках каганата, частичное оседание кочевников, ускорило развитие исторических процессов, в результате которых Средняя Азия, обрели новое этническое лицо, новую социальную и экономическую структуру, новый тип материальной и духовной культуры. Особую роль в развитии материальной культуры Караханидов сыграл Великий Шелковый путь. В трудах арабских авторов IX-X веков **Кудма ибн Джафара** (“Китаб ал-харадж”) (IX-Xвв), **Ибн Хордадбега** (“Китаб ал-масалик ва-л –мамалик”)(Xв) содержатся богатые сведения о Шелковом пути, проходящим по территории Средней Азии. [1, с. 22-30, 34-38].

Благодаря Великому Шелковому пути, города Семиречья и Восточного Туркестана в эпоху караханидов стали процветающими центрами торговли, ремесла и культуры. Еще в VI-VII вв.наиболее оживленным становится путь, который пролегал из Китая на Запад через Семиречье, хотя прежний путь через Фергану был короче и удобнее. Этот участок Шелкового пути сыграл важную

роль в распространении ислама и городской культуры в Семиречье. В Семиречье возникает целый ряд новых городских центров. К западу от **Суяба** было несколько городов, из которых каждый имел отдельного правителя, независимого от других, но все правители подчинялись тюркам. В IX-XII вв. в долине Иле, Иссык-Кульской котловине и в Центральном Тянь-Шане были построены несколько городов в оборонительных целях, но в то же время эти города стали центрами торговли, ремесла и земледелия. [2, с. 77].

В работе анонимного автора “**Худуд ал-алам**” перечислены города, селения, земли, озера и.т. д. Например, в Чуйской долине расположены селения: Кулан, Мерке, Нункант, Урун-Арч, Невакет, Барсхан, Ахсикет, Сох, Куба, Ош, Узгенд и др. [3, с.40-45., 378-379-б].

В этой же работе перечислены города: **Баба, Ахсикет, Ходженд, Бенакет, Ош, Узгенд** и другие. Автор отмечает, что “ **Ахсикет** – главный город Ферганы, место пребывания эмиров и амирей. Это большой город, расположенный на берегу реки Хашарт и у подножия горы. И в этой горе много золотых и серебрянных рудников, ...**Ош** – место населенное и очень богатое, жители воинственны. Расположен на склоне горы., на этой горе много сторожевых постов, которые ведут наблюдение за кафирами- тюрками, ...Узгенд – город на границе между Ферганой и тюрками ”. [4, с. 38, 44., 378-379-б]. Таким образом, автор перечислил более 10 городов этого региона.

Как известно Ош –один из древнейших городов Центральной Азии. О его древности свидетельствуют многочисленные данные: археологические материалы, сведения древних китайских и средневековых арабо-персидских письменных источников, религиозная мифология, фольклорные легенды, историко-географические труды европейских и русских путешественников. **Город Ош** развивался и в эпоху Караханидов. В IX - X вв. по сведениям арабских письменных источников Ош был третьим по величине и значимости городом всей Ферганской долины, уступавшим только двум столичным центрам – Ахсикенту и Куве. Являлся он и крупным торгово-ремесленным центром, где исходились все три вида средневекового товарообмена: между

городом и кочевниками, между городом и сельской округой и международный. **Ибн Хаукал** в своей работе “**Китаб ал-Масалик ва мамалик**” отмечал, что “...по величине за Ахсикетом город Куба, самый приятный из всех городов, близкий в этом отношении к Ахсикету. У него есть цитадель, медин и рабада. Цитадель разрушена, но соборная мечеть находится в цитадели. Рынки расположены в рабаде, дворец эмира и тьюрма также в рабаде. Рабад окружен стенами, в нем много садов и воды, превышающие сады и воды **Ахсикета**. Следующий за Куба по величине город Ош, в нем населенная медина и населенная цитадель. Дворей эмира и тьюрма в цитадели. У медины есть рабад, вокруг которого стены, они примыкают к горе, на которой расположен сторожевой пункт для наблюдения за тюрками. У медины трое ворот: ворота горы, ворота воды и ворота мугкада. Ворота медины укреплены” [5, с. 45-46]. Археологические материалы подтверждают интенсивный рост **Узгенда**, стольного города караханида Насра ибн - Али, а затем Ферганского удела в XI-XII веках. Город имел в отличие от других городов Средней Азии того времени, имел три обособленных шахристана. “ Узкенд-последний из городов Ферганы,/ если идти/ в сторону области войны/ с немусульманами/. Он занимает примерно 2/3 Оша. Он имеет цитадель, укрепленную медину и рабад. Рынки находятся в рабаде. Он является торговым пунктом у ворот тюрков, в нем есть сады и проточная вода. [6, с. 46].

Самым крупным городом и одним из центров Великого Шелкового пути в Чуйской долине являлся город **Баласагун**- одна из столиц Караханидского каганата. Баласагун впервые упоминается в сочинении **ал – Мукадасси** “**Ахсан ат – Такасим фи ал – Марифат ал – Акалим**” . В этой работе автора отмечается, что “ ... **Баласагун** – большой населенный город, обильный благами, остальные города близки друг другу по величине и населенности”. [7, с. 55]. В.В. Бартольд отождествлял Баласагун с развалинами Бураны и Ак-Пишина или Ак-Пешина (Ак-Бешима), при этом он полагал, что Баласагун “ с большой степенью вероятности можно отождествить с Ак-Пишином, причем Бурана в таком

случае могла составлять какое-нибудь загородное предместье. [8, с. 56-57., с. 165-166].

Башня Бурана расположена в 12 километрах от г. Токмак, на территории развалин городища Бурана. Многолетние исследования историков и археологов, дают основание полагать, что городище представляет собой развалины древнего города Баласагун – столицы каганата Караханидов. С середины X до начала XI вв. существовало могущественное государство Караханидов. В этот период центральные части крупных городов стали благоустраиваться и украшаться, в них стали размещаться помещения для с правления мусульманских обрядов. Многочисленные находки, сделанные при археологических раскопках, остатки сооружений, фрагменты водопроводных труб, изделия ремесленников и мастеров декоративного искусства красноречиво свидетельствуют о высоком развитии искусства и ремесел в те времена. Город существовал до XIV-XV вв. Но в то время он уже утратил прежнее значение. В XV в. Строеие города превратились в развалины, только остатки крепости и огромная башня свидетельствует о существовании, когда –то столицы могучих Караханидов. [9, <https://kghistory.akipress.org>unews-post:4202>].

Еще город Баласагун упоминается в исторических сочинениях» в качестве резиденции первого завоевателя Мавереннахра Богра – хана Харун б. Мусы (ум. 382 х./992-993г. н.э.) ...Позже Баласагун , по видимому, принадлежал обычно тому же правителю, что и Кашгар» [10, с. 288-289., с. 356]. Город **Кашгар** –это один из культурных центров каганата- вместе с Баласагуном, который уже в середине X века рассматривался как мусульманский город, являлись в XI веке форпостами мусульманской учености. Особую роль в культурной жизни в ту пору играл город Кашгар, где, среди других, первоначальное образование получил и великий тюрколог из тюрков, современник **Жусупа Баласагына, Махмуд Кашгари**. Как известно, **Махмуд Кашгари** дает ему три названия: Баласагун, Куз-Улуш и Куз-Орду. [11, с. 165-166].

Представляют интерес исведения о топонимической номенклатуре, представленной в работе **М. Кашгари**, среди которых упоминаются не только

названия водных источников, но и названия населенных пунктов и городов: **Баласагун, Тараз, Испиджаб, Шаш, Кашкар** и др. Барсхан-наименование населенного пункта в Прииссыккулье, скоторым непосредственно была связана жизнь Махмуда Кашгари, озеро Иссык-Куль, упоминаемые в “Словаре”. О городе Баласагуне, писал известный историк **З. Эралиев** следующим образом: “**Куз Ордо** көчмөн кыргыздар отурукташып, кыйла көп урууларды баш коштурган мамлекет түзүлгөндө, бул жер Баласагын шаарына айланат. Баласагын шаары болсо дүйнөлүк илимде эчак эле далилденгендей (А. Бернштам, В. Бартольд, Н. Маллаев, А. Абитеков, О. Караев) азыркы Чүй районундагы Ак-Бешим кыштагынын ордунда болгон”. [12, 245-б., 11-б].

Одним из крупных городов Восточного Караханидского каганата является **Тараз**. Этот город в источниках упоминается еще в VI в. В период Караханидского каганата Тараз был центром торговли. В городе имелся – цитадель, шахристан и рабад. Подъем экономики и культуры Тараза способствовало его место положение на торговом пути-в центре богатой земледельческой долины, рядом с серебрянными рудниками в горах таласского Ала-Тоо. **Абу –Бакр ал-Мукаддаси** географ X века , отмечал, что “ **Тараз** – большой укрепленный город, со множеством садов, густо заселенный, вокруг него ров, у него четверо ворот. Рабад его густо населен., возле ворот медины протекает большая река, а за рекой находится часть города с дорогой и населенный рабад. У ворот медины ольшая река, за ней часть города, через тнее есть переход. Соборная мечеть находится среди базаров ”. [13, с. 52]. **Аль–Истахри** в своем труде “ **Китаб масалик ал-Мамалик**” писал, что “ **Тараз** это рубеж между тюрками и мусульманами, и вокруг него укреплены стены, которые также носят название Тараз. Граница распространения ислама доходит до этого места, а оттуда до шатров харлуков. Это одновременно граница Чача” [14, с.30]. Путешественники, посещавшие в X – XI вв. **Тараз**, отмечали появление на территории вокруг него в это время оседло-земледельческой культуры. Известный археолог **Байпаков К.М.** отмечал, что “ ...города **Отрар, Туркестан, Тараз, Испиджаб, Баласагун, Талгар, Каялык** - это

административные, экономические и культурные центры государства, где важную роль играло скотоводство, в том числе и кочевое, которое перемещалось не только в меридиальном направлении, но в широтном, иногда на огромные расстояния., ... в период Краханидского каганата Кулан, а также Мерке, Нузкент, Баласагун и Харран были центрами торговли и ремесленников. [15, с. 88., с. 75-77].

Крупным городом на северо-западной границе владений Караханидов являлся **Отрар**. Этот город упоминается во всех географических и исторических сочинениях средневековых авторов. Отрар стоял на стыке различных географических ландшафтов и являлся местом пересечения караванных путей. От Отрара до Арыси шли дороги к Таразу, Баласагуну и далее в Восточный Туркестан. Как выявили археологические раскопки, территория города было тесно застроена домами, группировавшимися в кварталы –блоки. В городе функционировала канализация, а санитарно-гигиенические узлы являлись обязательной принадлежности каждого дома. На территории рабада Отрара раскопками вскрыты общественные бани X-XII вв. По планировке эта баня имеет аналогии с банями Средней Азии, Кавказа, Ближнего и Среднего Востока. Крупными городами в государстве Караханидов являлись **Самарканд** и **Бухара**. Столица западных Караханидов Самарканд X-XII веках настолько интенсивно росла, что часть южного рабада города превратилась во внешний шахристан, обведенный кольцом стен. Подъем Самарканда как город связан с долголетним правлением одного из караханидских ханов Ибрахима Тамгач хана (1046-1068), избравшего Самарканд своей резиденцией. В арабо-персидских письменных источниках, кроме выше перечисленных городов в Ташкентском оазисе упоминается до 50 городов, среди них крупными или разраставшимися в X-XII веках, были Исфиджаб (современный Сайрам), Бинкент (с XI в. Ташкент, столица области Шаша), Тункент (столица области Илака), Нузкент и Бенакет. В основном все крупные города Средней Азии состояли из четырех частей: цитадели, Шахристана, внутреннего и внешнего рабадов, обведенных валами.

В трудах географов X века упоминаются в Фергане 39 городов, Усрушане 12, Бухарском оазисе 29, в Согде 12 и в долине Кашкадарьи 6 городов. Археологические материалы, полученные на ряде городищ, убедительно свидетельствуют о том, что уже в VII – VIII вв. на нынешней территории Кыргызстана поселения достигли сравнительно высокой степени развития в экономическом и культурном отношении. В IX – X вв. бурный рост городов и селений характерен и для горных районов Ат – Баши, Кочкор, Кетмен-Тюбе, в связи с развитием горнорудной отрасли, освоением новых земель. По маршруту от Таласа до верховьев р. Чуй ибн – Хордадбек перечисляет 17 больших городов, расположенных, в основном, по левобережью Чуя. Он писал: « От Тараза до нижнего Барсхана три фарсаха, затем до Касрабасадва фарсаха... затем четыре фарсаха до Кульшуба, затем четыре фарсаха до Джуль – шуба, затем четыре фарсаха до богатого селения Кулан, затем четыре фарсаха до большого селения Бирки/ Мирки/ затем 4 фарсаха до Аспары ... затем четыре фарсаха до Навакета, ... затем до верхнего Барсхана, что на границе с царством Син, расстояние в 15 дней пути для пасущихся караванов, а для почты тюрок три дня пути. [16, с. 24]. В словаре Махмуда Кашгари также приводится большое количество названий городов государства Караханидов, в том числе, Улуг-Талас, Кэми-Талас, Тартуг, Баласагын, Кочкор-Баши, Санлиг-Каяс, Икки-Окус, Чигил, Барсган, Узкенд, Ягма, Аргу, Бухара, Исфиджаб, Самарканд, Талас и т.д.

Таким образом, период X-XII вв. был временем подъема городской жизни в Караханидском каганате. Возникали новые города, росли старые. Расширение площади городов шло за счет рабадов- торгово-ремесленных предместий. В этот период в караханидском каганате шел процесс исламизации, который прежде всего охватил городскую среду. Рядом с городами появлялись мусульманские мавзолеи, мечети, формировались культовые ансамбли. Дошедшие до нас памятники материальной культуры, в том числе городской культуры эпохи Караханидов, нам показывает о высоком уровне городской культуры.

Список литературы:

1. Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 3. Бишкек, 2025, с. 22-30, 34-38.
2. Акишев К.А, Байпаков К.М, Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 77.
3. Худуд ал – Алам//Материалы по истории киргизов и Киргизии.М., 1973, с.40-45., Кыргызстандын тарыхы, 1-том, Б., 2016, 378-379-б.
4. Материалы по истории киргизов и Киргизии.М., 1973, с. 38, 44., Кыргызстандын тарыхы, 1-том, Б., 2016, 378-379-б].
5. Ибн Хаукал. Китаб ал-Масалик ва мамалик // Материалы по истории киргизов и Киргизии. т.3. Бишкек, 2025, с. 45-46.
6. Ибн Хаукал. Китаб ал-Масалик ва мамалик // Материалы по истории киргизов и Киргизии. т.3. Бишкек, 2025, с. 46.
7. Ал-Мукаддаси. Ахсан ат-Таксим фи Марифат ал –акалим // Материалы по истории киргизов и Киргизии. т. 3. Бишкек, 2025, с. 55.
8. Бартольд В.В. Сочинения, т. IV. V. 1966, с. 56-57., с. 165-166.
9. Турусбек Мадылбай. Знание, дающее счастье // <https://kghistory.akipress.org>unews-post:4202>
10. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2.с. 288-289., т. III. С. 356.
11. Махмуд Кошгарий. Девону лугатит турк. Уч томлик // т.2, ташкент, 1962, с. 165-166.
12. Эралиев З. Жусуп Баласагын// Жусуп Баласагын тууралуу баян. Бишкек, 2004, 245-б., Эралиев З. Жусуп Баласагын-кыргыздардын улуу ойчулу. Бишкек, 2003, 11-б.
13. Ал-Мукаддаси. Ахсан ат-Таксим фи Марифат ал –акалим // Материалы по истории киргизов и Киргизии. т.3. Бишкек, 2025, с. 52.
14. Аль–Истахри. Китаб масалик ал-Мамалик// Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973, с.30.

15. Байпаков К.М. Взаимодействие земледельческих и кочевых культур // Диалог цивилизаций вып. II. Бишкек, 2003, с. 88., Его же, Раннесредневековые города и поселения Семиречья // Изв. АН Каз ССР. СОН. -№2, 1966, с. 75-77.

16. Ибн Хордадбех. Китаб ал-Масалик ва-л-Мамалик//Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Т.3. Бишкек, 2025, с. 24

Сведения об авторе: Шейшеканов Турдубек Бейшенатунович, к.и.н., профессор, КНУ им. Ж. Баласагына (г.Бишкек, Кыргызстан), turdudek.sheyshekanov@mail.ru +996500908550